

Альфонс ОЛАР

**КУЛЬТ РАЗУМА и КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА
ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Перевод *Е. С. КОЦ* и *А. Н. КАРАСИКА*

Москва: «Сеятель». 1925.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2009. Старая орфография оригинала и написание имен собственных сохранены.

- I. Культ Разума и культ Верховного Существа у философов: Руссо, Вольтера, Рейналя, Дидро, Мабли, Монтескье, Тюрго
- II. Предвестники культа Разума. Религиозные идеи Учредительного Собрания и Конвента
- III. Первые шаги культа Разума Андре Дюмон в Аббевиле. Фуше и Шометт в Невере. Поведение Конвента и правительства. Первый случай дехристианизации: коммуна Риз-Оранжи. Парижская Коммуна и якобинцы. Неудача идеи об отделении церкви от государства. Подготовка отречения Гобеля
- IV. Заседание 17 брюмера II года
- V. Праздник Разума в Соборе Парижской Богоматери. Поведение общественных властей
- VI. Культ Разума в парижских секциях
- VII. Культ Разума и философия. Статьи Салавилля
- VIII. Культ Разума и отношение к нему парижского населения. Политические катехизисы
- IX. Культ Разума в провинции
- X. Попытки установить обрядность культа Разума
- XI. Общая характеристика культа Разума
- XII. Начало реакции против культа Разума
- XIII. Выступление Робеспьера 1 фримера II года
- XIV. Парижская Коммуна отступает. Поведение Дантона. Отречение Шометта
- XV. Декрет о свободе культов и богослужения 16 фримера II года
- XVI. Противодействие политике Робеспьера
- XVII. Казнь Гебера, Дантона и Шометта
- XVIII. Предвестники культа Верховного Существа
- XIX. Робеспьер и Жан-Жак Руссо
- XX. Доклад Робеспьера и декрет 18 флореаля II года о Верховном Существо
- XXI. Коммуна. Якобинцы и декрет 18 флореаля. Поведение Карно
- XXII. Приготовления к празднику Верховного Существа и настроение общества
- XXIII. Праздник Верховного Существа (20 прериала II года)
- XXIV. Последствия праздника Верховного Существа
- XXV. Попытка ввести единообразие в культ Верховного Существа. Катехизисы и ритуалы
- XXVI. Культ Верховного Существа в провинции. Стремление приноровить культ к католическому образцу. Стремление слить его с культом Разума. Продолжение дехристианизации
- XXVII. Патриотизм и культ Верховного Существа
- XXVIII. Культ Верховного Существа растворяется в патриотизме
- XXIX. Революция 9 термидора и культ Верховного Существа

ПРЕДИСЛОВИЕ к РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Из всех современных исследователей Великой Французской революции Альфонс Олар является, без всякого сомнения, наиболее авторитетным. Посвятив себя с 1879 года специальному изучению эпохи, Олар делается одним из деятельнейших сотрудников основанного в 1881 году журнала «La Revolution Francaise», а с 1887 г. становится его бессменным редактором, оставаясь в то же время профессором Сорбонны по кафедре истории Французской революции. Начиная с 1882 года, когда вышла его первая книга по истории Революции («Ораторы Революции»), Олар выпускает значительное число посвященных этой же эпохе книг («Политическая история Французской Революции», «Очерки и этюды по истории Французской Революции», «Культ Разума и культ Верховного Существа во время Французской Революции» и т.д.), брошюр и статей, не говоря уже о свыше двух десятках томов опубликованного им документального материала. Среди этого последнего наиболее важными являются протоколы якобинского клуба, акты Комитета Общественного Спасения и собрание документов под названием «Париж в эпоху термидорианской реакции». Колоссальная эрудиция Олара по всем вопросам, так или иначе связанным с историей Французской Революции, стоит, таким образом, вне всякого сомнения, вследствие чего каждая написанная им строчка всегда достойна самого внимательного изучения.

Однако, Олар не только ученый, но и довольно заметный политический деятель. Типичный представитель мелко-буржуазного французского радикализма, ставящего своей задачей осуществление «принципов Великой Революции». Олар не только защищает Революцию от нападок ее литературных критиков (этой цели посвящена его книга «Тэн как историк Французской Революции», убийственная для этого реакционного историка), но и стремится к осуществлению заветов великой буржуазной революции в современной ему Франции эпохи Третьей Республики. С начала 30-х г.г. он сотрудничает в газете Клемансо «La Justice», принимает участие в борьбе радикалов с клерикализмом и в стычках с всемогущим в то время в академических кругах влиянием клерикальной и монархической реакции. Олару не раз приходится терпеть ожесточенные нападки со стороны своих коллег по педагогической и научной работе.

Эта эпоха 80-х и 90-х г.г. была лучшим временем в деятельности Олара. Начиная с 90-х г.г., эпохи торжества радикализма над клерикализмом, радикалы, как известно, круто поворачивают вправо, впадая под конец в отчаянный шовинизм и ура-патриотизм, и Олар не остается чужд этому превращению. Война 1914 г. застаёт нашего историка уже ярким шовинистом, и объявленный им в 1915 г. курс «Французская Революция и патриотизм» Олар посвятил не столько изложению своей темы, сколько агитации за войну „до победного конца». А когда наступает март 1917 года, то Олар, приветствуя революционную Россию, видит в февральской революции лишь «залог мира» на началах свободы, справедливости и солидарности народов, т.е. мира, который был столь блестяще впоследствии осуществлен в Версале...

Научные взгляды Олара вполне соответствуют его политическим убеждениям. Будучи не столько идеалистом, сколько скорее тем, что можно назвать позитивистом, Олар, однако, чрезвычайно далек от материалистического взгляда на историю. Сравнительно мало интересуясь экономической историей (недаром его главный труд носит название «Политической истории Французской Революции»), Олар вместе с этим недооценивает и социальную историю. Роль классовой борьбы остается для него книгой за семью печатями, и чрезвычайно характерно, что, стараясь отметить разницу между жирондистами и якобинцами, Олар видит ее только в их тактике¹ и утверждает, что «при чтении их (т.е. жирондистов и якобинцев. - Я.З.) речей, памфлетов и газет нельзя усмотреть почти никакой культурной или идеологической разницы»². А революция 31 мая - 2 июня 1793 г. объясняется Оларом только тем, что «парижский народ, убедившись, что истинной причиной наших военных поражений являлись раздоры внутри конвента, решил восстановить единство в центре управления посредством разгрома той из двух партий, которая казалась ему менее пригодной для управления»³.

Предлагаемая читателю книга посвящена одному из интереснейших моментов классовой борьбы 1793-1794 гг. - истории культов Разума и Верховного Существа. В среде многочисленных врагов, изнутри и извне окружавших революционную Францию, одно из первых мест, наряду с дворянами-эмигрантами, занимали и католические священники, и совершенно естественно, что навязанная так обр. революции борьба с духовенством должна была неизбежно принять форму борьбы с религией. Первым этапом этой борьбы явилась так называемая «дехристианизация» и культ Разума, выдвинутые крайне левыми элементами - «бешеными» и эбертистами, на которых, как известно, в своей борьбе с реакцией должны были опираться значительно более умеренные якобинцы. Но если не столько атеистический, сколько неопределенный пантеистический характер культа Разума вполне соответствовал классовой природе «бешеных», этих представителей ремесленных и люмпен-пролетарских масс Парижа и других городов, то, с другой стороны, вполне естественно, что мелко-буржуазные якобинцы, опасавшиеся покушений со стороны своих вынужденных союзников слева на «священное право собственности», должны были видеть в деистической (т.е. признающей личного бога) религии чрезвычайно удобного охранителя принципа частной собственности. Вот почему робеспьеристы с самого начала чрезвычайно холодно отнеслись к культу Разума, а когда победы на внутреннем и внешнем фронтах зимой 1793-1794 гг. позволили им перейти в наступление против своих вчерашних союзников, то вместе с эбертистами и «бешеными» исчез и основанный ими культ Разума и был заменен культом Верховного Существа. Таким образом, борьба между сторонниками обоих культов была лишь одним из эпизодов классовой борьбы этой эпохи, и то, что мы в данном случае имеем чрезвычайно яркий пример взаимоотношений между «базисом» и «надстройкой» делает, рассматриваемый период чрезвычайно интересным для всякого марксиста.

Однако, Олар соответственно своим политическим и научным взглядам не подошел к вопросу с этой, единственно правильной, точки зрения. Отметив в предисловии, что «и культ Разума и культ Верховного Существа не были замыслами философского или религиозного характера, не имеющими корней в историческом прошлом Франции и тесной связи с событиями, что они не были насильственным вторжением в ход истории, но являлись необходимым и притом политическим следствием состояния войны, в которую вверг революцию старый режим своим сопротивлением против нового строя», Олар, однако, в дальнейшем изложении не выдерживает этой точки зрения и сплошь и рядом объясняет некоторые моменты религиозной истории Революции взглядами отдельных личностей, в особенности, конечно, Робеспьера... «Робеспьеру не стоило большого труда пресечь развитие культа Разума», - говорит в одном месте Олар, а дальше, возвращаясь к тому же вопросу, он выражается еще яснее: «достаточно было авторитета одного человека, чтобы Франция отказалась от этого оружия (т.е. дехристианизации. - Я.З.) и заменила его другим».

Чем же объясняет Олар борьбу Робеспьера с культом Разума? «Для борьбы с культом Разума у Робеспьера было два основания: одно - религиозное, другое - политическое». Под последним Олар понимает утверждение Робеспьера, что дехристианизация усиливает вражду иностранных государств против Франции; что же касается религиозного основания, то Олар посвящает целую главу анализу религиозных взглядов Робеспьера и придает им чуть ли не решающее значение в факте установления культа Верховного Существа. А о социальных причинах, заставлявших Робеспьера, как представителя определенного класса, быть сторонником деистической религии, мы не находим, разумеется, ни единого слова.

И все же, несмотря на эти крупнейшие недостатки, работа Олара заслуживает полного внимания. При полной невозможности для широких русских читательских кругов ознакомиться не только с использованными Оларом архивными источниками, но даже и с теми документами, которые имеются в печатном виде, хотя и не переведены на русский язык, книга Олара является единственным и незаменимым пособием по одному из важнейших отделов истории революционной Франции в 1793-1794 гг. Фактический материал, содержащийся в предлагаемой книге, несомненно должен быть усвоен всеми, интересующимися историей Французской Революции, а оценить этот материал и сделать из него выводы, может быть, очень часто отличающиеся от тех, к которым приходит Олар - это уже дело самого читателя. Помощью при этом послужат посвященные вопросам истории Французской Революции популярные марксистские книги, брошюры и статьи, имеющиеся в достаточном количестве и на русском языке.

[См. материал об Оларе и его работы в сети: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#aulard>]

Як. ЗАХЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во II году Республики (1793 г.), как известно, революционная Франция сделала безуспешную попытку сперва упразднить христианскую религию посредством введения культа Разума, а потом заменить ее культом Верховного Существа.

Этот смелый замысел изумил и напугал Европу того времени, но он потерпел неудачу, и потому его объявили скандальным фактом, а не поучительным явлением; стало признаком хорошего тона представлять культ Разума и Верховного Существа как одну из самых вздорных нелепиц революционного безумия.

Но явились писатели, которые стали возражать против столь упрощенных суждений: одни из них склонны были видеть в антихристианском гебертизме лучшее воплощение идей Энциклопедии; другие признавали деизм сторонников Робеспьера религией, согласной и тогда и даже теперь с духом французской расы. Самый правдивый (если не самый точный) историк Революции Мишле полагал, что ни сухость, которою проникнут культ Разума, ни холод, которым веет от культа Верховного Существа, не могут быть родственны людям XVIII века в их голове, наполненной идеями Дидро, в их сердце, влюбленном во Францию, зародилась новая религия, культ родины и человечества. Если бы дух этой религии, который, по словам Мишле, жил в тайниках народной души, проявился в политике его правителей, он оплодотворил бы Францию, воспитал бы народные чувства в истинно национальном духе и, быть может, озарил бы весь мир.

Проникновенное изучение Эдгара Кинэ привело его к совсем иным результатам. Этого мыслителя не оскорбляла нечестивость наших предков, и тем не менее он не мечтал о торжестве свободной мысли. Обвиняя деятелей Революции в чисто французской робости, едко высмеивая нерешительность этих рассудительных Полиевктов, которые оскорбляли догмат, но боялись уничтожить его или по настоящему изменить, Эд.Кинэ упрекает их в том, что они из самого христианства не почерпнули новой религии для современности. К какому же невысказанному выводу приводят его все эти блестящие насмешки над духовным рабством Гебера или Робеспьера? К тому, что им следовало ограничиться обращением Франции в протестантство!

Что же касается церковных писателей, из коих многие порассказали о противохристианском движении в некоторых областях Франции, от них нельзя требовать вдумчивого беспристрастия в таких вопросах, как нельзя его требовать и от памфлетистов враждебного им лагеря, которые и сейчас еще поспешно и слепо ищут в воспоминаниях эпохи Террора необходимое оружие в вечной борьбе между наукой и религией.

Таким образом, большинство историков ставят себе вопрос, в чем должны были быть религиозные дерзания Революции, а не стараются выяснить, чем они были в действительности, и таким образом они скорее судят, чем излагают события. Читали ли эти историки сотни брошюр того времени, где в форме отчетов, речей или поэтических произведений запечатлены столь забытые сейчас манифестации в честь Разума и Верховного Существа?

Повидимому, они не заглядывали даже в наиболее известные архивы, если только не занимались областными исследованиями. Ни один из них не обрисовал в целом и на основании фактического материала это движение, одно из наиболее поучительных в истории Франции, да и всего человечества вообще. С другой стороны, это движение изучали изолированно, прибегая к рискованным отвлечениям, разобщая от условий, которые ему предшествовали, сопутствовали, которые, по нашему мнению, его породили. Из-за этого дехристианизаторы 1793 и 1794 гг. оказались теоретиками, которые использовались лишь случаем, чтобы применить на практике свои априорные взгляды.

Надеюсь, что этот исторический, чисто описательный очерк, составленный исключительно по документальным данным, покажет читателю, что и культ Разума, и культ Верховного Существа не были замыслами философского или религиозного характера, не имеющими корней в историческом прошлом Франции и тесной связи с событиями, что они не были насильственным вторжением в ход истории, но являлись необходимым и притом политическим следствием состояния войны, в которое вверг революцию старый режим своим сопротивлением против нового строя.

Кто прочтет эту работу, тот признает вместе с нами, что наши предки, возводя на трон в Соборе Парижской Богоматери богиню Разума, или прославляя на Марсовом поле бога Руссо, преследовали прежде всего чисто патриотические цели и в этих посягательствах против традиционной веры видели боевое оружие национальной обороны.

ГЛАВА 1. Культ Разума и культ Верховного Существа у философов: Руссо, Вольтера, Рейналя, Дидро, Мабли, Монтескье, Тюрго

Известно, что естественная религия была одной из идей, продиктовавших наиболее красноречивые страницы философам XVII! века, которых читали и у которых учились деятели революции.

Жан-Жак Руссо больше, чем кто-либо другой, был учителем морали французской революции. Религия «Савойского викария» внушила Робеспьеру идею культа Верховного Существа, его догматы и обрядности.

Имя Руссо даже в этом отношении настолько неотделимо от имени Робеспьера, настолько очевидно, что некоторые части «Эмиля» и последние страницы «Общественного договора» подготовили праздник 20 прериала II года Республики, что необходимо отложить изложение религиозных теорий женеvского философа до того момента, когда мы будем говорить о культе Верховного Существа.

Но надо также же сказать, что Вольтер имел не меньшее влияние на религиозную политику революционеров. Вернее, последние могли найти у Вольтера столько различных и достаточно убедительных текстов, сколько им нужно было, чтобы оправдать и подкрепить самые противоположные направления своей религиозной политики, являвшиеся, как мы увидим, меньше результаты доктрины, чем жизненных обстоятельств.

Так, когда Учредительное Собрание, еще не совсем освободившееся от веры отцов, провозглашает себя католическим, апостолическим и римским, отказываясь в то же время объявить католичество государственной религией, оно может вспомнить о почестях, воздававшихся неоднократно благоразумием Вольтера той самой религии, искренним врагом которой он был.

Не писал ли он в «Философском словаре» в статье о религии: «Я не говорю здесь о нашей религии, единственной, которая хороша, единственной, которая необходима, единственной, которая испытана». Правда, тут же он добавлял: «...И второй по счету, данной в откровении». Несколько раз этот великий насмешник на глазах у всех делал вид, что склоняется пред алтарем, без тени усмешки.

Когда члены Учредительного Собрания думали национализировать религию, создать французскую церковь, независимую от Рима, когда они хотели посредством гражданской конституции воплотить в жизнь галликанскую мечту, сколько аргументов, сколько формул того же Вольтера всплывало в их памяти, насыщенной произведениями этого философа? Вольтеровские насмешки на папами были у всех в голове, у всех на устах, и сам французский язык как бы приспособился к этим шуткам. С другой стороны, кто больше Вольтера настаивал на необходимости реформировать христианство? Не писал ли он в «А, В, С» и в сотне других мест: «Необходимо во что бы то ни стало очистить религию».

Как же ее очистить? Отодвигая на задний план догмат, выдвигая одну мораль. Именно Вольтер популяризовал образ священника-блюстителя морали, священника - третейского судьи, священника-врача, священника-агронома. Можно ли найти лучший комментарий к гражданской конституции, чем катехизис кюре в Философском словаре»? Теотим - деревенский священник и вот как понимает он свои обязанности: «Я, говорит он, достаточно изучил юриспруденцию, чтобы помешать моим прихожанам, поскольку буду в силах, вести разорительные процессы. Я достаточно знаком с медициной, чтобы прописывать им простые лекарства, когда они заболеют. Я имею достаточно знаний в агрономии, чтобы давать им иногда полезные советы. Местный землевладелец и его жена, честные люди и не ханжи, помогут мне творить добро. Я надеюсь, что буду жить счастливо и что вокруг меня не будут несчастны и другие».

Что касается до запрещения браков, то Теотим подчиняется ему, но надеется, что со временем какой-нибудь более просвещенный Собор разрешит священникам брать себе жен. Он будет «всегда говорить только о нравственности и никогда о религиозных разногласиях». Какое же участие будет он принимать в церковных диспутах? Никакого. «Никогда не спорят о добродетели, потому что она исходит от бога, ссорятся только из-за мнений, которые исходят от людей». И его собеседник восклицает: «О, прекрасный кюрэ! О, прекрасный кюрэ!»

Революция воплотит некоторые черты этого типа прекрасного кюрэ в аббате Грегуаре, в скромном и смелом Жалле, во множестве конституционных священников, которые совершили смертный грех, предпочтя отечество религии, или, верней, которые в своей наивности допускали возможность примирения старой веры с новым духом,

Но попытка согласовать христианство с революции потерпела неудачу. И мы видим, что церковь вступала в заговор с врагами отечества как внешними, так и внутренними. Папистский священник сносится с Кобленцем, зажигает восстание в Вандее. Конституционный священник, повидимому, идет об руку с федералистами. Всюду, где существует заговор против революции, ищут священника. Тогда меняется отношение к служителям культа, хотя религиозные взгляды остаются прежними. Начинают преследовать духовенство, бьют без разбора всех, как неприсягнувших, так и присягнувших, оскорбляют храмы, низвергают алтари, доходят до того, что покушаются на самый догмат. Это попытка дехристианизации, это культ разума.

Тогда снова антихристианская насмешка Вольтера появляется у всех на устах. Его забавная и убийственная полемика вдохновляет революционную прессу. Гебер и Клоотс преподносят пароду вульгаризированного Вольтера, в виде бешеных памфлетов. Миллионы вооруженных волонтеров в лагерях и казармах увеселяются этими шутками, которые облекают в плоть и кровь непочтительные и трезвые инстинкты, таящиеся в глубине народной души. Автор «Философского словаря» предводительствует атакой, предпринятой в конце концов против алтаря, предпринятой потому, что алтарь стремился поддержать трон, и «отец Дюшен разносит по всей Франции грубое, но подлинное эхо Вольтерова смеха».

Те из противников христианства, которые думали только о смехе и брани, но действительно верят в силу разума, могут, в свою очередь, найти у Вольтера благородные и веские слова. Они читали в предисловии к «Альзиру», что настоящая религия заключается в том, чтобы быть человеческим. Автор «Кандида» не был насмешливым пессимистом, но одним из пылких и красноречивых апостолов «религии человечества», господствовавшей в XVIII веке. Анахарсис Клоотс должен был запечатлеть в своем сердце его слова:

«Хотите, чтобы ваша нация была могущественна и жила в мире? Пусть государственные законы управляют религией.

Какая из религий наименее дурна? Та, в которой меньше догмата и больше добродетели. Какая из религий наилучшая? Самая простая.

Паписты, лютеране, кальвинисты - все это одинаково кровавые религиозные клики. Паписты это рабы, которые сражались под знаменами папы во имя своего тирана. Лютеране сражались за своих князей, кальвинисты за народную свободу.

Янсенисты и молинисты разыгрывали фарс во Франции. Лютеране, кальвинисты давали кровавые представления в Англии, Германии, Голландии.

Догмат осудил на мученическую смерть десять миллионов христиан. Мораль не причинила ни единой царапины.

Догмат вносит разъединение, ненависть, жестокость в области, в города, в семьи. О, добродетель, будь нашей утешительницей!»

Когда Культ Разума под давлением Робеспьера преобразовался в культ Верховного Существа, стоило только открыть Вольтера, чтобы найти там тысячу действительных аргументов. В своих проповедях служители нового культа могли сколько угодно цитировать и на самом деле цитировали стихи из «поэмы о естественном законе»:

«...Этот закон, суверенный для Китая, для Японии,
вдохновил Зороастра, просветил Соломона.

С одного конца света до другого он говорит, он кричит:

«Преклоняйся пред богом, будь справедлив, обожай отечество».

Какое количество текстов черпали эти проповедники для своих поучений из писаний Вольтера! Здесь Вольтер говорит, что естественная религия не что иное как «принципы морали, общие всему человеческому роду», так что надо «привести людей, насколько это возможно, к первобытной религии, которая, по признанию самих христиан, была когда-то религией всего человеческого рода».

Конечно, Вольтер не христианин, и Робеспьер имел основание ненавидеть его. Но во скольких местах своих произведений заявлял он, до Робеспьера, что религия хороша лишь в том случае, когда она основана на небольшом количестве догматов, вере в бога, вере в бессмертие души. Вольтер воздвиг храм богу, *Deo erexit Voltaire*; что нового сделал Робеспьер, когда он основал свой культ Верховного Существа?

Можно, таким образом, сказать, что слова Вольтера, если не дух его, примешивались ко всем проявлениям религиозной политики французской революции, которая, поскольку она была народной, в каждой своей фазе жизни узнавала себя в нем, и вполне справедливо поместила его прах в Пантеоне.

Есть еще один философ, который пользовался большим авторитетом во время революции: это аббат Рейналь в его «Философской истории обеих Индий» имеется страница, которую надо процитировать целиком, чтобы понять образ мыслей тех из революционеров, которые считали возможным посредством законов очистить, ограничить или изменить религию.

«Государство, - говорит аббат Рейналь, - не создано, как кажется, для религии, но религия создана для государства. Первый принцип. «Общее благо есть основа всего, что должно иметь место в государстве. Второй принцип. «Народ или верховная власть, от него происходящая, единственно имеет право судить о соответствии с общим благом любого установления в государстве». Третий принцип.

Эти три принципа обладают, на мой взгляд, неоспоримой убедительностью, и все дальнейшее является только выводом из них.

Очевидно, этой власти, и только ей одной, принадлежит право подвергать просмотру догматы и учение каждой религии: догматы - чтобы убедиться, не угрожают ли они, вопреки общему благу, спокойствию государства волнениями, тем более опасные, что идеи будущего счастья осложняются здесь усердием во славу господню и подчинением истинам, которые считаются полученными в откровении; учение - чтобы видеть, не противоречит ли оно господствующим правам, не заглушает ли патриотического духа, не ослабляет ли мужества, не мешает ли росту промышленности, браков и общественных предприятий, не вредит ли размножению населения и общительности, не внушает ли фанатизма и нетерпимости, не вносит ли разлада между родственниками в семье, между семьями в городе, между городами в государстве, между различными государствами на земле, не уменьшает ли оно уважения, коим обязаны подданные своему государю и должностным лицам, и не проповедует ли оно слишком суровых правил, которые порождают печаль, либо таких, которые, напротив, приводят к безумствам.

Эта власть, и только эта власть, может воспретить установленный культ, принять его снова или даже вовсе обходиться без культа, если ей это будет удобно».

И дальше:

«Никакого другого собора, кроме собрания министров государя. Когда администраторы государства собрались, собралась церковь. Когда государство произнесло свое слово, церкви нечего больше сказать.

Никаких других апостолов, кроме законодателя и чиновников

Никаких других священных книг, кроме тех, которые они признают таковыми.

Никакого божественного права, кроме блага Республики».

Эти суровые положения, в которых есть что-то от непреклонности Бильо-Варенна, должны были часто приходиться в голову некоторым из авторов гражданской конституции и многим из числа борцов против христианства и фанатиков государственного деизма.

Что касается Дидро, то его любовь к человечеству была душой, которая (хотя и бессознательно) обогатила и осчастливила революцию. Его натурализм внушил Эро-де-Сешелю философские речи, которые он произнес на торжестве 10 августа 1793 года. Но его влияние, распространявшееся преимущественно через «Энциклопедию», было почти анонимно; его писания были известны только некоторым избранным, и я не думаю, чтобы Дидро часто цитировали в речах, произносившихся с трибуны, и в светских проповедях. Только в наши дни открыли и поняли до конца его мысль или, вернее, инстинкт этой большой души, этого широкого ума, который далеко опередил свое время и самое Революцию.

Имя Мабли чаще произносилось и привлекалось в религиозных спорах Революции. Его можно рассматривать после Руссо как одного из отцов робеспьеристской церкви как одного из предтеч культа Верховного Существа.

В своем трактате «О законодательстве» он рекомендовал государственному человеку разъяснять гражданам, «что они находятся под властью Верховного Существа, которое правит миром и чья справедливость карает порок и награждает добродетель». Никто не установил, подобно ему необходимости открытого всенародного поклонения Верховному Существу с храмами, священниками; церемониями: внутренний культ недостаточен; одна мысль о нем - это предосудительная химера. Мабли даже предвидел и заранее заклеил культ разума.

Трактат «О законодательстве» относится к 1776 г. Семнадцать лет спустя те же формулы окажутся на устах Робеспьера, когда в якобинском клубе 1-го фримера II года республики он будет греметь против гебертистов, расчищая путь для пришествия своего божества.

Сам Тюрго в своей молодости как-будто предвидел и одобрял движение дехристианизации; в 1753 г. в своем первом «Письме о терпимости» он осуждал государство за то, что оно оказывает специальное покровительство религии, которая «показалась бы ложной при свете разума».

Поскольку речь идет о Монтескье, его авторитет для людей 1789 года играл большую роль. Но если учение о разделении властей оказало значительное влияние на всю революцию, то можно сказать, что Монтескье ограничивался лишь политическими советами революционерам, в области же религиозных вопросов призывал их к невмешательству.

Правда, он написал, что «католическая религия больше подходит к монархии, а протестантская лучше соответствует республиканскому образу правления». Но наши отцы видели в этом не больше, чем афоризм, не имеющий практического значения, и если идея «опротестантить» Францию и не была чужда некоторым революционерам, но никто из них не думал серьезно о ее осуществлении.

Если Монтескье имел влияние в этой области, то оно было скорей отрицательным. Он протестовал заранее против попытки очистить, упростить христианство, когда, из-под пера его вырвалась презрительная фраза: «Религия, обставленная многочисленными обрядами, привязывает к себе больше, чем та, которая имеет их в меньшем количестве». Не правда ли, здесь как бы кроется уже определенное осуждение будущего культа Верховного Существа»

Его мысль, казалось, заключалась в том, что государственный деятель не может быть слишком сдержан в области религии: «Государь, - говорит он, - который пытается разрушить или изменить господствующую религию в своем государстве, подвергает себя слишком большой опасности». Вот, кажется, удачная формула для выражения той религиозной робости, по мнению Эдгара Кине, врожденной нашей расе, которая помешала, согласно тому же мыслителю, движению дехристианизации дойти до конца. Несомненно, что в религии, как и в политике, престиж Монтескье во многих случаях ослаблял решимость революционеров и охлаждал их пыл. Даже в Конвенте афоризмы учителя, превратившиеся в догматы, незаметно сковывали умы, и если случалось, что и нарушали, например, игнорируя учение о разделении властей при создании Комитета Общественного Спасения, то спешили оправдаться в этом, как бы раскаиваясь в совершении политического греха.

Таковы были некоторые из философских изречения, часто приходивших на память и срывавшихся с уст революционеров во время религиозных схваток. Но не следует думать, что эти изречения целиком обусловили их поступки, дали направление их политике, или что эти люди действия выступили на политическую арену с тем, чтобы воплотить в жизнь системы, вычитанные ими из книг. Нам кажется, что они больше всего прислушивались к советам жизненного опыта, к его властной необходимости.

Если, например, они сделали вид, что уничтожают христианство, то не потому, что Вольтер бросил клич «раздавить подлую», и не потому, что аббат Рейналь создал теорию прав государства над совестью граждан, но потому, что католический священник конспирировал с внешним врагом. Они опрокинули алтарь не из-за философии, но из-за патриотизма, не для того, чтобы осуществить априорные принципы, но для того, чтобы обеспечить национальную оборону и защитить новый общественный строй. Самое большее, пожалуй, что можно сказать, - эхо, что их поддерживало в этой борьбе воспоминание о прочитанных книгах.

ГЛАВА II. Предвестники культа Разума. Религиозные идеи Учредительного Собрания и Конвента

Принято связывать культ Разума с предшествовавшим философским движением, о котором мы только что упомянули в нескольких словах. В Гебере видели сына Дидро, как в Робеспьере сына Жан-Жака. Различали в философии XVIII века две тенденции: одну натуралистическую и атеистическую, другую спиритуалистическую и деистскую. Эти две тенденции боролись во время революции, как они боролись и в теории. Сперва энциклопедисты оказались победителями: культ Разума. Потом они были побеждены и вытеснены спиритуалистами, учениками «Савойского викария»: культ Верховного Существа

С философской точки зрения эти взгляды нельзя назвать ошибочными, но им не хватает исторического обоснования, которое делало бы понятным, почему именно в этот момент и именно в такой форме оказался возможным опыт дехристианизации, за которым последовал немедленный поворот обратно к христианству.

Оба эти движения при надлежащем истолковании истории оказываются непосредственным следствием борьбы новой Франции против реакционной Европы.

Думать, что французский народ, кат одический в 1791 г., проникся через каких-нибудь два года, и благодаря прогрессу просвещения философскими идеями, - значило бы дать доказательство своей наивности.

Когда утверждают, что французы, взятые в массе, были католиками в начале революции, то этим не хотят сказать, что их вера не была поколеблена Вольтером и философами. В общем, буржуазия, знать и даже часть высшего духовенства смеялись над догмой. Высмеивали тайны, но не хотели отложиться от церкви - таково именно впечатление, которое получается при внимательном чтении наказов 1789 г. Хотели продолжать называть себя католиками; требовали добрых пастырей, которые были бы блюстителем морали, а не проповедниками догмата. Аббат Грегуар был идеальным кюрэ. Что касается крестьянина, то он оставался верен своим унаследованным привычкам. Он хотел только, чтобы его кюрэ, крестьянин, как и он сам, не был больше козлом отпущения для высшего, сановного духовенства. Вообще в крестьянине не было ни тени фанатизма.

Учредительное Собрание провозглашало себя сторонником философии и в то же время оно называло себя католическим.

Когда отец Жерль потребовал, чтобы оно объявило католицизм национальной религией, оно отказалось, между прочим, и «потому, что приверженность Национального Собрания к католическому, апостолическому и римскому культу не может быть подвергнута сомнению».

Два года спустя, когда Делакура, друг Дантона, предложил 3 июня 1792 г. в Якобинском клубе уничтожить католический культ и заменить изображения святых статуями Руссо и Франклина, клуб объявил это предложение неконституционным и отказал ему в чести опубликования.

Создавая гражданскую конституцию духовенства, Учредительное Собрание стремилось только вернуть религии ее первоначальную чистку и национализировать ее.

Соппротивление духовенства, его антипатриотическое соглашение с реакцией вовне и внутри изменили мало-по-малу, если не глубины убеждений, то внешние отношения.

Я говорю: внутренние чувства остались прежними. Действительно, слова против провидения, вырвавшиеся у Гюадэ в Якобинском клубе, 26 марта 1792 г., и в Конвенте, 12 декабря 1792 г., прославление науки как религии Дюпоном в противовес богу «Савойского викария» - эти манифестации оставались единичными явлениями. Когда Питт представлял их в английском парламенте как подлинный образец революционной нечестивости, во Франции только пожимали плечами.

В действительности Конвент вначале выказал большое почтение к католицизму. Он помнил, что большинство избирательных собраний, призвавших его к власти, открывали свои сессии мессой и заканчивали пением *Te Deum*. Его декреты 30 ноября 1792 г. и 11 января 1793 г. были формальным заявлением о том, что «он никогда не имел намерения лишить народ служителей католического культа, данных ему гражданской конституцией духовенства». 27 июня 1793 г. он постановил, «что содержание духовенства падает на государственный бюджет».

27 марта Карра и Огиз говорили вандейцам от имени Конвента, что «республика основана на морали евангелия». В Париже 30 мая 1793 г. крестные ходы происходили свободно и без нарушения порядка. Наконец, конституция 24 июня 1793 г. в статье 122 гарантировала каждому французу свободное отправление его культа.

Мысль о нападении на догмат, об уничтожении католицизма стала популярной лишь в тот критический период, от апреля до декабря 1793 г., когда революции пришлось одновременно бороться против Вандеи и против Европы.

В то время были убеждены, что религия - это душа коалиции против отечества.

Сначала боролись с папой и неприсягнувшими священниками, потом с раскаявшимися конституционными, потом с равнодушными, - но только с людьми, а не с учением. Дурным священникам противопоставляли хороших.

Во время призыва трехсот тысяч человек (в марте-мае 1793 г.) эмиссары Конвента в провинциях увидели, что скрытым, но непреодолимым препятствием к его проведению было духовенство. Позднее, в июне и в июле, увидели, что часть конституционных священников вступила в заговор с федералистами.

Но когда священники были обезврежены страшными законами, направленными против них, пришлось с ужасом обнаружить, что их дух живет в крестьянине. Крестьянин хочет, чтобы ему вернули его куря, - не то, чтобы он оправдывал его антипатриотическое поведение, но ему нужно его богослужение.

Ну что-ж, раз старый культ служит препятствием к спасению отечества, уничтожим старый культ!

Эта скороспелая и дерзкая идея появляется в некоторых горячих головах в разгар опасности, в сентябре и октябре 1793 г. Безумцы в своем страстном желании спасти отечество воображают, что можно уничтожить в несколько дней вековую религию и искусственно создать новое и могущественное бродило в душах,

Этой попыткой и было создание Культа Разума.

Она была подготовлена и поощрена оскорблениями святыни, которые оказались необходимыми для целей национальной обороны: таким было, например, разрушение храма *Saint-Amroule* в Реймсе членом Конвента Рюлем 7 октября 1793 г.

Ту же роль сыграли вскоре суровые законы против неприсягнувшего духовенства и даже против конституционных священников, которых декрет 29 и 30 вандемьера II года ставил под подозрение, а также множество распоряжений комиссаров Конвента, объявлявших подозрительными всех духовных лиц, которые не представили своих священнических дипломов, уничтоживших почти все обособленные часовни вне населенных мест.

Наконец, браки священников, которые, сделав смешным духовенство, сделали смешной и религию.

Уже в ноябре 1792 г. вступил в брак епископ Тома Лэндэ. 22 сентября 1793 г. «гражданин Понтар, епископ департамента Дордонь, представляет Конвенту супругу, которую он избрал бедную деньгами, но богатую добродетелью, из класса санкюлотов, где царит целомудрие и приятная простота». Председатель Камбон дает братский поцелуй обоим супругам. Более двух тысяч священников, говорит Грегуар, вступили в брак.

Конвент покровительствует своими законами женатым священникам. Он постановляет, что если прихожане изгоняют их, они сохраняют свое содержание; что все удаления с должности женатых священников аннулированы, что содержание священников, потревоженных из-за вступления их в брак, возлагается на обязанность коммун, которые их преследовали, и что эти священники будут пользоваться своим жалованьем, где они захотят. В действительности Конвент создает легальную привилегию в пользу женатых священников.

Еще одна мера, с виду незначительная, имела самые важные последствия.

22 июля 1793 г. департамент Соны и Луары требует, чтобы ему разрешили перелить в пушки колокола, бесполезные для культа.

Тогда по предложению Бодо Конвент постановляет, «что будет оставлено только по одному колоколу и каждом приходе, что все остальные будут предоставлены в распоряжение Исполнительного Совета, который озаботится доставлением их в месячный срок на ближайшие литейные заводы для того, чтобы из них были отлиты пушки».

Этот декрет, разъяривший крестьян, не легко было осуществить. Переписка комиссаров изобилует подробностями, описывающими все трудности, которые они встретили при исполнении этой части своей миссии.

С другой стороны, при снятии колоколов, клубисты и чернь привыкают насильственно врывать в храмы: святыня теряет свой престиж.

Не ограничились тем, что забрали бронзу и колокола из церквей: взяли также драгоценные металлы, которые там были; осуществили, даже превзойдя его, старый декрет Учредительного Собрания», согласно которому серебряные предметы, не являющиеся необходимыми для благолепия культа, отсылаются на монетный двор.

Короли не раз давали пример ограбления церквей: теперь обирали храмы, чтобы спасти отечество.

Эта идея ярко выражена депутацией коммуны Сен-Дени, которая, принеся в Конвент отобранное церковное имущество, обратилась с такой речью к святым, которых она обокрала: «Вы, некогда бывшие орудием фанатизма, святые отцы, святые жены, блаженные всякого рода, покажите себя, наконец, патриотами; восстаньте всей массой, отправляйтесь на монетный двор. И да будет нам дано с вашей помощью, получить в этой жизни то счастье, которое вы сулили нам за гробом!».

К этому взгляду, вполне патриотическому, но анти-христианскому, - потому что безбожие было уже в том, что ставили отечество выше религии, - вскоре приметалась философская идея: уничтожить внешние проявления культа для того, чтобы разрушить самый культ. Санкюлоты-иконоборцы мало-по-малу стали также и Полиэвктами.

ГЛАВА III. Первые шаги культа Разума. Андре Дюмон в Аббевиле.

Фуше и Шометт в Невере. Поведение Конвента и правительства.

Первый случай дехристианизации: коммуна Риз-Оранжи.

Парижская Коммуна и якобинцы.

Неудача идеи отделения церкви от государства. Подготовка отречения Гобеля

Инициатива антирелигиозного движения исходила из Провинции, где оно началось под руководством некоторых комиссаров Конвента.

Среди этих людей Андре Дюмон был первый, поднявший руку на алтарь. 1 октября 1793 г. он пишет Конвенту из Аббевилля:

«Я должен дать вам отчет относительно образа моих действий в этом городе и считаю, что он заслуживает того, чтобы стать общепринятым. Окруженный остатками администрации, которую я устранил при громких одобрениях народа, я получил от народа имена их заместителей. В числе их находились два священника; я счел этот случай подходящим для того, чтобы потребовать от них, в присутствии более чем восемнадцати тысяч человек, публичного изложения их убеждений. Я был на трибуне, и, быть может, впервые эти два гражданина говорили с нее правду. После того, как я дал понять народу, как его обманывали эти священники, после того, как разжегил ему, что это были всего лишь арлекины и паяцы, переряженные в черное, которые показывали марионеток; что все, что они делали, было одним кривляньем для выманывания денег; что я надеялся в скором времени увидеть, как исповедали, подобно дворянским грамотам - запылают в торжественных аутодафе, - я заявил, что не считаю возможным верить в приверженность республике людей, называющих себя священниками для того, чтобы обманывать народ, и согласен принять этих двух кандидатов лишь при условии, что они последуют за мной на трибуну и там изложат свои политические убеждения. Мое предложение, покрытое аплодисментами, повело к очень забавной сцене.

Мои два конституционных священника поднимаются на трибуну, которую на этот раз я по справедливости называю трибуной истины, и возвещают народу, что все мои слова - истинная правда, и что в действительности не существует иной религии, кроме религии ума и сердца. Гремят рукоплескания; крики: «Да здравствует Конвент! Да здравствует Гора!» несутся со всех сторон, народ требует, чтобы я дал им братский поцелуй, и я даю его посреди новых рукоплесканий. Когда я уходил, меня торжественно провожал весь город; ничего не слышно было, кроме криков: «Да здравствует Конвент! Мы спасены!»

А 26 октября Дюмон постановил в Амьене, «что всякий священник, уличенный в том, что в дни, известные прежде под названием праздников или воскресений, он отправлял религиозные службы, как то: обеды, вечерни, всенощные, заутрени, будет немедленно взят под стражу и препровожден в тюрьму для предания уголовному суду и понесет наказание как нарушитель закона». Быть может, самыми смелыми в совершении насилий над церковью были два питомца церкви, двое расстриг - Лапланш, бывший бенедиктинец, и Фуше, бывший ораторианец.

Поведение Фуше в Невере приобрело широкую известность и вызвало подражания. Именно Фуше в этот период подготовки культа Разума наиболее резко и непосредственно обрушился на католицизм. Припомним главнейшие его действия.

В разъезды в качестве комиссара Конвента он повез с собой свою жену; она разрешилась от бремени в Невере, 10 августа 1793 г.; Фуше сам окрестил своего сына вперед алтарем отечества и дал ему имя Ниевр⁴. Шометт, сентиментальный и морализирующий прокурор Парижской Коммуны, находился в это время в Невере. Он был помощником и, по всей вероятности, вдохновителем Фуше. Оба торжественно открыли бюст Брута на празднике, которому придали антирелигиозный характер (22 сентября 1793 г.). Тремя днями позже Фуше постановляет, что каждый служитель культа или священник, пользующийся содержанием от нации, обязан жениться, или усыновить ребенка, или кормить нетрудоспособного старика под страхом устранения от должности и лишения содержания. 26 сентября он объявляет (ложно), что Конвент уполномочил его «заменить лицемерные и суеверные культы, которых, к несчастью, еще придерживается народ, культом республики и естественной морали». 10 октября он издает свое знаменитое распоряжение о кладбищах.

«Именем французского народа представитель департаментов Центра и Востока, принимая во внимание, что французский народ не может признавать никаких привилегий, кроме тех, которые установлены законом, справедливостью и свободой, никакого культа, кроме культа всечеловеческой нравственности, никакой догмы, кроме догмы ее самодержавия и всемогущества; принимая во внимание, что в момент, когда Республика торжественно объявила, что она оказывает одинаковое покровительство отправлению культов каждой религии, дозволение всем сектантам выставлять на публичных площадях, дорогах и улицах символы своего культа и устраивать религиозные церемонии могло бы повести к беспорядкам в городе, - постановляет следующее:

Статья 1. - Все культы различных вероисповеданий могут быть отправляемы только в принадлежащих им храмах.

Статьи 2 и 3 были для того критического времени вполне корректны и даже сравнительно либеральны. «В виду того, что Республика отнюдь не признает господствующего или привилегированного культа, все религиозные символы, находящиеся на дорогах, площадях и вообще во всех общественных местах, подлежат уничтожению. Запрещается, под страхом заключения, всем церковно и священнослужителям показываться вне храмов в одежде, присвоенной их культу».

Нельзя ничего возразить также и против статьи 7:

На могилах тех, за кем граждане общины признают после смерти важные заслуги перед отечеством, будут воздвигнуты каменные изваяния, украшенные дубовыми ланками».

Но остальные статьи были проникнуты совершенно иным духом, который не был ни духом закона, ни духом Конвента. Вот они:

«Статья 4. В каждом поселении все умершие граждане, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, будут препровождаться через 24 часа после смерти и через 48 часов, в случае внезапной смерти, на место, предназначенное для общего погребения, под погребальным покровом, на котором будет изображен Сон, в сопровождении публичного чиновника и окруженные своими друзьями, одетыми в траур, и отрядами своих братьев по оружию.

Статья 5. Общее место, где будет покоиться их прах, должно быть удалено от всякого жилища и обсажено деревьями, под сенью которых будет возвышаться изваяние, изображающее Сон. Все прочие символы подлежат уничтожению. Статья 8.-На воротах этого участка, посвященного религиозным почтением душам умерших, будет следующая надпись: «Смерть есть вечный сон».

Статья 9. Настоящее распоряжение будет напечатано, прочтено, обнародовано и расклеено на протяжении всего департамента, разослано во все генеральные Советы всех коммун и священникам, которые будут ответственны за его исполнение».

Я не говорю о поэтическом настроении, проникающем эти предписания, в которых можно было бы усмотреть нечто вроде величавой меланхолии, сухого и гордого пессимизма, если бы они не исходили от гнусного Фуше. Но здесь необходимо отметить, что Фуше навязывал народу, в форме публичного культа, философские взгляды, тогда еще редкие, и что он хотел сделать их национальными и исключаящими все другие учения. В этом была его смелая и чисто личная инициатива, которой нельзя было предвидеть ни на основании политики Конвента, ни даже на основании философствований Парижской Коммуны, достаточно неопределенных.

Фуше не остановился на этом. 22 октября он устраивает в Невере совершенно языческий праздник «для воздания почестей доблести и нравственности». Среди широкой равнины подле города он приказывает воздвигнуть алтарь, возжигает на нем «Священный огонь Весты», строит «храм любви» для брачных церемоний, больше число которых тут же и происходит.

Несколькими днями позднее в Рошфоре Ленъело преобразовал приходскую церковь в «Храм Истины», где в торжественной церемонии восемь католических священников и один протестантский сложили с себя сан. Все городское население, протестантское и католическое, поклялось в забвении старых предрассудков и старых распрей. Ленъело написал в Конвент, что в Рошфоре нет другого храма, кроме храма Истины, и другой морали, кроме прав человека, скрижалями которых заменены католические эмблемы.

Так, не путем теорий, но на практике провинция дала Парижу пример дехристианизации Франции.

Каково же было поведение Конвента и правительства? Не доходя до действий, прямо уничтожающих культ, государственные власти уже во время праздника 10 августа 1793 г. в честь принятия конституции заняли философскую позицию, которая во многих пробудила и ободрила бездеятельную отвагу.

«Для этого праздника, который носил новый и странами характер, воздвигли на месте Бастилии статую Природы с надписью: Мы все ее дети». «Из ее груди, которые она сжимает руками, - говорит протокол, - изливались обширный бассейн два обильные потока чистой воды, символ неистощимого плодородия». Эро-де-Сешель, член Комитета Общественного Спасения, президент Конвента, творил перед этой статуей от имени правительства, Собрании, официальной Франции следующее:

«Владычица дикарей и просвещенных народов, о Природа! Этот многочисленный народ, собравшийся при первых проблесках дня перед лицом твоим, достоин тебя. Он свободен. На твоей груди, в твоих истоках обрел он свои права и возродился к новой жизни. После стольких веков заблуждений и рабства надо было вернуться к твоей первоначальной простоте, чтобы снова найти свободу и равенство. О, Природа! Прими выражение вечной преданности французов твоим законам, и пусть эти обильные воды, которые изливаются из твоих груди, пусть этот чистый напиток, который вспоил первых людей на земле, освятит в этой чаще братства и равенства клятвы, которые приносит тебе Франция в этот день, прекраснейший из всех дней, которые когда-либо освещало солнце с тех пор, как оно засияло в безмерности пространства».

Здесь протокол, который можно принять за страницы из Дидро, прибавляет свои рассуждения и многозначительные подробности.

«После этого подобия гимна, единственной молитвы, впервые с первых веков существования человечества обращенной к Природе представителями нации и ее законодателями, председатель наполнил чашу античной формы водой, которая лилась из груди Природы; он сделал возлияния вокруг статуи, выпил из чаши и предложил ее тем из представителей французского народа, которые, по возрасту своему, удостоились чести нести знамя с названием своего департамента».

Этот публичный опыт обожествления Природы и языческого культа, произведенный 10 августа 1793 г., оставался вначале хотя и блестящей, но единичной попыткой. Отметим также, что эта церемония была проникнута важностью, сдержанностью и благопристойностью поистине философскими, но в то же время почти аристократическими и несколько холодными. Горячая душа народа, казалось, отсутствовала на архаическом и строго обдуманном празднике 10 августа. Несомненно, однако, что эта церемония подготовила умы к культу Разума, хотя Конвент был далек от одобрения атеизма и каких-нибудь две недели спустя с негодованием прервал атеистическую петицию школьников, представших перед ним.

Среди прецедентов культа Разума нельзя не упомянуть о почестях, воздававшихся в это время памяти философа, который, по общему мнению, научил французов пользоваться разумом. 2 октября 1793 г. Конвент постановил, что прах Декарта будет перенесен в Пантеон. Этот декрет был издан от имени Комитета Народного Просвещения по настоянию Мари-Жозефа Шенье, который восхвалял Декарта за то, что он «раздвинул границы человеческого разума», и восклицал далеко не по-христиански: хотя Декарт только и сделал, что заменил старые заблуждения новыми, однако великая общественная заслуга заключалась уже в том, чтобы незаметно приучить людей исследовать, а не верить».

Но самой антихристианской из всех принятых тогда Конвентом мер было установление республиканского календаря.

Достаточно прочесть отчеты Фабра д'Эглантина и Ромма, переполненные философскими оскорблениями догмы, чтобы убедиться в том, что эта реформа была внушена мыслью политической и антирелигиозной. Заменяют католические месяцы и праздники другими месяцами и другими праздниками, уничтожить воскресенья, установить светские декады, подставить, вместо имен святых, названия «вещей, составляющих истинное национальное богатство», - это значило лишить католицизм его блеска и его престижа и загнать его насильственно из народного обихода.

Этот декрет вызвал огромную сенсацию не только в пределах Франции, но и за границей. Монархическая и христианская Европа встретила его с негодованием, так как увидела в нем оскорбительное поношение религии, и с ужасом, так как ей казалось, что эти наглые французские патриоты привыкли уже, чтобы им удавалось все, за что бы они ни взялись.

Надо отметить также разрушительную для христианства позицию Конвента в вопросах народного просвещения.

19 сентября 1793 г., по предложению Леонарда Бурдона, Конвент декретировал составление официального сборника героических и патриотических подвигов французских республиканцев, чтобы заменить им жития святых.

Но правительство поощряло дехристианизацию только на словах: произошло событие, которое ясно показало, что в глубине души оба комитета оплакивали отречение от культа. В тот самый момент, когда депутаты коммуны Меннеси были в Конвенте, Комитет Общественной Безопасности послал жандармов в гостиницу, где они помещались, и «потребовал, чтобы ему выдали подсвечники, украшения, кресты, хоругви и т.д. для препровождения их обратно в округ Корбейль». Пять депутатов были посажены в тюрьму. В то же время другие лица были арестованы в Меннеси. Жители коммуны, провинившейся в безбожии, вынуждены были отправить в Конвент петицию, в которой они отрицали, будто хотели «уничтожить религию». Они не побоялись сказать:

«Эта мысль далека от нас, граждане законодатели. Мы все исповедуем ту религию, которую вы нам возвестили и которую мы находим в евангелии прав человека. Человечность-основа этой религии, на ней зиждется равенство, увенчанное свободой. Мы отнюдь не хотели делать другим то, чего не хотели бы, чтобы сделали нам. И все те, кто к этой первобытной религии пожелали бы присоединить другую, найдут всегда среди нас безопасность и покровительство, лишь бы они не выходили из границ, предписываемых равенством.

Еврейский раввин, лютеранский пастор, кальвинистский проповедник, католический священник могут отправлять свой культ в нашей коммуне; они и их приверженцы встретят там самую полную свободу. Но точно также как государство не отводит помещений, не кормит, не оплачивает трех первых культов, мы требуем, чтобы оно впредь не давало содержания и жалования и не отводило помещений четвертому, потому что никто не может быть принужден оплачивать слугителей культа, в который он не верит».

Петиционеры были приняты с почестями на заседании, вечером они просили якобинцев поддержать их ходатайство, которое, вероятно, было тотчас же удовлетворено.

В то время, как Комитет Общественной Безопасности засаживал в тюрьму безбожников, Конвент принимал с почестями депутацию департамента Сены и Уазы, требовавшую, чтобы Версальский епископ, только что умерший, не был замещен другим.

Это значило еще раз официально поддержать движение против христианства. Уже 23 вандемьера, после яростного выступления Шометта против шарлатанства священников, Коммуна запретила в Париже внешнее отправление культа.

Вечером того самого дня, когда Конвент косвенно уполномочил коммуну Меннеси отречься от католицизма, Леонард Бурдон произнес в якобинском клубе чисто антихристианскую речь, в которой вышучивались догматы, что не вызвало со стороны слушателей никакого протеста. Оратор закончил призывом к отделению церкви от государства, и достойно внимания, что эта либеральная идея, вышла из стен клуба, имевшего репутацию очага фанатизма. Так как Конвент, сказал Бурдон, хочет «обеспечить свободу культов», следует «простить ему эту слабость», но потребовать, чтобы не оплачивался впредь ни один из культов, чтобы ни одному из них не было дано преимущества перед другими. «Я требую, чтобы в таком духе была представлена петиция в Конвент; пусть все, кто считает себя католиками в данном округе, соберутся и наймут помещение, где они смогут за свои два су выполнять все обряды, какие им заблагорассудится; но пусть государство перестанет оплачивать бесполезных и опасных людей» (рукоплескания).

Якобинский клуб не принял постановления, согласного с предложением Леонарда Бурдона, только потому, что в этот самый момент другая депутация, Центрального Комитета народных клубов, явилась со своим проектом петиции в Конвент об уничтожении жалования слугителям католического культа.

Правительство не относилось абсолютно враждебно к отделению церкви от государства, так как вскоре после этого официозный и субсидируемый орган, «Листок Общественного Спасения», требовал также, правда в смягченной форме, упразднения жалования священникам.

Ниже мы увидим, что Конвент не мог пока решиться на эту меру.

Идея светского государства и отделения его от церкви еще не созрела. Лица, стоявшие во главе этого философского похода, почти все имели в виду только уничтожение христианства и замену его «естественной религией» в качестве национального культа.

Они надеялись, что если им удастся добиться торжественного отречения парижского епископа и его клира, этот блестящий пример поведет, быть может, к дехристианизации всей Франции.

В ночь с 16 на 17 брюмера, в тот самый момент, когда переносили на монетный двор раку с мощами св.Женевьевы, покровительницы Парижа, Клоотс и Перейра явились к Гобелю, и тут произошла забавная сцена, которую позднее епископ передавал следующим образом перед революционным трибуналом.

«Мне сообщают, что пришли государственные должностные лица, имеющие сообщить мне важные вещи. Я поднимаюсь, принимаю их. Они мне говорят, что настало время принести себя в жертву общественному делу, что они требуют моего ухода с епископского поста. Получив предложение сложить с себя сан, я отвечаю, что не нахожу» чтобы моя религия в чем-либо заблуждалась, что мне не от чего отречься, и что я намерен твердо ее держать. - Но, возражают мне, речь не идет сейчас о том, обоснованы или нет ваши религиозные убеждения: вопрос только в оставлении вами должности епископа. - В таком случае, я охотно соглашаюсь на ваше требование. Народ меня призвал, народ меня отзывает; такова участь слуги - повиноваться своему господину. Я прошу только тех, кто пришел с просьбой о моей отставке, дать мне время для совещания с Епископальным Советом, и обещаю поступить так, как решит большинство».

Четырнадцатью голосами против трех Епископальный Совет высказался за отставку. Гобель тотчас же отправился в департамент, где и объявил перед делегацией Коммуны о своем намерении. Была установлена процедура, которая должна была иметь место на следующий день в Конвенте, и заключено соглашение относительно речей, которые должны быть произнесены при этом.

ГЛАВА IV. Заседание 17 брюмера II года

Мы подошли к знаменитому заседанию Конвента 17 брюмера II года (7 ноября 1793 года), отголоски которого разнеслись по всей Франции и Европе и память о котором сохранилась в истории.

Два письма, прочитанные в начале заседания, готовят умы.

Одно - это письмо Фуше, который снова посылает ценные предметы, отобранные у церковью Невера. (Рукоплекания).

Другое - от аббата Парана, кюре Буасси-ла-Бертран, округа Мелэн, который в грубых выражениях заявлял о сложении сана: «Я священник, писал он, я кюре, то-есть шарлатан»... И он просил пенсии, Сержан потребовал перехода к очередным делам, в виду тою, что этот священник не может быть искренним. Леонард Бурдон предложил, напротив, удовлетворить его просьбу о пенсии. Изумленный, возмущенный и в то же время увлеченный, Конвент, быть может, пошел бы на то, чтобы вознаградить циничную аббата Парана, если бы друг Дантона Тюрио не заговорил языком настоящего политика. Приветствуя торжество философии, он вместе с тем желал бы, чтобы «общественное мнение само воздавало за ошибки, в которые оно было вовлечено, и чтобы Конвент тщательно взвешивал те меры, которыми он собирается его поддерживать». Собрание ограничилось декретированием почетного отзыва, с напечатанием в «Бюллетене» и препровождением дела в Комитет Финансов.

Затем конституционные власти Парижа, Департамента и Коммуны возвещают письмом, что они привели бывшего парижского епископа и его клир, «желающих по собственному побуждению воздать искренние и достойные почести вечному разуму и справедливости». Просители тотчас же приняты; среди них находятся Гобель с его Епископальным Советом и Вожирарский кюре, прокурор Коммуны Шометт, члены Департамента Моморо и Люлье и Паш, мэр Парижа.

Моморо был тогда временным председателем Парижского Департамента, он возвещает от имени петиционеров, что священники Парижа «отказались от сана, возложенного на них суеверием... Идя по этому пути, Французская Республика скоро не будет иметь другого культа, кроме культа свободы, равенства, истины, культа, почерпнутого из недр природы, который, благодаря вашим грусам, станет всенародным культом?»

После этого Гобель оглашает свое заявление.

Он говорит, что, будучи рожден простолудином, всегда признавал и провозглашал народное верховенство. Призванный народом на пост парижского епископа, он повиновался и воспользовался своим высоким положением лишь для того, чтобы увеличить в народе «его преданность вечным началам свободы, равенства и нравственности, которые служат необходимой основой всякой истинно республиканской конституции». В настоящее время, раз так угодно верховной власти, он снова подчиняется и громко заявляет, что «с сегодняшнего дня он отказывается от выполнения своих обязанностей служителя католического культа; граждане его викарии, здесь присутствующие, присоединяются к нему (в числе одиннадцати); в силу этого они передают Конвенту все свои грамоты».

Заметьте, что этот несчастный Гобель, которого так клеймили впоследствии, не совершает вероотступничества: он ограничивается лишь тем, что прекращает отправление своих обязанностей и признает, «что не должно существовать другого публичного культа, кроме культа свободы и святого равенства». А, между тем, именно за это преступление Робеспьер пошлет его на гильотину!

Но этого было еще недостаточно - заставить Гобеля спуститься с высоты его епископского кресла. Коммуна спешит получить в свои руки легальные средства, чтобы открыть дорогу новому культу, о котором она мечтает.

Шометт обращается к собранию: «День, когда разум становится у власти, - говорит он, - заслуживает того, чтобы занять место среди блестящих дней французской революции. Потому я вношу предложение, чтобы Конвент поручил своему Комитету Народного Образования дать в новом календаре место дню Разума». Это предложение тотчас же принимается.

Председатель Пьер-Антуан Лалуа выступает с импровизированной приветственной речью. Он говорит, что Гобель и его клир при гарантии свободного отправления культов, провозглашенного Конвентом, поднялись на высоту философии; что детские погремушки, которые сейчас уничтожаются, оскорбляли Верховное Существо: «Они не могли служить его культу, потому что этот культ не нуждается ни в чем, кроме осуществления общественных и нравственных добродетелей. Такова его религия. Она не хочет иного культа, кроме культа Разума; она не предписывает нам иного культа, и отныне она и будет нашей национальной религией».

Гобель снимает свой крест и свое кольцо. Ему дают красный фригийский колпак: он надевает его на голову среди рукоплесканий.

Гражданам, представшим пред Конвентом, - говорит «Journal des debats et des decrets», - оказывают почести. Народные представители встают со своих мест и приближаются к ним. Их встречают с восторгом. Эта сцена продолжается среди рукоплесканий народа. Каждый торопится сжать в своих объятьях людей, которые, устав от вечного метания между религией и отечеством, целиком отдадут себя на служение Республике. Со всех сторон требуют братского поцелуя для Гобеля. Председатель дает его, и рукоплескания удваиваются».

Вслед затем представители духовенства - члены Конвента - спешат на трибуну, чтобы также сложить с себя сан. Купе (от Уазы), бывший кюре Сормайза около Нойона встречается там с протестантским проповедником Жюльеном (из Тулузы); они смотрят друг на друга с улыбкой и обнимаются. Потом по очереди появляются остальные.

Один из них, Томас Лэндэ, требует декрета о замене религиозных праздников гражданскими. Мари-Жозеф Шенье имеет готовый проект по этому вопросу, и должен быть выслушан немедленно.

Аббат Грегуар находился в это время в Комитете Народного Просвещения, занятый редактированием доклада. За ним пошли. Он вступил в зал, и все взоры обратились на него. Требовали, чтобы он также сложил сан. Он отказался. Его слова были достаточно горды и вызвали как шиканье, так и аплодисменты. Кто-то закричал: «Мы не хотим принуждать никого!» И Грегуар до самого конца Конвента оставался в своем епископском облачении. Это было большим ударом для гебертистов: они чувствовали, что чья-то могущественная рука поддерживает галликанского епископа, допускает, что бросающееся в глаза исключение и подготавливает, таким образом, реакцию против антихристианского движения. Мишле полагает даже, что поведение Грегуара было результатом сговора с Робеспьером: это невероятно, и притом Грегуар был человеком, который сам принимал свои решения. Но Робеспьер увидел, конечно, с радостью этот камень преткновения, брошенный под ноги «дехристианизаторам», и он помешал тому, чтобы отказ епископа Блуасского имел для последнего дурные последствия. Будущий жрец Верховного Существа еще не мог выступить открыто с возражениями; но в его молчании таилось осуждение и угроза, и когда целомудренный Клоотс прибежал после заседания в Комитет, чтобы получить благодарность за свой удачный шаг, Робеспьер сделал ему выговор при закрытых дверях и заставил его побледнеть своими упреками в содействии проискам иностранцев.

В следующие заседания противохристианское движение продолжалось. После епископа Лаланда протестантский пастор Ломбар-Лашо и аббат Сийес, человек двадцать епископов не-депутатов и целая толпа священников сложили свой сан. Но не будем заниматься их перечислением, что было бы и трудно и скучно; остановимся лучше на деятельности руководителей движения после знаменитого заседания Конвента, которое взволновало и почти увлекло за собой общественное мнение.

В тот же вечер, 17 брюмера, Департамент и Коммуна постановили, что празднование следующего последнего дня декады, 20 брюмера, будет происходить в Соборе Парижской Богородицы: музыканты национальной гвардии и другие будут петь патриотические гимны перед статуей Свободы, «воздвигнутой вместо и на месте статуи святой девы». И в одном из циркуляров мэра Парижа Паш назвал эту церемонию «праздником свободы и разума».

Коммуна имела, таким образом, в своем распоряжении всего три дня, чтобы подготовить введение нового культа. Три дня, чтобы революционизировать души! Нельзя было терять времени, и время не было потеряно. Бешеная пропаганда велась в Париже под руководством Клоотса, Моморо, Гебера, Шометта, через посредство народных клубов» организованных в каждой секции. Клоотс отправился даже проповедывать в пригородные деревни.

В городской ратуше был открыт лист для записи отречений, и отречения притекали потоком.

18 брюмера коммуна встретила аплодисментами петицию Центрального Комитета народных клубов, имевшую целью упразднение жалованья священникам, и было постановлено о рассылке ее в сорок восемь секций для получения их согласия: они дали его почти все. Вслед за этим новый муниципальный приказ урегулировал способ изъятия ценностей из церквей.

19-е было днем смеха для парижан: Шометт был уполномочен Коммуной распорядиться о переводе на итальянский язык ее революционных и антиклерикальных постановлений и об отсылке их папе, «чтобы излечить его от заблуждений»

В этом заседании один католический священник, бельгиец ван-Дитсен, просил и получил разрешение переменить свое имя Эразм на Апостат (отступник).

В Якобинском клубе, где постоянно присутствует Робеспьер и где не любят смеяться, я не вижу сцен сложения сана. Но как только Робеспьер поворачивает спину, Гебер набрасывается на Лаво, главного редактора «Газеты Горы», зато, что тот защищал бога, выступая против «Листка Общественного Спасения». Он упрекает Лаво в том, что тот открыл споры о боге, существовании неведомого и абстрактного, споры, приличествующие только какому-нибудь капуцину-теологу». Лаво отказался от редакторства, и клуб нашел ему заместителя.

С другой стороны, молчание Робеспьера, которое сперва беспокоило дехристианизаторов, делало их и более смелыми. Вот они бросаются в атаку на комиссаров, Барраса и Фрерона, на генералов Лапуана и Дюкенуа, другими словами, на политику комитета Общественного Спасения и на Робеспьера, но последний победоносно отражает их натиск на следующий день, 19 брюмера, и он при аплодисментах клуба заставил замолчать своих врагов, не касаясь пока религиозных вопросов.

ГЛАВА V. Праздник Разума в Соборе Парижской Богородицы.

Поведение общественных властей

Теперь, набросав картину тех обстоятельств, которые к концу 1793 г. вызвали во Франции противохристианское движение и подготовили умы к культу Разума, мы должны остановиться на том, как осуществлялся этот культ в Париже, а также описать знаменитую церемонию, имевшую место в последний день декады, 20 брюмера II года (10 ноября 1793 г.), в Соборе Парижской Богородицы, очистив ее от всяких легендарных наслоений, главным образом, на основании трех документов, действительно заслуживающих доверия, а именно: протокола Конвента, отчета «Revolutions de Paris», приписываемого Моморо, и рассказа, крайне враждебного (но не лживого) Грегуара в его Истории сект».

Конституционные власти, то-есть Коммуна и Департамент, в сопровождении огромной массы народа отправились в Собор Парижской Богородицы к дести часам утра, без всякой охраны вооруженной силой: «Оружие, - говорил Анрио в своем порядке дня, - приличествует только в сражениях, а не там, где собираются братья, чтобы очистить себя, наконец, от всех средневековых предрассудков и вкусить вместе с радостью душевного удовлетворения сладость равенства».

Церковь была разукрашена таким способом, чтобы скрыть от глаз почти все, что напоминало о католической религии.

Посредине было воздвигнуто нечто вроде горы, по бокам которой справа и слева спускались завесы, прикрепленные к колоннаде таким образом, что они скрывали хоры и всю глубину церкви; последняя представлялась благодаря этому, при открытых дверях широкой, неглубокой и хорошо освещенной, как это можно видеть и на грубом, но выразительном эстампе Прюдомма.

На вершине горы находился небольшой круглый храм в греческом стиле с надписью на фронте огромными буквами: Философия.

У входов в храм стояли бюсты четырех философов: без сомнения, Вольтера, Руссо, Франклина и, быть может, Монтескье.

Ниже храма, на склоне горы, на маленьком греческом алтаре пылал факел, факел Истины.

Церемония началась с музыкальной пьесы, сыгранной оркестром национальной гвардии. Под звуки музыки из глубины храма показались спускавшиеся по склонам горы справа и слева две колонны молодых девушек, одетых в белое, опоясанных трехцветными лентами, с венками из цветов на голове и с факелами в руках. Они прошли по склонам, «встретились у алтаря Разума, каждая преклонилась перед его факелами, и затем, двигаясь в том же направлении, они поднялись на вершину горы».

Тогда из храма вышла, на глазах у народа, женщина, «образ истинной красоты». Ее платье белоснежно; на ее плечах колыхнется голубой плащ; на голове ее красный колпак свободы; в правой руке она держит длинную пику. «Ее вид, важный и в то же время грациозный, внушал почтение и любовь». Она олицетворяет Свободу. Она садится на трон из зелени и принимает почести, воздаваемые ей республиканцами, которые, простирая к ней руки, поют гимн, сочиненный Мари-Жозефом Шенье и переложенный на музыку Госсекком.

О, снизойди к нам, Свобода, дочь природы;
Народ вновь завоевал свои извечные права:
На развалинах некогда надменного изуверства
Его руки воздвигают снова твой алтарь!
Сюда, победители королей, Европа взирает на вас;
Сюда, свергайте также победно и лживых богов;
О, святая Свобода, вступи под своды этого храма,
Будь богиней французов».

«Свобода» поднялась, наконец, чтобы снова войти в храм. Дойдя до порога, она остановилась и обернулась, «чтобы бросить еще один благодетельный взгляд на своих друзей». Как только она скрылась, «энтузиазм вспыхнул вокруг, раздалась песни радости и клятва в вечной верности ей».

Свободу изображала артистка из Оперы. Вся церемония была разыграна артистками того же театра: эти очаровательные грешницы, пишет «Pere Duchesne», пели лучше, чем ангелы.

Конвент не присутствовал на этой церемонии. Устроители как-будто нарочно пригласили его слишком поздно, чтобы поставить перед лицом совершившегося факта. Заседание длилось уже несколько минут, когда Дюфурни пришел передать ему приглашение от имени Департамента. Конвент не принял его и не отказался; он покончил предварительно с несколькими мелкими делами и почти тотчас же узнал, что церемония окончилась. Участники уже возвратились из Собора. Шометт сказал: «Народ только что совершил жертвоприношение пред алтарем Разума в бывшем кафедральном соборе; он приходит сюда, чтобы совершить таковое же перед святилищем Закона», Народ немедленно приглашается в зал.

«Шествие открывается, - гласит протокол, - группой молодых музыкантов. За ними следуют юные республиканцы защитники отечества; они поют патриотический гимн, подхватываемый хором среди бурных аплодисментов. Многочисленная группа республиканцев, с фригийскими колпаками свободы на голове, приближается с возгласами «Да здравствует республика! Да здравствует Гора!» Народ и члены Конвента присоединяют свои голоса к голосам республиканцев. Огромное множество музыкантов оглашает своды сладостными напевами революции».

Наконец, являются артисты в сопровождении богини Свободы, восседающей на кресле, которое несут четверо граждан. Эта группа останавливается против председателя; молодые девушки образуют полукруг около трона Свободы, тогда как все граждане проходят мимо нее, повторяя гимн, который они пели только что в Соборе Богоматери.

Шометт обращается тогда с речью к Конвенту. После приветствий по поводу того, что пришел конец фанатизму. Он говорит: «Мы принесли наши жертвы не бесплотным образам, не бездушным идолам. Нет: лучший образец природы избрали мы для ее воплощения, и этот священный образ зажег все сердца. Единое желание, единый крик слышен был со всех сторон. Народ говорил: «не надо нам больше священников, не надо других богов, кроме тех, которых предлагает нам природа». Мы, представители власти, мы восприняли это желание и приносим его вам из храма Разума. Мы приходим в храм Закона, чтобы снова приветствовать Свободу». И он заканчивает пожеланием, чтобы Собор Парижской Богоматери отныне был посвящен Разуму и Свободе.

Председатель Лалуа отвечает: «Собрание с глубоким удовлетворением смотрит на победу, одержанную сегодня разумом над суеверием и фанатизмом. Оно должно было отравиться в полном составе вместе с народом в храм, который вы посвятит только что этой богине, чтобы отпраздновать вместе с ним этот величественный и памятный праздник, но дела и крики победы (одержанной в Нуармутье) его задержали».

Шабо обращает тогда в предложение пожелание Шометта, и Конвент постановляет, что Собор Парижской Богоматери будет впредь храмом Разума

Ромм требует, чтобы богиня Разума села рядом с председателем. Шометт провожает актрису в бюро. Председатель и секретари «дают ей братские поцелуи среди общих рукоплесканий».

Наконец, по предложению Тюрю Конвент отправляется в Собор, где церемония повторяется в его честь.

Ошибочно было бы думать, однако, что большинство Конвента в глубине души присоединилось к культу Разума. Дюран-Майан и Грегуар, очевидцы событий, утверждают, что только половина членов Конвента отправилась в Собор, и что на следующих заседаниях многие отсутствовали, чтобы не участвовать в антирелигиозных сценах. В действительности, Конвент был больше удивлен, чем увлечен, и, считая движение неотвратимым, поддался общему течению.

Но до каких пределов следовал он за этим движением? Это важно установить с точностью, если хочешь отдать себе отчет в том, каковы были шансы на успех попытки дехристианизации.

Уже на другой день после церемонии в Соборе Богородицы, в заседании 21 брюмера, Конвент встал лицом к лицу с опасной проблемой отделения церкви от государства. Центральный Комитет народных клубов явился с требованием упразднения священнического жалованья. «Пусть те, кто еще верит авгурам, оплачивает их; но для чего собирать насильственно эту позорную подать с республиканцев, которые не имеют другого бога, кроме добродетели и своего отечества? Конвент ограничился декретом о напечатании адреса в «Бюллетене» с почетным отзывом. В общем, он не осмеливался приступить к обсуждению этого важного вопроса, он откладывал его, он хоронил его. Тюрю говорил, что немедленное прекращение выплаты жалованья священникам произвело бы впечатление, неблагоприятное для дела свободы.

Однако, 25 брюмера Конвент делает довольно смелый шаг в смысле дальнейшей дехристианизации.

Буссион, от имени Комитета Общественной Помощи, потребовал декрета о присоединении к госпиталю «Человечности» здания бывшего парижского архиепископства, чтобы каждый из больных мог иметь кровать на расстоянии трех футов от соседней. Тогда Камбон потребовал, чтобы во всех колтунах упраздненные церкви и церковные дома были отведены для гражданских надобностей. Конвент постановил, что «церковные дома и приходские строения, находящиеся в коммунах, которые отказались от публичного культа, либо доход с этих зданий будут употребляться на оказание помощи страждущему человечеству и на народное просвещение».

Это значило не убояться сделать все выводы из недавно изданного декрета, дававшего право коммунам упразднять свои приходские церкви.

Мишле полагает, что в этом акте Конвент проявил еще большую смелость. Его воображение искажило декрет; ему кажется, что Конвент в принципе изменил назначение всех зданий, которые служили культу, и он делает отсюда вывод, столь же красноречивый, сколь и ошибочный, что этим декретом Конвент лишил католицизм его публичного культа. Эта ошибка, очень важная и совершенно необъяснимая, уменьшает отчасти доверие к знаменитым страницам, посвященным этим философом опыту дехристианизации. Нет, Конвент не изгнал католицизма из храмов; он не взял на себя в этих вопросах никакой инициативы и ограничился тем, что позволял вырывать у себя день за днем все новые уступки. Высшее философское дерзание было чуждо его духу, и не оно руководило его действиями.

Но некоторые из уступок, на которые он решился, были значительны.

Так, когда он воздал почести Пантеона Марату, казалось, тем самым он дал официальную санкцию идолопоклонническому культу троицы Марат-Шалье-Лепелетье, культу, который возник самопроизвольно, сначала наряду с культом Разума, а позднее внутри самого этого культа.

27 брюмера он принял почтительно поднесенное ему новое издание остроумного антихристианского памфлета Клоотса «Доказательство справедливости магометанства», произведения, в котором, - гласит протокол, - устанавливается ничтожество всех религий», - и отправил с благожелательным отзывом в Комитет Народного Образования предложение того же Клоотса - воздвигнуть статую Жана Мелье (ум. в 1733 г.), «первого священника, который имел мужество и добросовестность отречься от религиозных заблуждений».

29-го, вынося постановление о сооружении памятника Каласу как жертве фанатизма, Конвент приказал, чтобы «колонна была сделана из мрамора, взятого из упраздненных церковей департамента, мрамора, вырванного разумом у фанатизма».

Но с особенной благосклонностью Конвент встречал сложение сана духовенством и антирелигиозные маскарады, притекавшие постоянно в зал его заседаний. Больше всего он скомпрометировал себя на заседании 30 брюмера, когда принял депутацию секции «Единства», причудливо переряженную в священническое облачение, и позволил ей продефилировать по залу в театральной пародии на католический культ. Когда оратор депутации поклялся, что у них нет иного культа, кроме культа разума, свободы, равенства и республики, народ и депутаты, как гласит протокол, воскликнули: «Клянемся в этом! Да здравствует республика!»

Но Конвент не дал увлечь себя дальше по этому пути, так смело проложенному гебертистами: уже на другой день после этого маскарада он попятился назад, он почувствовал угрызения совести, он стал поощрять робеспьеровскую реакцию.

Парижская Коммуна - вот где был истинный очаг антихристианской пропаганды. Оттуда исходили наиболее дерзкие и наиболее ловкие попытки установления культа Разума. Шометту почти удалось вдолбить философскую веру в головы своих коллег, обратить к великому новому идеалу эти легкомысленные души, эти сердца, пропитанные папизмом, этих французов, столь же трусливых, сколь и героических, которые, в сущности говоря, предпочли бы охотней проповедывать католицизм, издеваясь над ним, чем насильственно революционизировать свое собственное сознание.

Если судить только по внешности, то можно было бы подумать, что под руководством Коммуны Париж и в самом деле решился на такое насилие над собой. В течение двух недель, последовавших за церемонией в Соборе Парижской Богородицы, секции по очереди приносили в ратушу свое торжественное отречение от наследственной религии. 21 брюмера секция «Прав человека» возвещает, что она отказывается от католицизма. В тот же день секция «Борепер» закрывает церковь Сен-Северен. 22-го Гебер предъясвляет реликвии, издевается над ними, и Коммуна постановляет, что они будут сожжены, когда накопятся в достаточном количестве. В тот же день секции «Музея» и «Елисейских полей» поздравляют себя с сожжением церковных книг. Секция «Бонн-Нувель» учредила курс морали взамен католических проповедей. Коммуна приглашает другие секции последовать ее примеру. Она постановляет также, что Департаменту предложено будет снести колокольни, «которые своим господством над остальными зданиями как бы нарушают принципы равенства». Нельзя было в более нелепой форме выразить пожелание более смешное, более противоречащее парижскому духу, и это постановление осталось только на бумаге. Секция «Братства» потребовала заключения под стражу всех священников. Шометт заставил Коммуну принять принципиальное постановление об уничтожении святых, находившихся на порталах Собора Парижской Богородицы, за исключением боковых ворот, где Дюпюи признал изображение планетной системы; но он воздерживался от проведения в жизнь своего постановления и ограничился тем, что заколотил святых досками.

23 брюмера парижские протестанты присоединились к движению: они принесли в ратушу несколько серебряных чаш, которые употреблялись при их богослужении. Председатель Коммуны ответил им, что если бы какая-нибудь религия должна была сохраниться, то конечно, только протестантская; но не следует иметь другого культа, кроме культа свободы и равенства.

25-го происходит дехристианизация целого ряда секций; секция «Арсенала» заявляет, что решила закрыть церковь Св.Павла. 26-го секция Quinze-Vingts приносит рубашку святого Людовика, которая тут же сжигается. Секция «Братства» закрыла свою церковь; то же и секция «Монтрейль». 27-го секция «Коммунального Дома» доносит, что святоши и фанатики все еще продолжают собрания вокруг святой купели, и коммуна поручает Анрио разгонять эти сборища.

В тот же день по предложению Шометта постановляется, что вместо священников при погребениях будет присутствовать гражданский комиссар.

29-го Коммуна постановляет сооружение статуи Жан-Жака Руссо, «друга человеческого рода». Этим постановлением она подчеркивает очень ярко, что не имеет в виду придавать противохристианскому движению атеистический характер.

1 фримера возвращаются к вопросу о погребениях. Шометт усугубляет их светский характер: решено, что на похоронах наложит нести нечто вроде плаката с надписью: «Справедливый человек не умирает: он живет в памяти своих сограждан». Погребальный покров должен быть сделан из трехцветной материи. Гражданские чиновники в фригийских колпаках свободы должны шествовать во главе похоронной процессии.

Но приходилось уже опасаться, чтобы движение не выродилось, не утратило своего чисто рационалистического характера, так как народное воображение склонно было старое идолопоклонство заменить новым. Шометт был обеспокоен этим. И когда 1 фримера секция Quinze-Vingts потребовала, чтобы в церкви Св.Антония, посвященной свободе, был воздвигнут алтарь, на котором горел бы неугасимый огонь, Коммуна постановила, что «в храмах не должно быть никаких материальных символов».

В тот же день в Якобинском клубе Робеспьер, сильный поддержкой Дантона, начал атаку против проповеди атеизма и произнес свою знаменитую речь в защиту религиозных идей.

Тогда Коммуна решила ускорить дело, пойти дальше, чем сама считала возможным в тот момент, и попытаться окончательно увлечь за собой общественное мнение, изумив его своим дерзким актом - объявлением, что католицизма больше не существует в Париже.

3 фримера Шометт воспользовался письмом Лавалья, (где два комиссара коммуны описывали преступления священников против отечества), чтобы сделать донос о клерикальном заговоре в Париже.

«Вы изгнали публичных женщин, сказал он, вы сделали этим очень много для развития доброй нравственности. И что же! Чем заняты эти женщины в настоящее время? Возбуждаемые священниками, они ударились в набожность; фанатизм заменил для них прежнее распутство - они ходят в храмы, они устраивают собрания со священниками в частных домах, чтобы разжигать среди нас гражданскую войну. Священники способны на все преступления: они пользуются ядом, чтобы утолить свою жажду мести, они наделают еще чудес, если вы не обратите на них должного внимания; они отравят самых горячих патриотов; они подожгут общественные здания и национальные ценности; они устроят подкопы, и когда их жертвы будут объаты пламенем, они скажут, что это наказание, ниспосланное на них небесной справедливостью».

Эта декламация полна страсти; но заметьте, что в ней нет никакого философского дерзания. Шометт нападает меньше на священников, чем на догмат. В этом таится как бы скрытое признание, что сознание в Париже еще не созрело для радикального обновления. Однако, он требует Полного изгнания католицизма из храмов и заставляет Коммуну принять следующее постановление:

«Принимая во внимание, что население Парижа заявило, что оно не признает другого культа, кроме культа истины и разума, генеральный Совет Коммуны постановляет: 1) что все церкви или храмы всех религий и всех культов, существующие в Париже, немедленно закрываются; 2) что все священники и служители всех культов, без различия, несут личную и индивидуальную ответственность за все беспорядки, источником которых явятся религиозные убеждения; 3) что всякий, потребовавший открытия храма или церкви, подлежит аресту, как подозрительный; 4) что революционным комитетам предлагается осуществлять самый тщательный надзор за всеми священниками; 5) что Конвенту будет представлена петиция об издании декрета, которым бы запрещалось священникам выполнение каких бы то ни было публичных обязанностей, равно как занятие должностей на фабриках работающих на оборону».

КУЛЬТ РАЗУМА и КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА ГЛАВА VI. Культ Разума в парижских секциях РЕВОЛЮЦИИ

Выше мы указали, что целый ряд секций примкнул к противохристианскому движению. Но это было только начало движения, его первые робкие шаги. Позднее секции сыграли, под руководством и давлением Парижской Коммуны, значительную роль в организации, пропаганде и поддержке культа Разума. 1-го плювиоза Генеральный Совет Коммуны принял следующее постановление:

«Генеральный Совет постановляет: 1) что каждый месяц он будет отправляться в храм Разума для прочтения там законов и перечня гражданских, военных и нравственных подвигов; 2) что председатели сорока восьми секций приглашаются поступать также в последние дни каждой декады; 3) что заведующий общественными работами должен постоянно представлять отчеты муниципальным властям о состоянии зданий, находящихся в распоряжении Коммуны, чтобы одно из них могло быть отведено в каждой секции под храм Разума».

Секция «Вильгельма Телля» проявила в этом отношении особое усердие и послушание, вплоть до того, что завела у себя настоящих апостолов.

Она преобразовала приходскую церковь в храм нравственности и с большой торжественностью освятила этот храм 30 брюмера II года. В нем не было богини Разума. Ограничились тем, что поместили статую

Свободы на главном алтаре и, под звуки Марсельезы, торжественно предали сожжению предметы, служившие католическому культу.

Гражданин Этьен Барри произнес речь, почти атеистическую, но проникнутую большой терпимостью:

«Не станем больше ломать копий из-за Иеговы или Ваала, из-за религии Магомета, совершающего верхом на своей кобыле путешествие с земли на луну, или Иисуса, сына божия, который оказывается одновременно и богом и человеком, родился в хлеве от смертной девственницы, без содействия мужа ее Иосифа, но при содействии Святого духа, умер на кресте на глазах у всех и воскрес через три дня без свидетелей. Но не будем мешать тем, кому все это кажется явным, разумным и убедительным; не станем отнимать у них маленьких радостей. Евреи, христиане, турки, теисты, политеисты, - пусть все верят и поклоняются на свой лад, лишь бы они не старались и нас заставить подражать им, лишь бы они не нарушали общественного порядка, а главным образом, не требовали, что бы те, кто не думает, как они, участвовали в расходах по оплате их культа; потому, что несправедливо, чтобы одним приходилось платить скрипачам, когда другие танцуют.

Что касается нас, то мы примем религию философов, Свободы, Равенства и Человечности. В ней заключена вся мораль, а мораль не нуждается ни в каком культе».

20 фримера секция приняла постановление, в котором, воздавая почести Верховному Существо, она косвенно продолжала поддерживать культ Разума и избрала ораторов нравственности, каковыми явились граждане Этьен Барри, Жерар-Мишель Бонтан, Буллон и другие.

Ничто не могло ослабить рвения секции, - ни все усиливающееся безразличие общественного мнения, ни робеспьеровское преобразование культа Разума в культ Веховного Существа. Речи и церемонии продолжались довольно регулярно в Храме Нравственности с 30 брюмера II года вплоть до 20 нивоза III года. Отчеты об этом культе секции составили четырехтомный сборник, который дает богатый материал по интересующему нас вопросу. Мы видели, что первая по времени из этих речей, речь Этьена Барри, была проникнута атеизмом. В последний день следующей декады, 1 фримера II г., Бонтан проповедывал о преступлениях фанатизма и нелепостях папизма, опираясь все время на цитаты из Вольтера. Он закончил вознесением хвалы богу, «верховному разум, душе природы, который быть может и есть сама природа; но он смеялся над идеей сотворения мира. В следующие дни занимались восхвалением Шалье и организацией праздника в честь возвращения Тулона. 20 нивоза Барри изложил происхождение религиозных установлений с видимостью эрудиции, 30 нивоза посадили дерево Свободы на военной площади секции и 5 плювиоза гражданин Буллан произнес в собрании секции антихристианскую речь,

Но вот мы замечаем, как под влиянием Робеспьера действительный характер проповедей все усиливается. 30 нивоза, после посадки дерева Свободы, Бонтан оглашал своды Храма доводами в пользу существования бога, ссылаясь на «всю эту массу небесных тел, которые шествуют толпою в почтительном молчании». Несколькими декадами позднее тот же оратор морали произносит «живописную речь о безобразиях монархического режима, противопоставляя их красоте и совершенству республиканского демократического строя и вере в единое Верховное Существо». С грубой, но горячей страстностью, он высмеивает католицизм и в то же время восстает против энциклопедистов. Точно также Обер (без сомнения, бывший священник, женившийся в конце 1791 г.) разносит матерьялизм «во имя отечества, которое он опустошает» и набрасывает в общих штрихах будущий знаменитый доклад Робеспьера. Впрочем, культ Верховного Существа был принят в секциях лишь с самой холодной корректностью: там остаются больше антихристианами, чем деистами, не проявляя никакого рвения. 20 мессидора II г, Барри пишет: «Сегодняшнее заседание в нашем Храме Нравственности не состоялось, потому что оратор, который должен был выступить, не явился. Время заполнили кое-каким политическим чтением и хорошей республиканской музыкой, при выходе все кричали: Да здравствует Республика!» Со времени введения культа Верховного Существа, проповеди храма секции «Вильгельма Телля» принимают - преимущественно моральный и патриотический характер. И раньше уже были произнесены речи о республиканском гении, о добрых нравах, о различных формах правления. Теперь такого рода речи заняли первое место. Массар говорит против безбрачия, Трассар о благотворительности, Массо о значении свободы для литературы и искусства; Мане о земледелии в связи с республиканским «образом правления, Друэн об опасностях невежества, Трассар о человечности, Барри об опасностях обоготворения отдельных лиц, Мане о дружбе и, наконец, Транш-ла-Госс об общих понятиях республики и гражданина.

Нет больше речи ни о Разуме, ни о Верховном Существом, если не считать, впрочем, церемонии 10 фруктидора, когда верующие Храма Нравственности прослушали «гимн предвечному, извлеченный из произведений Расина и Ж.-Б.Руссо, и переложенный на музыку для секции «Вильгельма Теля» Лакнитом, профессором музыки и гражданином той же секции». Осторожные и серьезные, граждане этой секции нелегко меняли свои позиции, и когда они пели это гимн Верховному Существом, прошел уже месяц со дня смерти Робеспьера. Во всяком случае видно, что они с большой серьезностью отнеслись к своей миссии и не переставали проповедывать с неослабным усердием мораль, независимую от религии и основанную на науке. Но народный инстинкт уже давно охладел к этим церемониям, казавшимся ему педантичными и сухими.

Примеру секции Вильгельма Теля, с большим или меньшим рвением, последовали другие секции, из которых некоторые, в свою очередь, избрали ораторов нравственности. Все обратили свои приходские церкви в храмы Разума и торжественно пригласили граждан на освящение этих храмов. Не без интереса читаем одну из афиш, расклеенных по этому поводу:

«Париж, 1 фримера II года.

Граждане, секция Горы повергла в прах фанатизм; она прогнала своих священников, апостолов заблуждения и лжи. В последний день настоящей декады, 10 фримера, она посвятит свой храм Разуму; она приглашает вас присутствовать при этом. Ваше присутствие украсит праздник; оно доставит радость патриотам.

Броке, президент; Бонар, секретарь».

Секция «Вильгельма Телля», единственная, которая опубликовала собрание речей, произнесенных в ее храме, потому нет сомнения, что она была единственной, где культ практиковался непрерывно. Но имеются некоторые следы философского проповедничества и в храмах секции «Лепелетье», «Шалье», «Брута» и др. Одна из этих речей имеет атеистические тенденции: это речь гражданина Дюперу, произнесенная 10 плювиоза II г. в храме Разума и Истины секции «Брута»: оратор обосновывает в ней на разуме обязанности человека в общечеловеческой и полагает, что боязнь бога является слишком слабым стимулом долга. Остальные речи носят действительный характер, как, например, речь Жо (Jault), где он предлагает секции объявить «в присутствии Верховного Существа», что она не имеет другого культа, кроме добродетели, другой любви, кроме отечества. Скоро также, как и в секции «Вильгельма Теля», проповедь становится и здесь чисто моральной и патриотической.

Все эти церемонии были, повидимому, довольно однообразны. Выслушивали речь, пели Марсельезу, беседовали о политике, иногда читались стихи или произносились небольшие речи школьниками, а в торжественных случаях артисты исполняли гимн Разуму или Свободе.

Можно отнести также к культу Разума, организованному секциями, речи, произносившиеся на открытом воздухе перед толпой народа, как, например, речь гражданина Пьеррона, президента секции «Красного Колпака», пред алтарем, воздвигнутым на улице Севра при освящении бюстов Марата и Ле-Пеллетье. Оратор заявил в ней, что любовь к отечеству отныне должна стать истинной религией.

Философские речи произносились в эту эпоху также в народных клубах секций. Так, 4 вентоза учитель Гибур ораторствовал в клубе секции «Республики» о культе Деревьев и о счастливом состоянии первобытных людей: он говорил с некоторым педантизмом, но с горячностью, стараясь доказать, что в человеческом роде состояние разума предшествовало состоянию суеверия.

Не ограничивались тем, что говорили на улицах: расклеивали также целые философские рассуждения на стенах; некоторые из них дошли до нас. В одном говорится: «Свершилось пророчество Осии, и народ освободился наконец от жестокой тирании князей и царей, жрецов и мифических идолов. Человеческая религия очистилась». В другом преподносился проходим республиканский символ веры. Но народ оставался глух к этим философским призывам и не спешил наполнять новые храмы

ГЛАВА VII. Культ Разума и философия. Статьи Салавиля

Постановление Коммуны от 3 фримера II г. было кульминационным пунктом противохристианского движения в Париже, движения, в котором мы коснулись только его официальных проявлений: церемонии в Соборе Парижской Богоматери, декретов Конвента, муниципальных постановлений, празднеств и пропаганды в секциях.

Теперь надо остановиться на том, какова была истинная мысль провозгласителей нового культа, каковы были его дух и тенденция.

Это было, говорят, торжеством атеизма над деизмом. Бюше, Луи-Блан, монсеньор Гамель скорбят поэтому, и то же самое заставляет радоваться защитников Шометта и Гебера. Прочтите брошюру Тридона о гебертистах, прочтите небольшую работу Реньяра о Шометте, и вы увидите - там, что культ Разума был посрамлением бога Жан-Жака.

После всего, что мы говорили о поведении секций, можно спросить себя, действительно ли факты и документы подтверждают эти оценки, действительно ли, даже в Париже, культ Разума носил определенно атеистический характер?

Была ли знаменитая церемония в Соборе Парижской Богоматери воплощением атеистической мысли? Напротив, гимн Мари-Жозефа Шенье, который там пели, прославляет Свободу и навеян чисто спиритуалистическим вдохновением.

Правда, три дня спустя Коммуна опубликовала в одной из своих «Афиш» стихи для помещения их в бывшем Соборе Парижской Богоматери, ныне Храме Разума», и эти стихи выражают другую философскую мысль, чем мысль Шенье:

Французы, Разум вас просвещает;
Идите же поклониться ему в те места,
Где, под покровом тайны,
Священники обманывали ваших предков.
Наконец-то непогрешимая Природа
Под руководством Свободы
Создает из храма лжи и лицемерия
Обитель Истины.

Но культ непогрешимой Природы это культ пантеистический или, по меньшей мере, «le Dieu elargi» Дидро: в нем нет ничего откровенно матерьялистического или атеистического.

Были ли главари движения атеистами? Считал ли их народ за таковых?

Верно, что бог «Савойского викария» совсем не по душе Клоотсу, но можно ли все-таки сказать, что Клоотс выставял себя преимущественно, атеистом? Впрочем, этот литератор, с его ученым пером, с его утонченным мастерством, имел слишком большой вкус к точности, чтобы быть способным на тот род красноречия, который увлекает простые и неизощренные в литературе умы: он не пользовался никаким влиянием в массе.

А Сильвэн Марешаль, который пометил 1-ым годом господства Разума свой «Almanach des honnetes gens pour l'annee 1788»? Атеист, если угодно, но прежде всего одинокий и оригинальный компилятор, мысль которого, разумеется, чужда парижанам, поклонявшимся Разуму 21 брюмера II года в Соборе Богоматери.

А Шометт? Из него сделали ученика Гельвеция, что его очень бы удивило. Нигде, насколько мне известно, он не высказывает атеистических взглядов. Это мистик, филантроп, доходящий до безумия, мечтатель, то нежный и растроганный, то бешеный и неистовый, человек, вечно гонящийся за идеалом. Впрочем, что я? Он нашел его, он полон им; он носит в себе закон и пророков: это философия «Савойского викария», у нее заимствовала свое оружие диалектика этого муниципального проповедника. Вы хвалите Шометта за его атеизм; прекрасно, но этот Шометт заставил Коммуну вотировать 29 брюмера сооружение статуи Жан-Жаку Руссо. Вот поистине удивительный атеист!

Что касается Гебера, то я очень извиняюсь перед памятью Авенеля и Тридона, но не могу видеть в нем ничего, кроме стилиста. Хотя он и опускал иногда свое перо в чернильницу Вольтера, но великие проблемы только скользили по поверхности его робкого мозга, не затрагивая его глубоко. Сделаем над собой усилие, постараемся забыть его кровожадные подстрекательства, его бешеную злобу, его изощренную ругань, подражающую грубому жаргону черни, этот цинизм, который объясняется столько же его душевной трусостью, сколько желанием привести в изумление, забудем всю низость его вдохновения - и посмотрим, пытался ли он вложить душу в культ разума.

За несколько дней до церемонии в Соборе Парижской Богоматери, вот что говорил он об Иисусе Христе:

«Когда славный санкюлот Иисус появился, он проповедывал доброту, братство, свободу, равенство, презрение к богатству. Все эти лгуны священники скоро почувствовали, что им подрезали крылья и они впали в немилость. Правда, разбойники только посмеивались про себя; войдя в соглашение с судьями и с Капетом того времени, они заставили повесить бедного санкюлота Иисуса; но чтобы лучше преследовать его и после смерти, они напялили на себя его шкуру, исказили его евангелие и его самого «заставили прислуживать их шарлатанским фокусам. Они сделали бога из крови лучшего из якобинцев, какие только существовали под небесной скупьей и его именем передушили половину человечества».

Отбрасывая стиль, есть ли здесь что-нибудь, чего не одобрил бы Руссо? И что делает тут отец Дюшен кроме того, что противопоставляет христианство церкви?

Посмотрим теперь, как истолковывает Гебер праздник Разума в Соборе Богоматери:

«...О! Прекрасный праздник! ... На месте алтаря» или вернее этих театральных подмостков для шарлатанов, воздвигли трон Свободы. На него посадили не бездушную статую, но живой образ этого божества, совершеннейшее творение природы, как выражается мой кум Шометт. Очаровательная женщина, прекрасная, как богиня, которую она изображала, сидела на вершине горы, в фригийском колпаке свободы на голове и с пикой в руке; она была окружена прелестными грешницами из оперы, которые, в свою очередь, изгоняли попов пением патриотических гимнов, более красивым, чем пение ангелов».

Таким образом, церемония в Соборе Богоматери является для Гебера не победой господствующей идее его века, но удачной пакостью, сыгранной с священниками. И в своей газете (№ 311), забавляя мать Дюшен вести разговор со своей соседкой, которую все это очень огорчает, какой язык навязывает он своей «Жакелине». Он заставляет ее заявить, что она перестала верить бога и соблюдать религиозные обряды с пятнадцати лет. Из философских соображений? Нет, только из-за того, что ее духовник был неучем. Когда Жакелина проверяет совесть, единственное, что она может сказать, это следующее; «Я верю в их ад и в их рай не больше, чем в царя Гороха. Если бог существует, что не слишком очевидно, то он создал нас не для того, чтобы мы мучились, но для того, чтобы мы были счастливы...»

«Если бог существует, что не слишком очевидно»... в этих словах все философское дерзание Гебера, то дерзание, за которое его столько поносили и столько восхваляли. Стоило только Робеспьеру в Якобинском клубе сказать одно слово против атеизма, чтобы Гебер немедленно отдал культ Разума под охрану бога Жан-Жака.

«Если существо, которое нас создало, говорит «Pere Duchesne, требует от нас культа, то один только культ Разума может быть ему приятен. Оно вложило, чорт побери, в наши души любовь к справедливости и ненависть к пороку. Его воля заключается, следовательно, в том, чтобы мы были, чорт побери, человечны, добродетельны и честны, каким угодно способом. Так как только разум может научить нас нашим обязанностям и нашим правам, будем повиноваться только ему одному. Все остальное ложь и лицемерие. Итак, да здравствует истина и человечность! Ко всем чертям священников, которые умеют только лгать, сбивать с толку и убивать!»...

Таким образом, Разум, которому поклоняется Гебер, есть только эманация бога; отцу Дюшену счастливо удалось охарактеризовать ту идею, которую его современники вкладывали в попытки дехристианизации и в культ Верховного Существа: священники-контр-революционеры и заговорщики Вандеи, священники, предающие отечество иностранцам, незаметно настроили их против религии жрецов, и от жрецов они обратились к богу.

Мы видим, что Гебер, не больше чем Шометт, принадлежал к числу тех, кто хотел через культ Разума доставить торжество философии энциклопедистов, в ущерб философии Руссо.

Что же думали о культе Разума истинные последователи этой философии?

Самый знаменитый из них, мнение которого нам очень хотелось бы знать, Кондорсэ, был в то время, увы! изгнан и скрывался, а друзья Гебера травили его, как какого-нибудь злодея.

Нэжон, пылкий последователь Дидро, который в 1790 г. потребовал, чтобы Учредительное Собрание не упоминало о боге в «Декларации прав», атеист Нэжон не смел высказать своего мнения. Говорят только, что позднее, когда он узнал о декрете 18 флореаля, у него был такой взволнованный вид, что друзья спросили его, не внесено ли его имя в список подозрительных: «Гораздо хуже! - воскликнул он. - Итак в чем же дело? - Это чудовище. Робеспьер декретировал Верховное Существо».

Остальные молчали, за исключением одного, который, единственный из всех, защищал в печати философскими аргументами идею замены религии наукой. Это был литератор Салавилль, который в «Патриотических и литературных анналах» от брюмера до нивоза II года напечатал ряд статей по религиозным вопросам, внушенных ему подлинными идеями Дидро.

Культ Разума, поскольку он является культом, ему не нравится, и 23 брюмера он выражает к нему свое отвращение, в сдержанной, но достаточно ясной форме.

Напомнив, что именно посредством зрелищ и обрядов священники приобрели власть над чувствами людей с тем, чтобы управлять и господствовать над их мыслями, он прибавляет:

«Те же средства имеются и в нашем распоряжении; и остережемся, как бы их успех не лег на нас бременем. Они хотели обмануть людей, мы хотим их просветить: наше поведение должно быть потому иным.

Быть может, чтобы облегчить переход от заблуждения к истине, нужно на первое время, идя навстречу укоренившимся привычкам, создать нечто вроде мимолетного культа одухотворенных моральных ценностей, взамен культа непорочной девы, угодников, угодниц, святителей и святительниц старого календаря. Но если мы действительно задаемся целью привести народ к культу Разума, то меньше всего потворствуя его склонности к реализации абстракций, к олицетворению моральных понятий, мы должны во что бы то ни стало излечить его от этой мании, которая является главной причиной человеческих заблуждений. Надо, чтобы метафизические идеи Локка и Кондильяка сделались всеобщими, чтобы народ привык видеть в статуе только камень, и в образе - разрисованное красками полотно: в противном случае я не удивлюсь, если среди нас воцарится нечто, вроде политеизма, если скоро будут воздвигнуты храмы всем человеческим добродетелям, и они будут иметь свой культ, свои церемонии, свои особые праздники; а в результате, воздав добродетелям почести на праздниках, люди сочтут возможным не практиковать их в жизни».

Эта статья заставила Парижскую Коммуну призадуматься, что видно из ее постановления 1 фримера, которым воспрещалось помещение в храмах каких бы то ни было матерьяльных символов. Но это постановление не смогло помешать народному воображению олицетворять идеи и требовать богинь Разума.

Салавилль снова возвращается к этой теме. Он публикует, в приложении к номеру от 9 фримера, письмо, датированное 28 брюмера и подписанное одним из его подписчиков из Лиможа по имени Пикар, в котором тот удивляется вычитанному из газет сообщению, что вовремя церемонии в Соборе Богоматери Разум был представлен артисткой из Оперы.

«Я предположил, пишет он, что тут произошла ошибка в слове, что хотели написать «Свобода», а написали «Разум». «Если же тут нет ошибки то я, не осмеливаясь, конечно, выступить со своими возражениями против всего просвещенного Парижа, скажу все же, что с первого взгляда мне показалась шокирующей для чувства и воображения философов как самая идея женщины, представляющей Разум, так и молодость этой женщины. У женщин чистейшая способность разума отождествляется, так сказать, с слабостью, с предрассудками, с самыми чарами этого привлекательного пола. У мужчин, напротив, она свободна от всяких заблуждений: сила, энергия, строгость образуют ее свиту. Но прежде всего и больше всего свойствами разума является зрелость, серьезность, суровость, качества, которые плохо гармонируют с образом молодой женщины. Потому мне казалось, что идея молодость должна была выражать скорей всего Свободу, царство которой только что начинается.

Я не знаю даже, не противоречит ли идея храма Разума самому представлению, которое у нас составилось о разуме. Не является ли каждый человек, сам храмом разума? Не в занятиях ли наукой состоит его культ? Я понимаю, конечно, хорошо, что можно рассматривать разум и с абстрактной точки зрения, отвлекаясь от человека; и только, понимая его в этом смысле, люди могут собираться и воздавать ему почести. Но по край» ней мере пусть тогда этот храм, который должен оглашаться лишь размеренными ритмами Разума, будет совершенно лишен каких бы то ни было внешних украшений. Пусть в нем будут одни лишь эмблемы. Пусть говорят народу: «Ты не должен искать здесь ни статуй золотых, серебряных или мраморных, воздвигнутых в честь Разума, ни наслаждаться созерцанием его на прекрасно написанных полотнах. Твое преклонение могло бы остановиться у подножья этих изображений и достигнуть лишь создавшего их творца, вместо того, чтобы вознестись к самому объекту. Ты увидишь возжигаемыми на этом алтаре лишь плоды вдохновения, творения гения; вот единственные жертвоприношения, достойные Разума».

Мы видим, с какой антипатией истинные ученики «Энциклопедии» встречали культ Разума. Что касается попыток силой дехристианизировать Францию, то Саллавиль открыто порицает их: «Неужели мы будем, пишет он 12 фримера, подражать священникам, мы, которые стремимся их уничтожить? Неужели мы последуем их примеру и учредим инквизицию, вынужденный прозелитизм, публичные и тайные насилия над теми, кто не думает, как мы? Нет, разумеется»... 16 фримера он протестует против нетерпимости народного клуба «Антиполитиков» из Экса, который похваляется тем, что принудил священников и ханжей явиться на поклонение Свободе. И он даже поздравляет Робеспьера, который «напомнил в Якобинском клубе о принципах Свободы», разразившись речью против дехристианизаторов.

Это совсем не значит, что Салавилль на стороне христиан. Он смеется вольтерьянским смехом над «басней о Христе». Он хочет дехристианизировать, в свою очередь, но путем убеждения, путем мирной и длительной пропаганды Разума. С этой целью, он противопоставляет мораль человечности морали религиозной:

«Пьер Бэйль в своих «Мыслях о Комете» очень хорошо доказал, что народ без религии, народ безбожников не был бы ни более развращен, ни более безнравствен, чем всякий другой народ. Но Бэйль подошел к этому вопросу скорее как писатель-полемист, чем как философ; потому что, если бы философский дух преобладал в этом ловком диалектике над духом противоречия, он стал бы отыскивать вне религии источники человеческой морали и, конечно, нашел бы их».

Согласно Салавиллю, источником универсальной морали является симпатия, это свойство, заставляющее нас, так сказать, жить в другом человеке. «Религиозные общины в действительности разъединили людей под предлогом их объединения; они незаметно испортили и исказили гражданское и моральное общежитие людей, которое, будучи основано на естественных отношениях, было единственным источником их единения и их счастья». Поэтому, если хотят возродить нравственность, надо прежде всего очистить человеческие головы от религиозных взглядов.

«Я не могу придумать лучшего сравнения для этой моральной революции, - говорит он, - как сопоставляя ее с состоянием человека, освобождающегося от тумана опьянения и снова приобретающего власть над своим разумом. Освободить человечество от религии значит протрезвить его. «Это поистине значит - извлечь людей из мира идеального и фантастического, чтобы ввести их в обладание миром, который существует для них, который один только и соответствует их природе и из которого они имели глупость сами изгнать себя, чтобы витать в царстве химер: вот она - обетованная земля; нам нужно только вернуться туда. Но недостаточно еще сжечь кресты, молитвенники, иконы, реликвии и прочие нелепые памятники наших суеверных культов: надо устроить в наших головах ауто-да-фэ из всех наших религиозных идей. Потому что, поскольку они там останутся, они помешают выработке в нас истинных философских убеждений».

29 фримера он решается открыто напасть на знаменитую речь Робеспьера против атеизма, и в это время он - единственный во Франции, обладающий такой смелостью.

«Так что же, скажут мне, вы даже не хотите сохранить идею Верховного Существа? Нет, поскольку она не является чисто философской предпосылкой, отправным пунктом воображения, необходимым, чтобы руководить нашим умом среди хаоса причин и следствий и чтобы поставить определенный предел его ограниченным полетам, предел, в котором он нуждается, чтобы отдохнуть и успокоить свое любопытство. Но остережемся, в особенности, делать его основой нашей морали или, выражаясь иначе, сохраним идею Верховного Существа как первопричины, и разрушим идею бога-владыки, бога-воздаятеля, ибо я не знаю убеждения, более вредного.

Один из наших знаменитых законодателей сказал в последний раз в речи, вызвавшей живейшее одобрение, что «атеизм аристократичен». Он, несомненно, подразумевал под этим, что, так как все народы, с которыми мы находимся и можем находиться в сношениях, признают существование бога то коалиция аристократов и тиранов, чтобы окончательно отрезать их от нас, задумала представить нас в их глазах как людей, исповедующих противоположные убеждения. Если атеизм аристократичен, то только случайно, в силу сложившихся обстоятельств и потому, что коалиция аристократов и тиранов хотела сделать из него контр-революционное средство... Идея бога-владыки есть деспотическая идея».

И Салавилль продолжает свой курс независимой морали для читателей «Анналов», проводя свои идеи с страстностью и смелостью, совершенно исключительными для того времени.

Не боясь нахмуренных бровей Робеспьера и показав, что идея бога-владыки является деспотичной, он старается доказать также ее безнравственный характер.

«Когда человек убежден, - говорит он, - в существовании невидимого владыки, которого можно умиловить молитвами, жертвами, почестями, заботами, вниманием, словом, всем тем, что трогает и соблазняет людей, он постепенно научается заискивать у него и даже обманывать его. Набожность - это не что иное, как выгодная сделка для плутов и эгоистов, это настоящая школа лицемерия». Дать порочным людям идею бога-воздаятеля «это значит поощрить их в их заблуждениях и испорченности надеждой смягчить бога, кротость которого так превозносят».

А свободные умы, как могут они принять идею этого небесного царя?

«Конечно, было бы смешно считать себя республиканцем в мире преходящем и быть роялистом в вечности. Это небо, которое нам изображают, да ведь это настоящий старый режим: не смогли выдумать неба, не подражая тому, что существовало на земле; следовало уж посадить туда деспота, третье сословие, приказы об арестах и Бастилию для осужденных».

Салавилль огорчал своих читателей тем, что восставал против всякого культа, и он получал от них укоряющие письма, которые его трогали:

«Я знаю, - говорит он 23 нивоза, - что, отбрасывая внешний культ, чувствительные души хотели бы сохранить то, что они называют внутренним культом, что они находят какое-то наслаждение в свободном воздаянии сентиментальной благодарности предполагаемому творцу вселенной. «Предоставьте нам, говорит мне один подписчик, утешение чувствовать бога, любить его, поклоняться ему в молчании, В этом нет ничего унижительного или тиранического с республиканской точки зрения.

Я вовсе не имею в виду лишить людей этих сладостных упоений, которые, будучи очищены от элементов страха и ужаса, смогут быть согласованы со свободой и способствовать счастью человеческой жизни. Я должен, однако, заметить, что они имеют тенденцию вводить в заблуждение нашу чувствительность, давать ей ложное направление: наша чувствительность дана нам для того, чтобы распространяться на все окружающее, а не для того, чтобы уноситься бесплодно ввысь и растрачиваться в созерцательных полетах».

Этот гордый ум беспощаден к суетности и модным слабостям своего времени, и он вышучивает тех, кто, под предлогом борьбы с христианством, присвоил себе имена Брута, Сократа, Аристиды. Наконец, серия его искусно написанных статей против религии и против культа Разума заканчивается критикой церемониала, установленного Коммуной для торжественного обряда погребения:

«Отказываясь от церквей, пишет Салавилль, пришлось открыть храмы Разума и, в силу какой-то странной непоследовательности; в момент признания абсурдными религиозных культов захотелось непременно отыскать что-нибудь похожее на них в наших гражданских установлениях.

Один из членов Коммуны сделал доклад о похоронах, в котором он не забыл упомянуть о некоем подобии церемониала; он потребовал также устройства празднества в память душ умерших, как бы подчеркивая необходимость торжественного увековечения смерти. Ясно, что все это исходит из того же представления о важности этого последнего акта человеческой жизни, которое, не без веских для того оснований, старались придать ему священники».

Длинные цитаты были необходимы, чтобы показать, что истинные последователи энциклопедистов несколько не были удовлетворены этим культом Разума, который считался как бы реализацией их идей. Для Салавилля церемония в Соборе Богоматери была только новым видом идолопоклонства. Он видит нравственный закон только в совести. Декорации, сооружения, мишура и музыка нового культа заставляют его только пожимать плечами. Пусть мыслитель живет, согласно своему разуму, пусть распространяется наука, пусть возможно большее число людей узнает истину, и пусть пока верующие свободно предаются своему благочестию, - вот его философия и его политика Культ Разума, культ Верховного Существа, христианство- все это для него только формы умственного рабства.

ГЛАВА VIII. Культ Разума и отношение к нему парижского населения.

Политические катехизисы

Посмотрим теперь, как народ принял культ Разума. В Париже, правда, попытка дехристианизации носила скорее отрицательный характер. Народ думал меньше о создании новой религии, чем о разрушении и осмеянии старой. Рассматривая эту попытку разрушить христианство или, если угодно, лишить его уважения, легко заметить, что характерным для движения, особенно в первое время, было отсутствие фанатизма и даже простой серьезности.

Вначале вовсе не Полиэвкты вторгаются в церкви Парижа и низвергают алтари: это уличные мальчишки, озорники, гогочущие читатели «Pere Duschesne'a».

Вот свидетельство по этому поводу двух членов Конвента, настроенных, правда, враждебно, но любопытных до страсти и очень осторожных наблюдателей:

«Продельывали все эти разрушения, - говорит Мерсье, - не с яростным фанатизмом, но со смехом, с иронией, с бешеным весельем, способным удивить наблюдателя».

«Религиозные церемонии, - говорит Грегуар, - состояли в пародиях и принимали самые причудливые формы: священнослужители бывали представлены там с различными эмблемами, которые должны были или сделать их смешными или вызвать пред ними ужас, вроде шутовских бубенчиков или кинжалов; другие исполнители, сопровождая богослужебные формулы циничными действиями и скабрёзными шуточками, торжественно шествовали в священнических облачениях; последними покрывали также собак, козлов, свиней и почти всегда ослов, которых наряжали так, чтобы как можно резче подчеркнуть самое грубое безбожие».

В празднике, который Коммуна организовала в Соборе Парижской Богоматери, не отсутствовали, как мы видели, ни благопристойность, ни серьезность, хотя первая роль в церемонии и была предоставлена актрисе из Оперы, Напротив, праздники, которые импровизировал сам народ в остальных церквях Парижа, преобразованных в храмы Разума, отличались веселостью и даже цинизмом. Так, в церкви св.Евстафия, по словам Грегуара и Мерсье, был устроен народный кутеж, а в Сен-Жерве состоялся публичный бал в часовне святой девы.

Галльская непристойность и побасенки Вольтера внушили народу эти насмешливые сатурналии; вся безбожная веселость перенеслась из книг на улицы, из воображения перешла в жесты.

В этих мальчишеских выходках я вижу только одно серьезное чувство: патриотизм.

Действительно, если культ Разума имел своих святых, которые заменили благочестивые картины и статуи в церквях, если триада Марат-Шалье-Ле-Пелетье установлена была народом вместо христианской троицы, то это меньше по религиозным соображениям, чем по политическим. Кому поклонялся народ хотя бы в лице Марата? Предшественнику культа Разума? Но Марат верил в религию «Савойского викария» и ненавидел философов. Кровожадному доносчику? О нем забыли, но помнят хорошо братское заглавие его газеты. Убитому патриоту - вот кому поклоняются в лице Марата. Для некоторых душ, простых и грубых, Марат олицетворяет собой отечество. Вот почему власти не пытались мешать посмертному культу Друга Народа и после термидора перенесли его прах в Пантеон.

Наконец, многие парижане видели в культе Разума одно лишь развлечение. За колесницей с богинями вечно ходила толпа скептически настроенных зевак. Со времени возобновления крестных ходов в 1816 г. можно было видеть бывших приверженцев культа Разума в церковных облачениях.

Освещенные духом Рабле праздники св.Евстафия и св.Жерве не носили, повидимому, официального характера, но они совпали с новыми торжествами, организованными публичными властями.

Не возвращаясь к тому, что нами было уже сказано о культе Разума в секциях, отметим, что в последний день декады, после праздника 20 брюмера, происходили церемонии почти во всех церквях Парижа и пригородов. Не сохранилось подробного описания того, что произошло в этот день, 30 брюмера, в Соборе Парижской Богоматери. Имеется только программа, составленная по этому поводу национальной жандармерией. «Свобода, - говорят здесь жандармы, - есть божество Франции». В процессии будет участвовать «женщина, изображающая отечество, которая будет раздавать гражданские венки народу». И затем предложена следующая надпись: «Свобода, Равенство, Братство, Разум нераздельны».

Среди церемоний, происходивших 30 брюмера в других церквях, отметим церемонию в церкви Сен-Лоран, которую Тьебо посвятил разуму в речи, заключавшей исторический обзор всех несчастий и убийств, причиненных католической религией. Затем были пропеты куплеты откровенно деистского содержания.

Что касается праздника Разума в предместьях Парижа, то следует отметить церемонию, имевшую место в тот же день в Сен-Дени в присутствии делегатов парижских секций.

Кортеж, в котором находилась повозка, нагруженная бывшими церковными облачениями, запряженная тремя ослами с головами, увенчанными митрами, остановилась у подножья горы, воздвигнутой на площади Собраний и украшенной бюстами Ле-Пелетье, Марата, Руссо, Вильгельма Телля, Франклина и Свободы.

Были речи и песни. Один парижанин пропел патриотические куплеты. Гражданин Фокупре, стоя на алтаре отечества, произнес речь, в которой он напыщенно и глупо приветствовал гибель Кондорсе.

Наконец, кортеж двинулся к базилике Сен-Дени, превращенной в храм Разума, и столпился вокруг статуи Свободы, помещавшейся над алтарем.

Эти торжественные празднества стали более редкими с тех пор, как Робеспьер в Якобинском клубе 1 фримера предал анафеме атеизм. Но все же церемонии еще происходили, как мы это видели, говоря о секциях. Даже Коммуна отпраздновала еще с пышностью 20 фримера праздник Разума в Соборе Парижской Богородицы.

Но в особенности сохранилось воспоминание о церемонии, которая была организована под председательством актера Монвеля 10 фримера в Сен-Роше. Рассказывают что этот комедиант, переряженный в трехцветную ризу, воскликнул: «Если бог существует, призываю его немедленно испепелить меня на месте, чтобы доказать свое могущество». Но мы имеем речь того же Монвеля, напечатанную в 3000 экземпляров, за счет секции Горы, из которой видно, что этот актер говорил о боге совсем и другом тоне:

«Если существует, - говорил он, - этот творец всего сущего, а противоположное мнение было бы крайне прискорбно...» Он даже произнес нечто вроде философской молитвы: «О ты, высшая мудрость, душа природы, или, быть может, сама природа, ты, которого человеческое невежество, человеческие страсти и предрассудки окутали непроницаемыми облаками, твое дыхание, наконец, начинает рассеивать их, и ты благоволишь обнаружить пред нашими взорами... бога, столь давно неведомого нам, совершенное существо, которое стоит выше молитв, выше почестей, ты - истина, ты - добродетель, разум; ты - свобода, равенство, ты все, что есть прекрасного в мире; совершенство - твоя сущность, и наши души, ставшие наконец достойными тебя, научились не бояться тебя лишь для того, чтобы больше тебя любить».

Но в Париже культ Разума начал уже возбуждать возражения. Народ стекался толпами на празднества и забавлялся маскарадами; он зевает, слушая проповеди. Теперь все сосредоточивается в руках школьных учителей и интеллигенции; их выступления, происходящие почти при закрытых дверях, обдают холодом и сухостью. К концу фримера II года ничего не оставалось от культа Разума» кроме этих академических речей, произносившихся осторожными ораторами перед кучкой скукающих слушателей.

Приведем для примера деистскую речь в честь Разума гражданина Мербека:

«Божественный Разум, чистое отражение Верховного Существа, управляющего по своему произволу судьбами людей и государств, благоволи принять наши хвалы, возносимые тебе в этом величественном храме!

Эти хвалы должны быть любезны тебе, ибо они внушены горячей любовью к отечеству и признательностью за его благодеяния. Ведь только ему мы обязаны тем, что снова завоевали нашу святую свободу, так долго попиравшуюся под презренным игом постыдного рабства.

Лишь тебе мы обязаны тем, что снова вернулись к нашему первоначальному равенству, надолго забытому при господстве деспотизма».

Стихи, сочиненные в связи с поклонением Разуму, были многочисленны; по форме они слишком посредственны и по содержанию слишком похожи одно на другое, чтобы стоило их цитировать. Полезнее остановиться на некоторых катехизисах, внушенных культом Разума.

Вот главные:

1. Республиканское евангелие, предшествуемое докладом, сделанным гражданином Фабром д'Эглантинем о новом календаре, декретированном Национальным Конвентом. Предисловие подписано Саллем.

Это республиканское евангелие состоит из серии патриотических песен, почти сплошь принадлежащих Саллю и частью Сериесу. Среди них очень мало стихотворений, относящихся к религии. В одном из них, озаглавленном «Смерть фанатизма», читаем:

«Французы верят только в свободу,
это - божество отечества».

2. Республиканский катехизис, с приложением правил республиканской морали годный для воспитания детей обоего пола, составлен гражданином Пуатевен, секции улицы Монтрейль.

Автор этого катехизиса заимствует свои формулы у католицизма. Он предлагает республиканские таинства, подобные следующим:

«Вопрос. Что такое крещение?

Ответ. Это возрождение французов, начавшееся 14-го июля 1789 г. и вскоре поддержанное всем французским народом.

Вопрос. Что такое конфирмация? «Ответ. Это призыв к образованию Национального Конвента, который, исправляя многочисленные ошибки двух первых Собраний, окончательно уничтожил королевскую власть, чтобы заменить ее республиканским образом правления.

Вопрос. Что такое причастие?⁵

Ответ. Это вид общежития, предлагаемый Французской Республикой всем просвещенным народам для образования на земле единой обширной братской семьи, не признающей больше ни идолов, ни тиранов.

Вопрос. Что такое епитимия?

Ответ. В наши дни это скитальческая жизнь изменников отечества»...

Дальше идут Республиканские правила или патриотические заповеди, из которых первая:

«Признавай единое Существо, высшего покровителя всей природы: ты будешь верным ему слугой, если будешь исполнять все свои обязанности, естественные, гражданские и политические».

3. Служебник декад или речи, гимны и молитвы, возносимые в храмах Разума; составлено гражданами Шенье, Дюзозуар и др.

В этом сборнике Мари-Жозефу Шенье принадлежит один только «Гимн Свободе», переложенный на музыку Госсеком. Кроме того, там имеется речь, произнесенная в храме Разума гражданином Дюзозуаром. Это апология античных празднеств.

Там есть также речь, сказанная 20 вентоза юным коммэнжем, десятилетним мальчиком, который склоняется перед; Верховным Существом, столь долго остававшееся в унижении по милости священников.

Секция Горы постановила, чтобы в каждый последний день декады воспитатели и воспитательницы приходили со своими учениками в храм Разума, чтобы там давать отчет в своих успехах и подвергать детей испытанию в присутствии собравшегося народа. По этому-то случаю в Сен-Роше 30 вентоза II года юный Пупардэн, восьми лет, произнес небольшую речь и, поблагодарив за прием, «оказанный молодым учащимся отечеством», обращается к богу с молитвой (sic): «Благодетельный бог, ты, которого я обожаю, неведомое Существо, которое таинственными путями своего провидения избрало Разум быть гением-хранителем Франции, прими наши обеты»... и т.д.

Гражданин Дюлоран создал себе в новом культе специальность сентиментальных, скучных поучений. Его «Сборник» содержит речь, которую он произнес в секции Тюльери на празднике Разума 20 фримера II г.

«Я набрасывал, - говорит он, - портрет доброго отца, и моя картина была орошена слезами.

Природа дала мне другую кисть и сказала мне: «Теперь рисуй портрет доброй матери».

Я повиновался ее голосу». И он рассказывает поучительную историю.

Том заканчивается упражнениями для честных французов, составленными честным гражданином секции Тюльери и подразделенными следующим образом:

1. Республиканский призыв: «Целомудренная дева небес, о Свобода! Для нас ты спустилась на землю, да будет навеки обожаемо твое имя, и т.д.».

2. Республиканское приветствие: «Приветствую вас, Санкюлотиды, да чтится ваше имя. Добродетели, гений, труд, общественное мнение, благодарность, приветствую вас»...

3. Республиканский символ веры: «Я верю в Верховное Существо, которое создало людей свободными и равными, которое сотворило их для взаимной любви, а не для ненависти, которое хочет, чтобы его чтили добродетелями, а не фанатизмом, и в глазах которого самый лучший культ - это культ разума и истины. Я верю, что единство и неделимость Республики составляют счастье народа, что безграничная привязанность к конституции, принятой им, одна только может обеспечить это счастье, и что человек, чтобы сохранить свои права, не должен никогда забывать своих обязанностей. Я верю в близкое падение всех тиранов и всех разбойников, в возрождение нравственности, в распространение всех добродетелей, в вечное торжество Свободы».

4. Республиканская заповедь:

Ты будешь служить Республике,
Но лишь единой и неделимой.
Федералистам же ты объявишь
Навеки непримиримую войну.
Ко всем культам ты будешь терпим,
Как приказывает тебе закон...

Остальные катехизисы или требники культа Разума походят на те, которые мы привели. Образцом для всех них послужила одна забытая теперь, но имевшая влияние в начале революции книга: «Катехизис человеческого рода для установления истинного нравственного порядка и социального воспитания людей», автор которой, Буа Вель, первоначально играл роль в Якобинском клубе.

ГЛАВА IX. Культ Разума в провинции⁶

Можно смело сказать, что процесс дехристианизации и насаждения культа Разума протекал в провинции в более строгих, в более искренних и менее театральных формах, чем в Париже, хотя общие основы и тут и там были те же: не столько религиозные, сколько политические.

Провинция не ждала приказа из Парижа, чтобы ввести у себя культ Разума. В тот самый день, когда там разыгрывалась грандиозная церемония поклонения Разуму в Соборе Богоматери, в провинции были устроены подобные же торжества: одно в городе Нанси, откровенно деистическом; другое в городе Рошфоре, откровенно атеистическом.

Первый праздник в честь Разума происходил в кафедральном соборе г. Нанси под председательством комиссара Конвента Бальтазара Фора.

«Нет в Республике, - сказал Фор, - ни иудеев, ни протестантов, ни анабаптистов, ни католиков: есть только республиканцы...

Но, граждане, чтобы сдержать священный обет (жить и умереть свободными), столько раз повторенный вами, чтобы удержать драгоценную свободу, нам нужен только один единственный культ... нам нужен культ свободы, только свободу мы должны боготворить...»

Фор был в одно и то же время врагом христианства и деистом. Он публично выпил за здоровье Республики из церковной чаши бывшего епископа. Местные власти поступили так же, а за ними последовала и большая часть собрания при неумолкавших криках народа: «да здравствует Республика!»

В тот же самый день были сожжены в Нанси у подножия гильотины исповедальни; все власти присутствовали при этой церемонии, их сопровождало более четырех тысяч граждан. Затем они отправились в народный клуб, где пред кончиною причащен был св. тайн религиозный фанатизм, уступивший свое место здоровой философии. В то же время в городе разыгрывалась грандиозная сцена низложения духовенства.

В тот же день, 20 брюмера, в Рошфоре комиссар Лекинио перекрестил католическую церковь в «храм Истины» и произнес речь, материалистическую атеистического содержания.

«Нет, граждане, - говорил он, - нет грядущей жизни. Небесная музыка христиан и прекрасные гурии магометан, величественный образ Предвечного и могущество Юпитера; Тартар древних и Ад новейших народов; наш рай и Елисейские поля греков; Сатана, Люцифер, Минос и Прозерпина - все это химеры, равно достойные презрения мыслящего человека...

Ничего не останется от нас, кроме рассеянных молекул, составлявших некогда наше тело, да памяти о нашей прошлой жизни».

Где же человеку искать счастья? «Где, граждане? Внутри самого себя, в глубине своего сердца, в самоотречении, в труде и любви других. Вот весь секрет».

Речь заканчивается призывом любить священной любовью отечество, но слово бог ни разу в ней не упоминается.

Год спустя Лекинио опубликовал интересные подробности относительно методов, которые он и Лэньело применяли в целях дехристианизации жителей Нижней Шаранты.

Если им верить, то они избегали каких бы то ни было насилий: если они разрушали старые верования, то «без всяких потрясений и усилий», «братаясь с народом, попросту философствуя с ним» и организуя народные клубы по всей стране вплоть до ничтожных местечек. «Во время гражданских банкетов, которые мы устраивали всюду, где проходили; во время братских поучений народа в клубах и на этих банкетах, среди танцев, празднеств, народных увеселений; под звуки музыки, - народ добровольно разбивал грубые символы своего древнего суеверия. Мы никогда ни к чему не принуждали его; больше того, даже никогда не давали ему таких советов. Там нам предстояло уничтожить три религии: католическую, протестантскую и иудейскую, и все три культа исчезли без всяких усилий с нашей стороны перед лицом философских идей, которое мы всюду развивали просто и братски-искренне. В Рошфоре, С-т Жан-д'Анжели и в других городках евреи, наравне с другими народами, публично отрекались от изуверства своих раввинов и предали свои лживые книги патриотическому костру, который вознес к небу очистительный огонь разума».

Оба комиссара оставляли на свободе священников, которые сами решились сложить свой сан. Особенно энергично они проповедывали в маленьких общинах, состоящих из католиков и протестантов.

«Наши первые ослепительные для разума победы мы одержали в небольших общинах, в маленьких городках: у народа, почти сплошь состоящего из малосознательных и нищих рыбаков, у простых поденщиков или бедных земледельцев; мы просветили их впервые своей речью, проникнутой братской искренностью и истинностью наших идей.

Наше первое заседание мы устроили в народном клубе, второе - в католической церкви, и за нами последовали туда протестанты; третье - в протестантском храме, и за нами последовали католики. Там обе секты исчезли; там служители обоих культов впервые братски облобызались в присутствии всего народа и под его клики: Да здравствует свобода! Да здравствует Конвент! Да здравствует Республика!» Они поклялись отречься от старых заблуждений и обещали проповедывать только здоровую мораль».

Но атеистические манифестации, подобные тем, которыми упивался Лекинио, - не обычное явление в провинции, в особенности после вмешательства Робеспьера и его выступления 1 фримера II г. Республики. Наоборот, редко, чтобы вера в личного бога «Савойского Викария» не проявлялась открыто в провинциальных торжествах в честь разума.

Я знаю только два исключения из этого общего правила: в Гренобле и Туре.

В Гренобле общественный обвинитель Кютюрье выразился так: «...Будем верить, что гражданские добродетели, нравы, очищенные разумом, священная любовь к отечеству заменят республиканцам с избытком истрепанные идеи вздорной и нетерпимой религии».

В Туре во время прославления культа Разума в бывшей церкви Св.Гатиена комиссары говорили только об отечестве и необходимости согласия между гражданами. А член Конвента Атанас Во произнес речь и пропел гимн, в котором напал не только на священников, но и на божество: «Чтобы любить отечество, нужны ли священники и боги?»

Таким образом, в Туре и Гренобле культ Разума формально отклонился от культа Верховного Существа. Но это исключение: в остальных местах всюду намеренно подчеркивают, что Разум, которому воздают почести, эго либо бог, рассматриваемый как Разум, либо Разум человеческий как проявление или дар божества... Так, в Версале на храме Разума красовалась надпись: «Предвечному», а член Конвента Шарль Делакура закончил 30-го фримера свое нравственное поучение молитвой, обращенной к богу.

В Париже дехристианизация была в глазах народа веселой шалостью. В провинции это был часто акт серьезный, серьезно проводимый. Какой важностью и торжественностью проникнуто, напр., в Страсбурге общее отречение народа от старого культа. Правда, этот народ отрекся от него не во славу философии, а в интересах национальной обороны, так как Страсбургу, как пограничному городу, коалиция духовенства с эмигрантами и чужеземцами угрожала больше, чем какому-либо иному городу.

Первое празднование в честь Разума состоялось в Страсбурге 30 брюмера, в присутствии комиссара Бодо.

Шествие выступило из клуба якобинцев с гражданскими и военными властями во главе и направилось в собор. Многие гражданки были в белых одеждах и в фригийских колпаках.

На портале собора были начертаны слова: «Свет после тьмы».

Внутри храма была устроена, как и в Париже, гора, на которой возвышалась статуя Природы и статуя Свободы, устремлявшаяся к ней. По склонам горы, на утесах, стояли чудовища и карикатурные изображения священников. В храме, как гласит протокол, присутствовало 10000 человек.

Мэр города П-Ф.Монэ произнес речь, сильно насыщенную натуралистическими идеями Дидро, но и с ярко выраженными нотками патриотизма.

Общественный обвинитель, бывший священник Евлогий Шнейдер, сказал: «Народ, вот в трех словах вся религия: поклоняйся богу, будь справедлив, обожай отечество!»

После этого несколько католических священников отреклись от своих заблуждений, и среди них, кажется, епископ Брендель. Кто-то заметил, что протестанты хранят молчание. Тогда заговорил пастор, но лишь для того, чтобы выразить свой протест против нетерпимости и напомнить об евангелии. Его освистывают и гонят вон.

Бадо, врач по профессии, произнес чрезвычайно патриотическую речь, поздравляя народ с его победой над шарлатанством и, забавная подробность, сам отрекся от профессии врача, которая «основана на доверчивости и обмане».

Церемония заканчивается сожжением реликвий и старых пергаментных свитков, и Бадо украшает статуей Марата зал заседаний Генерального Совета Коммуны. 2 фримера Коммуна приказывает закрыть все церкви и храмы в Страсбурге, за исключением храма Разума.

Если эльзасцы важно и торжественно отреклись от католичества, то жители Франш-Конте приняли совершенно всерьез не только отречение от христианства, но и новый культ... Так, клуб якобинцев в Безансоне не из желания устроить насмешливую пародию, но в искреннем порыве прозелитизма избрал двенадцать апостолов, которые должны были проповедывать новую религию. Эти апостолы действительно отправились в путь проповедывать всюду культ отечества: сегодня они проповедывали его во славу Разума, завтра будут проповедывать во славу Верховного Существа.

На севере торжественное отречение жителей Арраса от христианства приобрело широкую известность. 27 брюмера народ отправился к бывшим католическим часовням, превращенным в храмы «Свободы, Разума и Философии», и здесь перед ними «единодушно, публично и торжественно отрекся от своих старых заблуждений» и заявил, что не желает иметь посредников между собою и Верховным Существом. Все госпитали Арраса были переданы светским властям...

В центре Франции приходится отметить большую сдержанность к культу Разума, но зато и более широкую более философскую терпимость. Так, в Лиможе во время праздника в честь Разума 30 брюмера II г. якобинец Фуко старается отвергнуть враждебные нападки на революцию, не желая восстанавливать против нового культа общественное мнение: «Да, да, будут кричать: долой атеизм, долой нечестивцев! Пусть кричат, но и вы, дорогие граждане, кричите: да здравствует Разум! Вот компас, который вас поведет к цели. Скажут, что у нас нет религии, потому что мы не хотим драться из-за каких-то священных приманок. Граждане, исповедуйте какую угодно религию, если она вам нужна. Но остерегайтесь предлагать ее вашему соседу, остерегайтесь даже говорить с ним о ней. Ваше счастье и благо Республики зависят от вашей сдержанности в этом предмете».

В провинции была сделана попытка использовать даже служителей прежних религий для пропаганды нового культа... Так, 5 фримера II г. Генеральный Совет Департамента Эро, отдав дань своего уважения Верховному Существому, постановил «учредить должность служителей нравственности, обязанных проповедывать философию и патриотизм, ненависть к тиранам и единство Республики, и употребить для этой цели бывших священников, которые проявили неизменную верность принципам Революции».

Культ Разума с особым успехом и неистовством прокладывал себе дорогу в областях, наиболее преданных католичеству. На всем юго-западе он вызвал много шума, особенно в департаменте Жер. Манифестации, имевшие место в Оше, прославились не только по всей Франции, но и за ее пределами.

В октябре 1793 г. два члена Конвента, принадлежавшие к Горе, - Дартигейэт, депутат Ландов, и Кавеньяк, депутат Ло, - находились в департаменте Жер в качестве комиссаров Конвента. Они с радостным изумлением приняли весть о замыслах Фуше и издали в согласии с ним следующий приказ, который был распространен и опубликован по всем департаментам юго-западной Франции:

«Свобода, Равенство! Во имя народа французского.

Представители народа департамента Жер и других мест, приняв во внимание приказ их товарища Фуше относительно внешних религиозных обрядов, изданных в Невере 19-го дня первого месяца...

приняв во внимание, что приказ Фуше основан на великих принципах республиканизма и всеобщей нравственности, постановили:

2) поручить административным властям... издать распоряжение относительно пользования колоколами во время гражданских торжеств и обрядов.

3) предоставить наблюдательным комитетам право брать под стражу и лишать свободы до заключения мира как людей подозрительных, служителей всех культов, а также тех граждан и гражданок, которые фанатическими и контр-революционными речами или путем соответственных действий будут каким бы то ни было способом противиться осуществлению мудрых и философских целей, заключающихся в означенном приказе нашего товарища Фуше...

4) в последний день каждой декады, в час, назначенный административной властью, колокол, если таковой будет еще в наличии, возвестит о дне отдыха; благомыслящие граждане должны собраться вокруг алтаря отечества, а в случае его отсутствия - перед деревом свободы, чтобы воспеть патриотические гимны, выслушать там провозглашение новых законов и краткий обзор политического положения Республики и трудов Национального Конвента, каковой доклад будет сделан представителем местной власти или же гражданином, ею назначенным, но отнюдь не служителем какого-нибудь культа; остальное время может быть использовано для военных упражнений, скачек и патриотических танцев.

5) Представители народа, посетившие большую часть народных клубов четырех департаментов и бывшие свидетелями их достойной монтаньяров энергии, вверяют просвещенному усердию клубов борьбу с последними усилиями чудовища фанатизма, к коим он, несомненно, прибегнет в час своей агонии...

Дан в Оше, в 6 день месяца брюмера в год II Французской Республики, единой и неделимой.

Подписано: Представители народа
Дартигейэт, Кавеньяк, Гори - секретарь».

Остальные департаменты юго-запада издали подобные же приказы.

Но заметили ли эти департаменты, что Дартигейэт и Кавеньяк, рекомендуя им приказ своего товарища из Невера, повиновались совершенно иной идее? Они собирались устраивать гражданские празднества, создать род светской, веселой религии, о которой нет и помина в мрачной прокламации Фуше. Но, как бы то ни было, они подчинились приказу если не с восторгом, то во всяком случае без колебаний.

Уже 19 брюмера Дартигейэт и Кавеньяк доносили Конвенту, что «фанатизм при последнем издыхании». Они были уверены, «что двух заседаний в Клубе Монтаньяров было достаточно, чтобы повергнуть в прах религиозные идеи». Семь священников явились в клуб и перед всеми сложили свой сан. «В последний день декады они должны собственноручно поджечь чудотворную богоматерь». Гражданка Отерош, бывшая настоятельница монастыря в Прулльяне, добрая патриотка, точно также «торжественно отреклась от своих смехотворных обетов». На последнем заседании Клуба в Оше отреклись от своих заблуждений и другие священники. Граждане и гражданки целыми массами заявили, что они не признают иного культа, кроме культа Свободы.

3 фримера Кавеньяк послал Конвенту отчет о первом празднике в честь Разума, устроенном в г.Ош. Конвент приветствовал его в заседании 10 фримера. Он сообщил, что устроил конюшню в протестантской церкви, и продолжал: «Последний день третьей декады был назначен для празднования в Оше торжества Разума и полного уничтожения фанатизма. Когда день этот наступил, весь народ собрался на лугу, осененном деревьями, и там, на братском банкете, он отдался порывам радости. После чисто Лакедемонской трапезы народ обошел вокруг города, срывая и растапывая ногами все символы фанатизма, которые попадались ему по пути. Возвратившись на площадь Свободы, он собрался вокруг костра, покрытого феодальными грамотами, и приказал доставить сюда в повозке двух чудотворных богородиц, известных в краю кресты главнейших церквей и святых, перед которыми недавно еще воскуривали фимиам суеверия. Народ разразился цивическим восторгом, костер запылал, и смешные идолы полетели в него при радостных кликах несметной толпы. Всю ночь вокруг этой философической жаровни, поглотившей сразу столько заблуждений, танцевали Карманьолу».

Вокруг культа Разума разыгрывались иногда сценки рисующие наивные и грубоватые нравы того времени. Так, 14 фримера под председательством Кавеньяка гр.Лантрак докладывает Клубу об успехах духа гражданственности в округе Лектур. В С-т Кларе, после цивической трапезы, народ бросил в огонь все деревяшки, некогда именовавшиеся святыми, почти все священники отрелись от своих заблуждений, и скоро в округе прекратится богослужение».

Гражданин Гро, обращаясь затем к присутствующим, сообщает несколько фактов, относящихся к его деятельности в округе Ногаро. Низложение священников и разрушение фанатизма в полном ходу в этом крае. На гражданских трапезах, где в изобилии льется белое вино, я имел удовольствие брататься с добрыми монтаньярами. Я имел также счастье дать гражданское крещение новорожденному и назвать его Маратом. Я сказал народу, который меня окружал: «Поздравим все этого ребенка, что он родился республиканцем. Некогда священники, ссылаясь на первородный грех, не пускали в рай и даже в человеческое общество того, кто не был окроплен очистительной водой. Теперь, свободные от предрассудков, более твердые в наших принципах, пообещаем напоминать юному республиканцу о доблестях Марата, имя которого он будет носить, и тогда он станет достойным благоденний Верховного Существа».

Как только новый культ отрелился от атеистического материализма Фуше и превратился в естественную религию, воспетую Вольтером, часть буржуазии проявила в Оше горячее и искреннее рвение к нему.

Что же сделали власти департамента Жер, люди умеренные и разумные, внуки которых, быть может, сейчас поклоняются сердцу Иисусову?

Они основали официальный орган культа Разума, периодический листок для жителей деревень, в котором в виде катехизиса разъяснялась им философия века. В Оше в первую половину II года появился журнал, одно заглавие которого было удивительной новостью, небывалой смелостью. Он назывался: «Документы Разума, газета антифанатическая, издаваемая гражданином Шантре на средства администрации департамента Жер, первая забота коей просветить наших братьев из общин и деревень».

Кто такой этот Шантре, который был главным редактором официального органа нового культа?

Если верить лейпцигской «Biographic moderne» (1807), он родился в Париже в 1741 г. в семье адвоката. В течение двадцати лет жил в Испании, где был учителем французского языка в военной школе и составил ценную грамматику. Быть может, он должен был оставить Францию из-за своих политических и философских взглядов. Он посетил Англию и Россию накануне революции и описал свои путешествия. Его труд вызвал ряд эпиграмм со стороны географов: они упрекали Шантре в том, что реки у него потекли в обратную сторону и горы переместились с своих мест. Интереснее то, что в 1792 г. Дюмурье отправил его в Барселону с секретным поручением.

Как случилось, что этот путешественник, фантазер, любознательный человек поселился в Оше и стал редактором этого пропагандистского листка? Не знаю. Но он осел там так прочно, что во времена директории стал профессором истории в Центральной школе г.Оша и умер там в 1808 г., если верить биографиям, чрезвычайно скудным и ничтожным, этого апостола революционного культа Разума.

Скажем прежде всего, что «Документы Разума», являются ярким выразителем религиозных настроений провинции, которая как на юго-западе Франции, так и в других районах сливала культ Разума с культом Верховного Существа...

Шантре обращается с такими словами к крестьянину:

«Тебе говорят о таинствах, о догматах, которых ты не понимаешь и в которые ты не должен и не можешь разумно верить, если хочешь остаться достойным вечной мудрости, наделившей тебя разумом, который слепая вера только унижает. Ибо верить это значит быть убежденным в истине, а как верить, когда не понимаешь? Эта слепая вера только глупая доверчивость! Эту доверчивость и хочет рассеять культ Разума, ибо в ней заключены семена опасности, которые могут причинить много зла, не принеся никакого добра...

Религия Разума не предлагает никаких догматов, она дает советы, и эти советы - только голос нашей совести:

Совесть скажет тебе: люби отечество и уважай законы, ибо любовь к отечеству - первая добродетель, ибо ты находишься под охраной законов: они бодрствуют, когда ты спишь.

Совесть скажет тебе: чтн того, кто дал тебе жизнь, заботься о его покое, утешай в горести. Уважай собственность твоего соседа, его поля, его плоды, его скот и все, что принадлежит ему, ибо ты не хочешь, чтобы кто-нибудь покусился на то, что принадлежит тебе. Щади его дни и его честь, ибо ты хочешь, чтобы щадили тебя и твою честь. Чтн его нежно любимую супругу, дочерей, которых он воспитывает для материнства, ибо ты хочешь, чтобы чтнили твою супругу и твоих дочерей. Помогай ему в его нуждах, спасай в беде, ибо ты ждешь от него того же самого. Делай ему, одним словом, все, что хочешь, чтобы он делал тебе.

Совесть скажет тебе: «вот все твои обязанности, только их ты должен исполнять. Все иные предписания - ложь, я не начертала их в твоем сердце. Священники обманывают тебя из корыстных побуждений. Так, они предписывают тебе пост: этот пост противен природе; они предписывают тебе воздерживаться от мяса в известные дни: это воздержание-глупость! А я призываю тебя только к умеренности, ибо она достойна человека!»

Вот сущность поучений официального журналиста департамента Жер. Это естественная религия Руссо; бог Шантре пребывает, как и бог савойского викария, в совести человека. Еще один шаг, и он скажет словами Жан-Жака: бог - это сама совесть; бог-это нравственный закон.

Формально, на словах, Шантре - с Руссо и Робеспьером; но дух его доктрины - дух вольтерьянства и Энциклопедии. Руссо и Робеспьер восторгаются христианством, любят его и в глубине души хотят христианство только очистить, восстановить истинное евангелие, оскверненное духовенством. И тот и другой религиозны и не признают неверия. Шантре, напротив, не собирается возрождать христианство, приспособлять к требованиям века: он хочет его уничтожить.

В этом отношении он приближается к Геберу, который имел в провинции гораздо больше влияния, чем полагают. Во всех народных клубах юга с конца 1793 и до начала 1794 г. читали вслух, комментируют, иной раз перепечатывают «Pere Duchesne».

Имел ли Шантре успех среди крестьян? Он сам заявляет, что его поучения оказались бесплодны.

«Человек полей остается в религии таким же, каков он в своей земледельческой работе. Предложите земледельцу новый способ или новый метод улучшения почвы, неизвестный еще ему, он скажет вам с презрением: - Это никуда не годится, это не в обычае у нас, мы так никогда не делали. - Так же ответит он вам, если вы захотите вытеснить лживые бредни духовенства неоспоримой истиной».

Если из департамента Жер мы перейдем в департамент Верхних Пиренеев, мы не найдем там почти никаких следов нового культа; зато в архивах департамента Нижних Пиренеев, и в частности г.По, мы находим значительный материал.

В ноябре 1793 г. в Энью кем-то был повален и осквернен крест; клуб республиканцев и монтаньяров выступил по этому поводу. Комиссар Конвента Монетье в это время находился в г.По. Этот бывший священник обратился «к своим товарищам, братьям и друзьям» с следующим пикантным воззванием в стиле «Pere Duchesne»:

«Какого чорта вы вздумали ссориться из-за креста: не все ли равно, стоит ли он, лежит ли он, сломан ли он? О, друзья мои, давайте, бешено ненавидеть только испанцев: смертельная вражда к католическому королю к его инквизиции, к его мошенникам и гнусным приспешникам! Братство и дружба ко всем французам, католикам, евреям, протестантам, мусульманам, только бы они любили и защищали единство и нераздельность Республики, равенство и свободу... Пусть всякий чтит Верховное Существо в мыслях и на деле - вот всеобщий культ; пусть никто не делает другому, чего не хочет, чтобы делали ему: вот всемирная мораль; всякое другое учение, всякое другое исповедание - шарлатанство священников, мракобесие верующих»...

По мысли Монетье, как и Шантре, культ Разума должен уживаться мирно с культом Верховного Существа. На юге пессимизм Фуше был чужд этим активным, легко возбуждающимся натурам, их мысли были направлены против духовенства и испанцев, врагов родины, боровавшейся за существование.

17 плювиоза тот же самый Монетье предложил «добрым поселянам» отказаться от богослужения вообще и превратить церковные дома в школы.

12 вентоза он обратился к властям г.По с длинной прокламацией, в которой, ничтоже сумняшеся, примиряет Робеспьера с Шометтом, заявляя, что Разум суть Верховное Существо. Приведем несколько выдержек из этого приказа:

«По, 12 вентоза II года Французской Республики, единой и неделимой.

Монетье, представитель народа в департаментах Нижних и Верхних Пиренеев... ко всем гражданам, мэрам членам муниципалитета, национальным уполномоченные и нотаблям, составляющим Главный Совет Коммуны По.

Граждане, братья, друзья!

После роялизма и даже рядом с ним чудовище, наиболее опасное для независимости народов, - это фанатизм. Когда тиран, умирая на эшафоте, оставляет по себе последыша, свою надежнейшую броненосную опору, - это фанатизм. Деспотизм всегда черпал свои силы из католического культа. Отсюда долг мудрого и твердого законодателя вести войну на смерть с этим непримиримым врагом Равенства и Свободы... Поэтому, граждане члены Муниципалитета Коммуны По, я приглашаю вас и предлагаю вам от имени Французской Республики, единой и неделимой:

1. Изъять из бывшей церкви св. Мартина весь инвентарь и все предметы, посвященные католическому культу...

2. Постановить после совещаний, что отныне это здание под именем храма Разума должно быть посвящено прославлению людей добродетельных и республиканцев, а временно служить местом собраний санкюлотов.

3. Вы постановите также, что колокол или колокола этой бывшей церкви подлежат снятию, причем один из них должен быть использован для коммунального здания; предпочтительнее заменить этот ненавистный, смешной и опасный сигнал республиканской пушкой, или барабаном, или рожком. В последнем случае колокола должны быть сданы на литейные заводы, чтобы послужить делу обуздания испанцев.

4. Вы постановите также, чтобы публичное богослужение в больших церквях святой Урсулы, в церквях Госпиталя, Коллегии и Приюте для сирот было прекращено; а с инвентарем их, серебряной утварью и колоколами, вы поступите, как было указано относительно бывшей церкви св.Мартина.

5. Вы постановите, чтобы все колокольни, существующие в данной коммуне, были разрушены и заменены простыми крышами...

6. Чтобы из великих трудов настоящего времени извлечь всю возможную пользу, какую разум, республиканский дух и философия должны, естественно, дать для счастья настоящих и грядущих поколений, каждый десятый день декады муниципальный чиновник, надев присвоенный ему шарф, будет читать в этом храме в дурное время года и в дурную погоду законы и декреты, каковые в хорошую погоду должны читаться перед алтарем отечества. Власти округа знают в этом отношении свои обязанности. Народный Клуб, - око и светоч народа, - будет иметь в своем распоряжении оратора для просвещения народа...

7. Этому цивическому празднику будет всегда предшествовать пение республиканских песен, равно как и заканчиваться он будет патриотическими гимнами и радостными, возобновляющимися криками: «да здравствует Республика, единая и неделимая!» По мере возможности Народный Клуб будет приглашать барабанщиков, полковых музыкантов, оркестры национальной гвардии или любителей, которые в сопровождении санкюлотов, членов муниципалитета, властей будут проходить по главнейшим улицам города, приглашая и собирая граждан и гражданок составлять шествия, хоры и вообще своим республиканским усердием и веселостью оживлять праздник.

Члены клубов примут все меры для увеличения энтузиаста и поддержания гражданственного духа, а также для братского развлечения граждан коммуны»...

В Верхней Гароне гебертистское и антихристианское движение было более вяло, чем в Оше и По. Жители г. Тулузы долго нащупывали почву и зорко следили тем, откуда дует ветер, чтобы не скомпрометировать себя. Тулузские якобинцы не спешат, они хотят выиграть время.

Представитель Конвента Дартигейэт в отчаянии восклицает: «Я нахожусь тут, чтобы обеспечить счастье народа и клянусь именем верных республиканцев, которые будут мне опорой, я доставлю в Тулузе торжество делу свободы и Разума, или погибну. Я за терпимость, но не допущу, чтобы оскорблялось величие нации, и т.д.». И он предлагает план торжества и патриотические «фарандолы в дни декад». Тулузцы, повторяем, были осторожны, они только постепенно, шаг за шагом, вступали на путь, указанный им из Парижа.

Гебертистское движение в департаменте Тарн было чрезвычайно слабо; наоборот, в департаменте По оно, повидимому, было очень сильно. Особенно пылко отнеслись к нему жители Кагора: там дело доходило до вандализма. Член Конвента издал приказ об уничтожении всех колоколен.

«Именем французской нации представитель народа в департаментах Канталя и Ло, приняв во внимание, что царство разума просветит жителей насчет истинных принципов религии, что последние повелевают упражняться в добродетели и чтить законы, что храм добродетели только в сердце человека, что нет иных обрядов, кроме благодеяний и братской любви; приняв во внимание, что для развития философского просвещения важно уничтожить все символы, которые могут снова пробудить в народе опасное и преступное суеверие, что отныне не должны существовать памятники, которые напоминают о былых церемониях, созданных воображением надменных и алчных тиранов народной совести, постановляет:

1. В течение будущего месяца жерминаля снести все колокольни в коммунах департамента Ло, сравнив их с уровнем здания церквей.

2. Если корпус этих колоколен четырехгранный и трудно поддающийся разрушению или если последнее требует больших издержек, должна быть снесена только верхушка колокольни, и вместо нее поставлена статуя Свободы или иной символ Революции».

В Монтобанае храм Разума был устроен в кафедральном соборе богоматери. Под именем Разума там, как и в Оше и По, поклонялись Верховному Существу. Лицо, хорошо знакомое с местными преданиями, передавало нам, что роль богини Разума выполняла в Монтобанае m-lle de Прейссак, которая и во времена директории сохранила республиканские взгляды и нравы и умерла девушкой, оставив по себе незапятнанную память.

Вообще надо заметить, что в провинции для олицетворения Разума выбирали не только самых красивых девушек, но и наиболее уважаемых

В Ландах через четыре месяца после приказа Генерального Совета департамента поражение католичества казалось полным. 21 жерминаля правитель округа Мон де Нарзан весело докладывает национальному уполномоченному округа По:

«Нет у нас больше церквей, нет публичного богослужения, Все металлические предметы, все облачения шарлатанов снесены уже в наши магазины. Значительный транспорт церковного белья - накануне отправки в военные лазареты. Тридцать шесть революционных апостолов обходят Коммуны, превращая церкви в храмы Разума, и проповедуют гражданам любовь к законам и нравственным добродетелям. Нет больше священников, нет общественного богослужения; вот наш девиз. Царство добродетелей торжество равенства и свободы, вечность, неделимости, Республики - вот символ нашей веры».

В департаменте Ло и Гароны новый культ принял формы религии, и попрежнему совершались католические обряды.

В Бордо были сделаны большие приготовления к празднику. 12 фримера Комиссары Конвента Изабо и Талльен роздали актерам Республиканского театра «все церковные украшения и другие атрибуты глупости и суеверия», чтобы они участвовали в соответственных облачениях в предстоящей церемонии.

Праздник состоялся в назначенный день, 20 фримера. Изабо, Талльен и генерал Брюн присутствовали на торжестве.

Сто юных девушек, одетых в белые платья и опоясанных трехцветными лентами, с дубовыми венками на голове, шли группами в 50 человек впереди и позади колесницы, покрытой голубым ковром, украшенным звездами, на которой восседала богиня Свободы, артистка комедии Дюшомон, в античном одеянии, с непокрытой головой и с развевающимися волосами. Она сидела на земном полушарии и держала в руке позолоченное копье, украшенное фригийским колпаком свободы. Бюсты Марата, Ле-Пелетье, Брута и Руссо стояли по сторонам колесницы, а по четырем углам ее санкюлоты несли урны, где курились благовония.

За официальной частью шествия следовало шествие ряженых: среди них можно было заметить карлика Ришфора, трясущегося на муле и переодетого папой; с тройным крестом в руке и тройной тиарой на голове, он раздавал налево и направо благословения. Его окружали четыре кардинала в красных мантиях. За ними следовал целый маскарад: прелаты, кюрэ, монахи, судьи и знать.

Таким образом, торжество Разума в Бордо было веселым, задорным маскарадом. Жители Бордо веселились за счет духовенства. Никаких серьезных чувств эта шалость не внушила.

В Бретани противохристианское движение не было глубоко, но выливалось в страстные формы.

В Кэмпере комиссары Исполнительного Совета Дагорн и Эро получили 21 фримера от муниципальных властей приказ закрыть церкви. Закрытие состоялось 22 фримера, 12 декабря 1793 года, в день праздника Святого Корантэна, который привлекает в Кэмпер жителей всего края. Дагорн присутствовал при закрытии главной церкви города.

«Дагорн уже у алтаря, мраморные столы падают и разбиваются вдребезги под ударами добровольцев; он сам, подняв руку на дарохранильницу, сбивает саблей дверцы. Чаша и дароносица одна за другой оскверняются им, он наполняет священный сосуд своими нечистотами и орошает ими ступени, по которым всходило столько благочестивых епископов, чтобы умилосердить разгневанное небо...» Затем происходит ауто-да-фе предметов культа.

Что касается Нормандии, то с наибольшим одушевлением отправляли культ Разума в Гавре, городе, особенно горячо преданном монтаньярам. Правда, празднество 30 брюмера было организовано под именем праздника Свободы, в чем сказался патриотический пыл граждан Гавра.

Но из всех празднеств, которые происходили в провинции, наиболее прекрасным, по словам современников, и наиболее отвечающим идеям основателей культа было празднество, устроенное в Шартре 9 фримера II года.

Эта церемония, по свидетельству современников, привлекла значительно больше народа, чем католические крестные ходы в дни величайших торжеств.

Всюду религиозные эмблемы были заменены философскими лозунгами:

Разуму единому алтари создадим;

Веру всенародную в мире утвердим.

Перед кафедральным собором были воздвигнуты статуи: слева Человечности и Силы, справа Свободы и Равенства. Гражданин Гайяр, прокурор коммуны, выступил с речью, в которой, между прочим, сказал:

«...Разум - прекраснейший дар божества. Не слушаться его голоса значит оставаться глухим к голосу самого неба, значит оскорблять бога, давшего нам разум... По языку священников и языку философов судите об обоих учениях, о людях, их проповедующих, и идеях, их одушевляющих. Одно учение принижает душу, другое возбуждает отвагу. Одно создано для рабов, другое для людей. Первые говорят вам надменно и догматично: верь нам слепо, мы посланцы неба; другие говорят вам просто, но братски: верьте только тому, что кажется вам истинным и справедливым и что признает ваш разум. Ибо тот, кто создал вас, не может вас же обманывать: ибо от него исходит ваш Разум. Он начертал в сердце каждого человека простую и прекрасную заповедь, основу всех наших обязанностей: будь счастлив и делай, насколько в твоих силах, счастливыми всех, кто тебя окружает...

Наши враги скажут, что нет у нас религии. О! конечно, у нас нет их религии... Но у нас есть религия природы; она повелевает нам любить людей, верить в бога и исполнять все обязанности, которые подскажет нам совесть».

В святилище храма «возвышалась чрезвычайно похожая на настоящую гора, на вершине которой стоял очень высокий дуб, как-будто его произвела природа, украшенный колпаком свободы. На одной из его веток петух держал в своем клюве трехцветную ленту. Гора была высотой в 27 футов, из дерева, с утесами, деревьями, и зеленью».

С утеса представитель местной власти Левассор читает поучение нравственного характера. Затем артисты Шартрского театра разыгрывают перед самым алтарем пьесу: «Разум - победитель Фанатизма». Это настоящая мистерия. Бодрствующий Разум разоблачает фанатизм. Приходят Руссо и Вольтер, которые говорят против фанатизма.

«Республика в платье национальных цветов появляется под звуки Марсельезы и своим копьем пронзает фанатизм. Национальная гвардия следует ее примеру, опрокидывает алтарь, разбивает и топчет ногами лампы, кресты, кадилницы и все символы суеверия; они тишают это чудовище всех его суетных украшений. Завладевают ими как трофеем и выбрасывают труп фанатизма из храма. Затем Республика получает факел из рук бодрствующего разума; ее обволакивает искусственное облако; она подымается на гору, на группу утесов; при помощи машины, представляющей густую тучу, она уносится в высь к статуе Разума и вкладывает в его руки факел, который отныне будет светить всем народам. По мере того, как рассеивается эта туча, скрывшая от зрителей всю сцену, перед их глазами вырисовывается новый мир: огромные толпы маленьких гражданок, одетых в белые платья, юных граждан, национальных гвардейцев и т.п.»

После этого представления член конвента Тирион, стоя на горе, произнес патриотическую речь, которой и закончилась вся церемония; церемония, несомненно пышная, искусно организованная, изумившая современников, но гораздо менее одухотворенная, чем грандиозный спектакль дехристианизации в Страсбургском соборе.

Дело в том, что в Шартре население было далеко от врага, оно не боялось его вторжения, там не было видно священника, тайно сговорившегося с чужеземцем; Шартр не знал патриотического гнева.

Иное происходило в тех частях страны, куда фанатический враг старался ворваться победителем, во имя ли католицизма или старого режима.

Так, религиозные страсти вооружили испанский народ против нас: и самый жгучий фанатизм безверия был ответом на вызовы и успехи армий его католического величества. Неудачи и отступления французской армии довели до отчаяния жителей Перпиньяна, и они предавались страху и горю, когда в вентозе II года им пришлось освятить свой храм Разума. Нельзя требовать от них той же сдержанности и благопристойности, какую мы видели у граждан Шартра.

16 числа представитель народа Мильо отправился вместе с начальником города и несколькими патриотами к бывшей резиденции того, «кто обо... водой Иордана голову Иисуса, и они совместно покончили с святым семейством. Одни тащили Магдалину-грешницу, другие - кающуюся Анну; одни схватили за шиворот величайшего мошенника Якова, который никогда ни сотворили ни одного чуда, другие волокли святого Христофора, покровителя Барселоны, где говорят, что он вылит из чистого золота: берегитесь хватки республиканцев! Наконец, через громадную толпу народа они подошли к нашей современной чудотворице - святой Гильотине. Всю эту сволочь они сожгли под звуки патриотических песен, танцуя карманьолу; и ни одна шельма так-таки до конца не сотворила ни одного чуда».

На следующий день весь офицерский корпус присутствовал на освящении храма; церемония была груба и цинична. После нее сожгли на площади «сто пудов святош обоого пола». «Пламя взвилось вихрем, и южный (sic) ветер погнал дым в сторону Испании, точно говоря ее вшивой своре: «Скоро такое же пламя сожжет на пространстве сорока миль от границы всех идолов, которым вы поклоняетесь; скоро, скоро рассчитанный дружный удар покажет вам, что нельзя безнаказанно насильничать над народом». Итак, охваченные ненавистью к испанцам, эти граждане юга оскорбляют своих святых и издеваются, под влиянием момента, над своей религией.

Читатель заметил, что в этом сжатом обзоре главнейших манифестаций в честь культа Разума, происходивших в провинции, мы не упомянули города Лиона. Вследствие исключительных обстоятельств в этом городе, покоренном и терроризованном, никаких празднеств в честь нового культа не было. Муниципальные власти издали, конечно, приказ, чтобы готовились к празднику Разума в Соборе Иоанна-Богослова. Но жители Лиона сделали попытку превратить это торжество в манифестацию, враждебную монтаньярам, и 10000 граждан подписали петицию, требуя освобождения заключенных предполагая представить ее в тот же день комиссарам Конвента. Тогда эти последние издали следующий приказ:

«Представители народа, отправленные в Освобожденную Коммуну (Лион), чтобы обеспечить счастье народа откладывают предполагаемый праздник в честь религии Разума до тех пор, пока все бунтовщики, все нечестивцы, оскорбившие означенный культ, обагрившие его кровью, не накапят своих преступлений, пока тюрьмы не будут очищены от них. Благоговейные чувства детей философии не должны быть осквернены проклятиями ее недругов.

Освобожденная Коммуна (Лион), 1 плювиоза II г. Республики единой и неделимой.

Подписи: Мэолль, Фуше, Лапорт».

Культ Разума так и не был освящен в г.Лионе. Но зато там был запрещен католицизм, и приказом департамента все религиозные символы в церквях были заменены эмблемами Разума, «единственную богес1ва свободных народов». Собор св. Иоанна Богослова получил и сохранил название храма Разума.

ГЛАВА X. Попытки установить обрядность Культа Разума

Через некоторое время во всех этих разрозненных и разнообразных попытках создать философский культ Разума стала проявляться тенденция к установлению единообразных обрядовых форм. Эта тенденция к оформлению культа сказала, как полагает Грегуар, даже в такой идее, как назначение определенного числа священнослужителей Разума, а именно двух, в главные города каждого кантона, - идее, которая смутно проявлялась еще в конце 1793 года. Какое-то подобие ритуала зарождалось и само собой. Существовали разработанные неизвестным автором обрядовые правила, которые перепечатывались много раз. Здесь были даны подробные указания относительно устройства храма Разума.

«В глубине каждого храма, - говорится здесь, - в том месте, где некогда находился главный алтарь, помещается так. наз. очаг; вход в него снаружи; с внутренностью храма очаг соединен красиво украшенным портиком.

В этом помещении собираются все лица, которым предстоит участвовать в церемонии.

Алтарь устанавливается не в глубине клироса, а у самого входа; вокруг него должно быть оставлено пространство для тех, кто участвует в церемонии, но не слишком большое; пространство это не должно быть ограждено решеткой.

Алтарь должен быть прост по конструкции, овальной формы; над ним, если пожелают, может быть воздвигнута статуя Равенства.

По обе стороны этого святилища ставят друг против друга два помоста, украсив их гирляндами: один помост предназначается для освящения союза вступивших в брак супругов; другой - для отцов-усыновителей и прочих граждан, совершивших какие-нибудь доблестные подвиги; эти сооружения должны быть устроены настолько высоко, чтобы их было видно со всех мест в храме.

По одной стороне храма воздвигается трибуна наставника нравственности, которая должна возвышаться над этими помостами; она служит для всякого рода поучений, а также для проповеди нравственности.

Устанавливаются два рода обрядов: 1) обряд празднования десятого дня декад, когда обращаются с призывами к великому Существо, распевают «боевые гимны», поучают прихожан, произносят торжественные речи и приносят клятвы на верность Республике; 2) обряд празднование больших торжеств, когда прославляют добродетельных супругов, отцов-усыновителей и матерей семейств.

В последнем случае организуют три шествия: первое шествие состоит из всех служителей культа Разума: оно выходит в стройном порядке из очага и направляется к алтарю либо прямо, либо совершая обход вокруг собравшегося народа; второе шествие состоит из матерей семейств, которые выступают из очага только к концу общей церемонии, чтобы их новорожденные младенцы не нарушали торжественности празднования своим плачем, и третье-это шествие всех служителей культа, возвращающихся обратно в очаг».

В качестве действующих лиц обряда обозначены:

1. Мудрец. Им должен быть шестидесятилетний старец; он произносит поучения и олицетворяет собою Закон. В частной жизни он - третейский судья.
2. Блюстители. Последние избираются из граждан, достигших пятидесятилетнего возраста.
3. Цензоры, избираемые из добродетельных граждан от 25 до 40 лет от роду.
4. Ревнителю (от 16 до 25 л.). Они несут черные списки или книгу дурных деяний и статуи мучеников, во всяком случае - Марата и Ле-Пелетье.
5. Ученики из числа наиболее прилежных школьников от 6 до 16 лет.

Кроме того, должен иметься наставник нравственности и регенты хора или корифеи.

Этот сборник обрядовых правил приводит в заключение образцы призывов к высшему Существо, а также проповедей и гимнов.

Наконец, в целях укрепления нового культа некоторые представители народа старались окончательно изгнать религиозный дух из первоначального образования детей. Член Конвента Крассу приказом от 9 вентоза II года 'Республики категорически запретил «давать детям какие-либо книги духовного содержания, а также начинать уроки или сопровождать их какими-либо обрядами того или иного культа».

Подобные же приказы были изданы Ле-Карпантье в Сен-Мало 5 нивоза II года и Фором в Саррлуи 27-го того же месяца.

ГЛАВА XI. Общая характеристика культа Разума

Из документальных данных, только что рассмотренных нами, мне кажется, можно сделать вывод, что старания дехристианизировать Францию и ввести новый культ Разума не вытекали из философских идей как сознательно намеченная цель; не возникли в результате какой-либо заранее надуманной и, как утверждали не раз, фанатической системы. И Учредительное, и Законодательное Собрание, и Конвент не имели намерения уничтожить католичество. Напротив, вплоть до 1792 г. законодательные учреждения революционной Франции считали своим профессиональным долгом почитать католицизм как религию национальную, и даже после свержения трона алтарь пользовался официальным почетом. Революция добивалась только одного: она хотела, чтобы духовенство не посягало на новый социальный строй, который она создавала. Но, стремясь подчинить католическую церковь государству, революция сделала ошибку, обязав священников гражданской присягой. Принудительный характер такой присяги послужил побудительной причиной или предлогом для единения духовенства с врагами отечества. Отсюда берет свое начало эта ужасная гражданская война, пролившая столько крови и слез. Из рук духовенства было необходимо выбить его оружие и справиться с церковью, восставшей против государства.

Вначале Конвент торжественно заявил о своем уважении к догматам; но вскоре в пылу патриотических страстей народ перестал отличать церковь от религии. Вандея, сношения духовенства с эмигрантами и врагами Франции, упорное сопротивление закону - все это имело своим очагом католические храмы; в результате - насильственное вторжение в церкви, их осквернение, а в пылу гражданской борьбы не только разрушение алтарей, но и основ самой религии. Дехристианизация догмата, культ Разума являлись, если не по идеям Клоотса или Шометта, то, во всяком случае, в представлении народа только боевым оружием революции.

Движение это (отнюдь не материалистическое, а глубоко деистическое) принимало в Париже, поскольку в нем участвовал сам народ, легкомысленные формы, было радостным и веселым; но становилось сухим и бездушным в проповедях некоторых интеллигентов.

Провинция отнеслась к этому движению более серьезно. Там мы встречаемся с искренними и серьезными попытками упразднить старую религию и основать новую. Там богинями Разума не были актрисы, как в Париже, а юные девушки, прекрасные и добродетельные, принадлежавшие к самым избранным кругам буржуазии. Этого не отрицают даже наиболее враждебные Революции современники.

Самой характерной чертой этого движения является то обстоятельство, что им вдохновлялась, главным образом, избранная часть французского общества, наиболее состоятельная, наиболее культурная. Народные массы не знали его; а если знали, то относились с пренебрежением. Души народа эти философские обряды не захватывали.

Вот почему Робеспьеру не стоило большого труда пресечь развитие культа Разума. И с точки зрения политической он был, пожалуй, прав, когда называл этот культ аристократическим: как доктрина, культ этот был действительно дорог только буржуазной аристократии.

Но в критическую минуту обороны революции этот культ как оружие борьбы был горячо принят всеми активными патриотами, всеми якобинцами, всеми членами революционных комитетов, муниципальных секций, одним словом, всей воинствующей Францией. Этим объясняется, почему в культе Разума историк не может отметить тех местных особенностей, какими отличались нравы и психология граждан различных провинций Франции во II году Республики.

Приступая к исследованию, я рассчитывал встретить различный характер культа Разума, различное отношение к нему в зависимости от того, кто его исповедывал; бретонец ли, например, или провансалец. Но этого не оказалось и следа: нельзя сказать, что в Ренне культ Разума был проникнут грустью, а в Марселе был светлым и радостным. Отличия, которые мне удалось найти в отправлениях этого культа, происходили не от различия климата или расы. Если в Шартре не отправляют философских церемоний или не отрекаются от христианства так как в Страсбурге, то это только потому, что Шартр расположен далеко от неприятельских армий, а с колокольни Страсбургского собора видны передовые позиции австрийцев. Если в Верхней Вьене культ Разума воцаряется мирным путем, а в Жере сопровождается насилиями, то это потому, что в Лиможе революция чувствует себя победительницей, а в Оше ей грозят происки духовенства.

Таким образом, культ Разума переходит постепенно в культ Отечества. В храмах к статуям философов присоединяются статуи патриотов Марата, Шалье и Ле-Пелетье. Народ воплощает в них не свою религиозную догму, а революционную Францию, угнетаемую реакцией. От бездушных статуй Разума народ отворачивается; он хочет видеть перед собой, хочет чтить только эту троицу, только эти жертвы патриотизма.

Поэтому приходится сделать вывод, не боясь его повторить, что культ Разума не был показателем религиозной совести народа, а его боевым средством для защиты Франции. Вот почему этот культ так быстро народился и так же быстро исчез, не оставив никаких следов в душе народа. Вот почему католицизм не испугался налетевшего на него шквала. Вот почему, когда Робеспьеру вздумалось объявить культ Верховного Существа более действительным средством борьбы с Европой и реакцией, так стремительно рухнули все эти богини Разума, подвергаясь народному гневу и осмеянию.

ГЛАВА XII. Начало реакции против культа Разума

Не следует думать, что манифестации в честь Разума вытеснили повсюду соблюдение, даже публичное, католической религии.

В провинции даже во времена гебертистов многие церкви оставались открытыми, и вероятно среди верных сынов церкви было не мало читателей «Pere Duchesne». Как патриоты они шествовали в свите богини Разума, как католики усердно выстаивали обедню. Во многих сердцах новая вера мирно уживалась со старой. И такое странное сожительство, по существу столь человеческое и специфически французское, прекратилось только тогда, когда над всеми повис Террор.

Почти всю зиму 1793-1794 г. приходские церкви в Париже были закрыты, и тем не менее католическое богослужение отправлялось и собирало толпы усердных молельщиков.

«Часовня ордена Ораторианцев, на улице Анфер, - говорят «Nouvelles ecclesiastiques», - в дни праздников никогда не пустовала, когда в ней совершалось богослужение. Пока служили обедню, на улице стояла такая же толпа, какая молилась в церкви; она дожидалась окончания одной обедни и начала другой. Жители пригородных деревень, возвращаясь с рынка, радостные и растроганные причащались святых тайн, пользуясь случаем, коего были лишены у себя дома. Другие приходили сюда за 2-3 лье из своих селений. После полудня народу бывало столько, что он не помещался уже в часовне».

Такое же стечение верующих можно было наблюдать в молельне монастыря Непорочного Зачатия и в часовне английских монахинь.

Часовни эти были закрыты только в 1794 г. приказом Комитетов Секций.

И эти неоспоримые проявления католических тяготений народа заставляли призадуматься наиболее просвещенных проповедников культа Разума. Не является ли идея дехристианизации преждевременной и опасной? Сомнение и беспокойство стало овладевать даже Шометтом, еще недавно давшим в своем журнале описание праздника в честь Разума в Соборе Парижской Богородицы.

Прюдом устами одного из своих читателей спрашивает:

«Зачем прикасаться к этой нежной струне?» И тот же читатель, мнимый или действительный, подозревает уже, не уловки ли это врагов Франции. Он обращает внимание на то, что у него на родине духовенство нисколько не испугалось этой шумихи: «Я сам видел многих попов, которые посмеивались под своими капюшонами, рассчитывая на добрую поживу»... А, с другой стороны, достаточно ли зрелы плоды с древа истины для всех и все ли с легкостью могут их переварить?»

Конечно, Прудом опровергает все эти возражения, но так слабо, что эта слабость кажется преднамеренной.

«Разум народный чрезвычайно вырос, - говорит он. - Полное безразличие к церкви скорее, чем злоба и гонения, довершит ее гибель. Да, на улице Анфер, на улице С-т Андре и в других местах распевают молитвы. Но народ равнодушно относится к ним, едва ли замечает. В то время, как на различных зрелищах (только не в Опере) поют вечерню, народ добродушно посмеивается и над теми, кто служит вечерню, и над теми, кто посещает ее... Во многих деревнях крестьяне, лишившись своих попов, посаженных в тюрьму за контр-революционные происки, решили собственными силами совершать службы: это и выгоднее да и молитвы их не менее угодны богу».

И отсюда публицист делает вывод, но как бы вскользь и не очень уверенно: «Культ Разума станет всеобщим и заставит замолчать всех, не вмешиваясь в дело церкви».

А несколько дней перед этим много шуму произвело следующее выступление против культа Разума. Депутат Конвента от г.Парижа, один из «цареубийц», назвавший Людовика XVI «зловредным чудовищем», которого надо скорее «стереть с лица родной земли», адвокат Раффрон дю Труйлье выпустил хлесткую брошюру, в которой открыто порицал посягательства на христианскую церковь.

«Почему, - говорит он, - все культы не пользуются одинаковым правом свободы вероисповедания, установленным Декларацией прав человека и гражданина? Почему одно из существующих учений объявляется опальным, фактически запретным? Почему священники, подвергнутые публичному позору, должны отречься от своего духовного звания и, клеветая на него, клеветать на самих себя?.. Да потому, что всюду учреждают культ Разума! Я сам с пламенным рвением исповедую эту веру или, еще вернее, следую ей в своем поведении. Я ученик Разума, такой же, по меньшей мере, как ревнители его культа, и был им еще раньше, чем они. Я полагаю, что надо исполнять то, что Разум повелевает, если хочешь уважать себя, заслужить любовь граждан и личное счастье. Но разум - предмет изучения, а не предмет культа».

Делать из Разума всеобщую религию кажется Раффрону безумием, и он заканчивает свою брошюру призывом помочь его журналу, - не значит ли это вновь восстановить католическую церковь и вернуть духовенству оружие против революции?

Посредством ловкого софизма Робеспьер предлагает изобразить дехристианизаторов атеистами (хотя почти все они были деистами) и официально утвердить веру в бога. Это будет значить: заимствовать из королевских манифестов их фразеологию и воспользоваться ею в интересах революции. Из всех христианских догматов именно догмат существования бога противопоставляли европейские монархи революции. Софизм этот мог пойти на пользу лишь христианству. Но, ловко придуманный, он показался весьма действительным, и так была принята идея обратить против враждебной Европы те самые богословские аргументы, которые она направляла против французской революции.

Однако, недостаточно было склонить на сторону новой политики все правительство. Прежде всего и главным образом надо было убедить Дантона.

Могущество Дантона было уже на ущербе, он устал от людей и сейчас, воспользовавшись отпуском, отдыхал в Арси-сюр-Об.

Но и ограниченный в своей власти Дантон все еще пользовался большим авторитетом в республике. Как же поступит он, вернувшись к делам? Если он присоединится к гебертистам - они будут непобедимы!

Лично Дантон не был поклонником бога «Савойского викария». Повидимому, он склонялся на сторону Дидро, смутно усвоив его натурализм. Но его, как человека дела по преимуществу, не волновали религиозные контроверзы. Политические же аргументы Робеспьера возымели на него свое действие тем легче, что пресечь религиозное движение гебертистов означало в то же время разрушить их кровавые замыслы; когда Дантон в Арси узнал об избииении жирондистов, он горько плакал. Вот почему, как покажут дальнейшие факты, он дал свое согласие Робеспьеру.

Доказательством предварительного сговора между ними служит тот факт, что Робеспьер выступил в поход против гебертистов не раньше, чем возвратился в Париж Дантон.

Дантон возвратился 1 фримера II года (21 ноября 1793 г.), и в тот же вечер Робеспьер, молчавший все это время, обрушил свои громы на атеизм в клубе якобинцев.

Анахарсис Клоотс, самый убежденный и самый образованный из врагов христианства, был председателем в этом знаменитом заседании клуба. Прения возникли совершенно непредвиденно после доклада Гебера, снова требовавшего казней (на этот раз последних Бурбонов), и выступления Моморо, который, разоблачая фанатизм, говорил, что «придется вечно дрожать от страха, пока жив хоть один священник».

После этого поднялся Робеспьер:

«Фанатизм? Он издыхает; могу сказать: он мертв...

Я знаю только одно средство, способное воскресить среди нас фанатизм; это средство-возбуждение веры в могущество фанатизма. Фанатизм-зверь дикий и своенравный; он бежит от света Разума, но если вы погонитесь за ним с громкими воплями, он вернется назад по старым следам...»

Нельзя уничтожить фанатизм новым фанатизмом; нельзя «привешивать шутовские бубенчики к скипетру философии!»

«Конвент никогда не уничтожит католического культа.

Предполагали, - сказал Робеспьер, - что Конвент упразднил католичество, потому что он установил гражданские жертвоприношения. Нет! Конвент не сделал этого безумного шага. Конвент никогда его и не сделает. Его цель - укрепить свободу вероисповедания, им же провозглашенную, и уничтожить все культы, которые посягнут на общественный порядок. Конвент не потерпит, чтобы гонениям подвергались мирные служители церкви, но сурово покарает их, если они используют свое звание, чтобы обманывать граждан и натравливать предрассудки и роялизм против Республики. Осуждают священников за то, что они служат обедни: они будут служить их еще дольше, если им станут мешать. Тот, кто намерен мешать им - более фанатичен, чем тот, кто служит обедни...

Находятся люди, которые идут еще дальше, которые под видом борьбы с суеверием хотят основать какую-то новую религию атеизма. Философ или частный человек может относиться к этой идее, как ему заблагорассудится. Тот, кто осудил бы его за это, был бы безумцем; но общественный деятель, но законодатель был бы во сто крат большим безумцем, если бы примирился с этой новой системой. Национальный Конвент относится к ней с омерзением. Ведь Конвент - не сочинитель книг, не составитель метафизических систем. Конвент - политический народом избранный орган, обязанный понуждать граждан не только уважать законы, но и чтить нравы французского народа. Не напрасно провозгласил Конвент «Декларацию прав человека» перед лицом Верховного Существа...

Быть может, скажут, что я человек ограниченного ума человек, полный предрассудков, чего доброго - фанатик»

Я сказал уже, что выступаю здесь не как частный человек, не как последовательный философ: я выступаю здесь как представитель народа! Атеизм аристократичен! Идея же великого Существа, ограждающего угнетенную невинность и карающего торжествующий порок - глубоко народна (Оживленные рукоплескания). Да, это народ, это несчастные рукоплещут мне; а противников я нашел бы среди богатых, среди виновных. Со школьной скамьи я был плохим католиком; я никогда не был лицемерным защитником человечества. Но тем более я предан идеям нравственным, идеям политическим, которые я изложил вам. Если бы бога не было, его надо было бы выдумать!..»

И после блестящего прославления утешительной идеи провидения Робеспьер заявляет философам прямо в лицо, что они - в меньшинстве.

«Если философия может построить свою нравственность на иных основаниях, остережемся все-таки оскорблять священные инстинкты, вселенское чувство народов»,

И, наконец, вот его политическая аргументация во всей ее силе:

«Разве вы не видите, что нам расставляют западню враги республики и подлые эмиссары иностранных тиранов? Выдавая за общее мнение безумства некоторых субъектов и собственные безобразия, они стараются разжечь в народах ненависть к нам и тем укрепить шатающиеся троны их преступных угнетателей. Какое же время избрали они для своих замыслов? Момент, когда соединенные армии наших врагов разбиты или опрокинуты республиканским гением Франции; момент, когда силятся заглушить ропот возмущения уставших от гнета тирании народов; момент, когда враг подстрекает к выступлению против Франции нейтральные и союзные нам государства. Эти подлые люди хотят претворить в действительность ту грубую клевету, бесстыдство которой создала вся Европа; разжигая предрассудки и религиозные распри, они стремятся оттолкнуть от вас тех, кого нравственное чувство и общий интерес влекли к тому высокому и святому делу, что мы защищаем».

Робеспьер заканчивает свою речь обличением «заграничных агентов»: Дюбуиссона, Проли, Перейра, Дефиса и требует произвести чистку среди членов; предложение его принято с энтузиазмом.

Сейчас, когда нам известны уже последствия этого выступления Робеспьера, мы в праве усмотреть в нем прелюдию к культу Верховного Существа; но современники видели в словах Робеспьера только мудрый политический совет. Они приняли всерьез либеральные протесты оратора, провозгласившего свободу философии. Они были далеки от мысли, что наступит день, когда множество обреченных взойдет на эшафот за грех свободомыслия. Они восторгались прекрасной речью Робеспьера, рукоплескали ей, чуждые каких-либо сомнений, а между тем здесь был сделан первый шаг по пути, который заканчивался созданием новой религии и диктатурой нового первосвященника.

ГЛАВА XIV. Парижская Коммуна отступает. Поведение Дантона. Отречение Шометта

Однако, гебертисты не ударили тотчас же отбой, так как 3-го же фримера, т.е. на следующий день после громовых речей Робеспьера против атеизма, Шометт понуждал Коммуну принять знаменитый декрет о закрытии церквей, уже упомянутый нами.

Но они видят, что Конвент организует диктатуру Комитета Общественного Спасения; они чувствуют, что Комитет единодушно настроен против них; они знают, что Дантон присоединился к Робеспьеру. И вот они начинают, как будто бы отступать. 5 фримера по предложению Шометта Коммуна отменила и исключила статью декрета от 3 фримера, воспрепятствующую предоставлять священникам какую бы то ни было работу, и Шометт утверждает при этом, что этой статьи не было ни в официальном тексте декрета, ни в его предложении; первое верно, но второе сомнительно. И Коммуна заявляет, «что никогда не предполагала лишать средств к существованию бывших священников, занимающихся каким-либо ремеслом или профессией».

В Конvente реакция началась на следующий же день после выступления Робеспьера в клубе якобинцев.

2 фримера II г. Конвент открыл свое заседание, как обыкновенно, чтением множества заявлений о сложении священниками духовного сана, составленных более или менее цинично. Вдруг Мерлэн предложил, чтобы подобные послания не оглашались в Конvente, а передавались в Комиссию, которая должна ограничиться представлением общему собранию Конвента лишь списка таких священников. Его предложение было принято.

Затем Конвент перешел к обсуждению чрезвычайно важного вопроса об оказании денежной помощи священникам, сложившим свой сан.

Форестье представил от имени финансовой и законодательной комиссии Конвента проект декрета, который устанавливал для отрешенных от должностей священнослужителей более низкие пенсии, чем для оставленных при исполнении своих обязанностей.

Мерлэн предложил предоставить первым, по крайней мере, такую же пенсию, как и другим священникам, дабы «не подвергать совесть искушениям со стороны желудка».

Камбон возражал против декрета. Он настаивал на том, чтобы общественному мнению было предоставлено время высказаться по поводу этого проекта, и требовал, чтобы «обсуждение всего декрета в целом было отложено до 1 января и до этого же времени сохранено за служителями католического культа их прежнее содержание».

Тогда поднялся на трибуну Дантон в первый раз после долгого отсутствия.

Воздав должное тому обстоятельству, что разум, наконец, восторжествовал, Дантон поддержал проект закона «основанного на желании сэкономить человеческую кровь». Покажем Европе, покажем Бельгии, что мы не хотим преследовать за фанатизм, что у нас дадут всем священникам возможность существовать. Если у священника нет средств к жизни, как вы думаете, что с ним станет? Он либо умрет, либо уйдет в Вандею, либо объявит себя вашим непримиримым внутренним врагом. Я требую, чтобы берегли людскую кровь; я требую, чтобы вы не отказывались от возможности приручить одного из наших недругов и примирить его с собой. Будьте справедливы ко всем (священникам), кто не является нашим врагом...»

Конвент принимает основные положения законопроекта. Но вместо пенсии сложившие свой сан священники должны получать по декрету «вспомоществование». Этим различием устанавливался новый принцип: дехристианизация не получала официального поощрения.

Подводя итог, надо сказать, что Конвент не отрекался от гражданской организации духовенства. Он сохранял существующее положение вещей. Он выжидал, не решался сказать последнее слово, как можно было бы предположить, судя по его поведению за последние дни.

Во время заседания Конвента 6 февраля II года аббат Делонэ, бывший кюрэ Меннеси, представляет депутатам свою жену, «добрую республиканку», и своих детей, «носящих имена Ле-Пелетье, Марата и Робеспьера». При оживленных рукоплесканиях он приносит в дар свои золотые часы, серебряные серьги своей жены, монету в 6 ливров и небольшие сбережения своих детей. Конвент постановляет опубликовать в Бюллетене этот случай и занести в протокол заседания похвальный отзыв о нем.

Но тут вмешивается Дантон:

«Имеется декрет, - говорит он, - который предлагает священникам, сложившим свой сан, подавать заявления об отречении в Комитет. Я требую выполнения этого декрета, так как не сомневаюсь, что сюда являются люди, лицемерно отрекающиеся от своего сана. Не следует так восторгаться поведением лиц, захваченных лишь общим потоком. Не будем увлекаться никем. Если мы не чтим служителя заблуждений и фанатизма, не будем чтить также и служителя неверия: мы слуги только народа. Я требую, чтобы в недрах Конвента не происходило больше антирелигиозных маскарадов. Если те или другие лица пожелают возложить на алтарь отечества свои церковные ризы, - пусть не устраивают они из этого игры или личного триумфа. Наше дело заключается не в том, чтобы принимать бесконечные депутации, повторяющие постоянно одни и те же слова. Всему должен быть конец, даже прославлениям. Я требую, чтобы двери Конвента были закрыты».

Затем Дантон стал намекать на необходимость милосердия, как-будто прекращение террора было тайным условием его соглашения с Робеспьером.

К концу заседания, если верить Moniteur'у, Дантон сделал шаг в духе идей, любезных Робеспьеру, и точно форму провал то самое предложение, на которое Робеспьер не осмелился даже намекнуть в клубе якобинцев.

Вот при каких обстоятельствах:

В Конвент явилась секция Муция Сцеволы (бывший Люксембург), требуя немедленной организации всеобщего обучения. Она представила депутатам детей, причем один из них начал излагать историю римского патрона секции. Собрание добродушно поаплодировало, после чего Дантон получил слово, в котором и предложил праздник в честь Верховного Существа.

«...Весь народ, - сказал он, - должен прославлять великие подвиги нашей Революции. Надо, чтобы народ собирался в обширном храме, и я требую, чтобы самые выдающиеся художники были призваны для украшения и возвеличения этого здания, где в назначенный день будут происходить национальные торжества. Если у Греции были свои олимпиады, то Франция станет торжественно праздновать свои санкюлотиды. Народ получит праздники, в которые воскурит фимиам перед Верховным Существом, владыкой природы: ибо мы не затем хотели уничтожить суеверие, чтобы установить царство безверия».

И Дантон закончил свою речь так: «Дадим оружие тем, кто может им владеть, дадим образование юношам и национальные торжества народу!»

Камбон поддержал это предложение от имени единой Республики, Но Тюрио настаивал, чтобы проект национального праздника был отложен, так как Комитет народного просвещения уже разрабатывает доклад о празднествах. Конвент ограничился назначением окончательного обсуждения вопроса о народном образовании на вторую декаду фримера.

Во всяком случае, вопрос об организации культа Верховного Существа был поставлен, и поставлен человеком, который меньше всего заслуживал подозрения в мистицизме, Дантоном, который, если верить словам, приписываемым ему Moniteur'ом, желая сохранить общий мир и остановить террор, согласился сыграть роль приверженца Робеспьера.

Перед этим союзом Дантона и Робеспьера Коммуна склонила голову. 8 фримера II года Шометт выступил с своим поразившим всех отречением:

«Я полагаю, - сказал он, - что Совет должен отбросить от себя всякие споры относительно различных культов. Нам мало дела, кто теист или атеист, кто католик или православный; кто кальвинист или протестант; кто верит в коран, в чудеса, в привидения, в сказочных фей или мучеников ада. Это нас не касается. Только бы эти бредни не отличались какими-нибудь буйными проявлениями или изуверством. А там нам все равно. Не будем допытываться, ходит ли кто к обедне, или в синагогу или на исповедь: осведомимся только, республиканец он или нет. Не будем вмешиваться в его причуды: займемся лучше делами управления, постараемся обеспечить ему свободное пользование правами, пусть даже правом верить в бредни. Поэтому я предлагаю, чтобы

1) совет постановил не выслушивать никаких предложений, петиций или докладов, относящихся к какому-либо культу или к какой-либо идее метафизической или религиозной, и чтобы

2) он объявил, что, так как отправление культов свободно, Совет никогда не препятствовал и впредь никогда не будет препятствовать гражданам нанимать помещения и оплачивать священнослужителей для каких угодно культов, лишь бы отправление их не наносило вреда обществу, и что он заставит уважать волю секций, которые отrekliсь от католичества, признав культ разума, свободы и республиканских добродетелей».

Это выступление вызвало живейшие возражения в Генеральном Совете Коммуны; но оба заключительных положения Шометта были приняты Коммуной благодаря вмешательству Паша, которого еще недавно Робеспьер восхвалял в клубе якобинцев.

Хотя предложение Шометта было поражением противников христианства, оно, тем не менее, не содержало в себе ни анафемы против атеистов, ни поощрения деистов: можно даже сказать, что первой статьей декрета проект культа Верховного Существа исключался с известным пренебрежением из сферы политической деятельности.

Робеспьер в тот же вечер возобновил с удвоенной энергией свои обличения против атеистов в клубе якобинцев. И впечатление, произведенное им, было таково, что тотчас же с той же трибуны Гебер поспешил отречься от прошлого, издеваясь над культом Марата: «Надо вам сказать, что это новая западня врагов народа; они хотят обесчестить революцию и выставить ее в смешном виде. Уже говорят, что парижане без веры и совести, что они Маратом заменили Христа. Так опровергнем же эту клевету!»

Надо полагать, что отречения гебертистов от их первоначальных взглядов не были искренни. Они силились снова завоевать политическую позицию, и Шометту хотелось вернуть Коммуне диктатуру над Парижем...

Но не следует думать, что в вопросе о культах Конвент немедленно же и покорно последовал за Робеспьером и Дантоном. Если прекращаются или, скорее, становятся более редкими антирелигиозные маскарады, то, тем не менее, Конвенту приходится принимать депутации: 10 фримера в Конвенте появляется депутация «воспитанников секции Арсиса», которая произносит ряд приветственных речей. «Вместо того, чтобы сообща идти к обедне, мы все пойдем учиться воевать; вместо того, чтобы изучать евангелие, мы будем изучать декларацию прав. Нашим катехизисом будет конституция. Мы не хотим знать никаких исповедален, кроме караульных будок наших солдат; и там, вместо покаяния в своих грехах, мы будем зорко следить за грехами других» и т.д.

В том же заседании престарелый священник по имени Башелье сложил свой сан, заявив, что христианство - «куча басен», что его таинства - «куча несуразностей, глупостей и нелепостей».

Наконец, в тот же день Конвент отправил депутацию в С-т Рок на праздник в честь Разума, где выступал актер Монвель. По возвращении эта депутация сделала восторженный доклад Конвенту.

Если 12 фримера Дантон прервал своими сарказмами гражданина, явившегося в Конвент, чтобы здесь прочесть поэму в честь Марата, то в отместку за это 14 фримера сам Кутон, верующий Кутон, принес на трибуну какие-то реликвии и издевался над ними. Затем читалось с чувством почтения письмо Андре Дюмона от 11 фримера, в котором он приветствовал в выражениях более чем вольтеррианских успехи дехристианизации на Сомме и в Па-де-Калэ и трогательно рассказывал о празднике в честь Разума в Перонне. На заседании 22 фримера и последующих Конвент постановил удостоить почетного отзыва и опубликования в «Бюллетене» письма священников, отрекшихся от религии в гебертистском стиле; огласить в печати с похвалой святотатственное уничтожение священных предметов и даже освящение храмов Разума. 27 фримера он восхваляет письмо Фернэйской Коммуны, которая отправляла в его распоряжение серебряные ризы «бывшей церкви, каковую покойный Вольтер посвятил одному лишь богу», и уведомляла Конвент, что ее кюрэ «добровольно вернул свои священнические грамоты, которые и были ею сожжены».

ГЛАВА XV. Декрет о свободе культов и богослужения 16 фримера II года

Такое поведение Конвента показало, что вольтеррианский дух, которым было проникнуто движение гебертистов, был еще жив в нем и что он относился с чувством безразличной иронии ко всем религиозным идеям. Тогда Робеспьер и правительство решили немедленно же и безвозвратно приобщить его к своей политике и с этою целью побудить его к серьезным мероприятиям в интересах покровительства католицизму.

15 фримера II года Робеспьер предложил от имени Комитета Общественного Спасения принять «Ответ Национального Конвента на манифесты государей, объединившихся против Республики».

Религиозный вопрос был сделан предметом следующей декларации к народам:

«Правители ваши говорят вам, что французская нация подвергла опале все религии, что она поклонение божеству заменила поклонением нескольким людям; они изображают нас идолопоклонниками или безумцами. Они лгут. Французский народ и его представители уважают все вероисповедания и не преследуют ни одного из них.

Они уважают подвиги мучеников человечества, но не обоготворяют их и не идолопоклонствуют; они ненавидят нетерпимость и суеверие, под каким бы видом они ни проявлялись; они осуждают крайности философизма, равно как и безумия суеверия и преступления фанатизма».

Конвент постановил, чтобы этот «Ответ» был переведен на все языки.

На том же заседании Барер от имени Комитета предложил восстановить свободу вероисповеданий, а следовательно, и покровительство католицизму. Робеспьер защищал это предложение резко и красноречиво. Камбон говорил в том же духе, но с философской точки зрения. Конвент колебался, и проект был отослан обратно в Комитет Общественного Спасения для вторичного внесения в Конвент.

На следующий день, 16 фримера, Робеспьер явился лично для оглашения декрета, который и был принят без прений в следующей редакции:

«Национальный Конвент, приняв во внимание обязанности, возложенные на него провозглашенными им от имени французского народа началами, а также охраною общественного спокойствия, постановляет:

«1. Воспрещается всякое насилие, направленное против свободы или мероприятие противное ей.

«2. Надзор конституционных властей и действие государственного принуждения ограничатся в этом отношении в зависимости от их ведения мерами полицейского воздействия и общественной безопасности.

«3. Вышеизложенными постановлениями Конвент не предполагает каким-либо образом ограничить действие репрессивных законов, или предупредительных в интересах общественного спасения мер по отношению к священникам, не принявшим присяги или сеющим смуту, а также ко всем, кто, злоупотребляя религией, посягнет на дело свободы.

Равным образом Конвент не допустит, чтобы кто бы то ни было и каким бы то ни было способом тревожил патриотическое чувство и замедлял подъем общественного духа.

Именем отечества Конвент приглашает всех добрых граждан воздерживаться от всяких богословских споров, а равно препирательств, чуждых великим интересам французского народа, и употребить все усилия для торжества Республики и на погибель ее врагов.

Принятое Национальным Конвентом в заседании 15 фримера обращение в виде ответа на манифесты государей, объединившихся против республики, будет отпечатано распоряжением местных властей, распространено и развешено по всем округам; оно будет оглашено, как и настоящий декрет, в ближайшую декаду на собраниях коммун или секций муниципальными должностными лицами и председателями секций».

Комитет Общественного Спасения отпечатал этот декрет в количестве 50000 экземпляров, повсюду распространил и, предлагая его к исполнению, разослал знаменательные циркуляры всем народным клубам и властям; кроме того, он отправил особые личные письма тем представителям, антихристианское усердие которых казалось ему особенно враждебным новой политике.

Лучшей услуги католицизму в то время нельзя было оказать: правительство его спасало.

Оно позаботилось даже оградить его от столь убийственных нападков театра и запретило направленные против религии пьесы. Так, когда Леонард Бурдон пожелал поставить «Драматическую Санкюлотиду в трех актах», антихристианскую пьесу, Комитет Общественного Спасения издал 2 нивоа II г. следующий приказ, написанный Робеспьером:

«Комитет Общественного Спасения, желая расстроить контр-революционные замыслы, нарушающие общественное спокойствие путем возбуждения религиозных распрей; желая побудить уважать декрет, изданный 16 фримера Национальным Конвентом в целях укрепления мира и свободы вероисповеданий, - запрещает театру Оперы и всем прочим ставить пьесу под заглавием «Могила обманщиков и освещение Храма Истины» и всех иных, имеющих ту же цель, под страхом наказания, предусмотренного предыдущими декретами по отношению к лицам, злонамеренно пользующимся театром для содействия замыслам врагов революции.

Робеспьер, Б.Баррер».

В конце декабря 1793 г. и в начале января 1794 г. дирекция оперы объявляла ежедневно, что в ближайшем будущем предполагается разыграть одноактную оперу «Праздник Разума», слова Сильвена Марешаля; затем объявление исчезло со столбцов газет, и опера так и не была поставлена.

17 октября 1793г. тот же Сильвен Марешаль поставил «Последний суд над королями» [см. в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch1.pdf>]; в этой пьесе жестоко высмеивался папа. 20 января 1794 г. эту пьесу было предложено разыграть в Якобинском клубе по случаю годовщины со дня казни Людовика XVI. Предложение было отвергнуто, пьеса не была принята, и театр Республики в этот вечер поставил «Новое пробуждение Эпименида».

Очевидно, что в обоих случаях Комитет Общественного Спасения вмешался, чтобы предотвратить профанацию католической религии посредством театральных зрелищ; но соответственных приказов найти не удалось.

ГЛАВА XVI. Противодействие политике Робеспьера

Несмотря на эти мероприятия правительства, потребовалось еще много усилий, чтобы немедленно пресечь движение, вызванное культом Разума. Так, например, даже в Якобинском клубе, где сам Робеспьер громил дехристианизаторов, заседание 8 фримера II г. закончилось «принятием нескольких депутатий, которые возвестили об отречении ряда коммун от всех религиозных суеверий». Клоутс, несмотря на выступление Робеспьера против атеистов, продолжал председательствовать в клубе до 9 фримера включительно, после чего он был заменен химиком Фуркруа, самым озлобленным противником христианства.

Коммуна, несмотря на свое официальное отречение от культа Разума, выражает симпатии депутатам дехристианизаторов. Например, 19 фримера является депутация от Шаронской коммуны, в резких выражениях заявляет, что она отреклась от всяких религиозных верований и «признает только рай республиканского режима». 20 фримера Коммуна организует блестящий праздник в честь Разума в соборе Парижской Богоматери. 24-го она выслушивает отчет своих комиссаров, командированных для участия в гражданском торжестве, устроенном 20 фримера коммуной Брута (бывшей Ри). Там аристократы опрокинули статую Брута, которая немедленно же была восстановлена». (Рукоплекания). 28 фримера секция Фонтэн-Гренелль извещает, что она предполагала организовать праздник в честь Разума в церкви своего округа; но так как Комитет Общественного Спасения решил использовать это помещение для склада оружия, то секция постановила употребить собранные на этот праздник деньги да нужды страждущего человечества. Совет Коммуны приветствовал это решение и, в свою очередь, постановил занести его в протокол заседания как акт гражданской доблести. Очевидно, что религиозный вопрос продолжал волновать страсти Парижской Коммуны, и притом в направлении, враждебном политике Робеспьера.

С другой стороны, если культ Разума медленно угасал в Париже, если он забивался в здания и совершал свои службы почти при закрытых дверях, то надо все-же отметить, что он не исчез совершенно: 30 жерминаля II г., через несколько недель после смерти Гебера, устраивается праздник в честь Разума в церкви Ораторианцев в улице С-т Онорэ.

Наконец, Робеспьер мог с тревогой заметить, что даже в правительственных комитетах его политика борьбы с гебертистским движением проводилась вяло. Комитет Общественной Безопасности был настроен скорее враждебно к нему, а большинство Комитета Общественного Спасения, невидимому, лишь с трудом мирилось с свободой, предоставленной католической церкви декретом 16 фримера. Только Барер, как мы видели, заставил Конвент в заседании 18 фримера изменить этот декрет в смысле расширения либеральных принципов, лежащих в его основе. Сам Конвент не выразил официального неодобрения насилиям, совершенным в прошлом над католичеством его комиссарами, оставляя церкви попрежнему запертыми всюду, где об этом были изданы распоряжения его представителями.

Вечером 1 нивоза в Конвенте появились граждане и гражданки с жалобой на насилия, совершаемые против религии. В своем ответе председатель Конвента Вуллан порицал эти насилия, но заявил - далеко не в духе Робеспьера, - что Конвент не желает восстановления католического культа. «Охраняя свободу совести, - сказал он,- Конвент не позволит, чтобы религия, добивающаяся власти и привилегий, снова восстала из обломков соперничающих с ней вероисповеданий; и твердо стоя на своем посту, неизменно веря в бессмертные начала, созидающие и поддерживающие республиканский строй, он не допустит, чтобы гений французского народа, вверившего ему свою судьбу, спустился с своих величественных высот». И Конвент перешел к очередным делам, сославшись на закон 16 фримера.

В действительности, закон этот совсем не применяется. Процесс дехристианизации замедлил свой ход, но не прекратился. В общинах Эн и Монблан комиссары Конвента требуют от священников, принявших присягу, чтобы они подписали формулу присяги, в которой и заявляют, что отрекаются от своего звания и обязанностей, признают ложью, призраком и лицемерием всю деятельность и все обязанности духовенства и клянутся перед лицом представителей народа никогда не извлекать доходов из священнического ремесла, от которого ныне они отреклись. Не прошло и месяца, как 163 священника подписали эту формулу в обоих департаментах.

В Лионской области Жавог с прежней жестокостью, как и до 16 фримера, осуществляет дехристианизацию.

Тогда католики обращаются за помощью к Робеспьеру.

Так, старшины прихода С-т Жюст (Ло и Гаронна) пишут ему 18 вентоза II года, что Монтье упразднил в округе религию:

«Питая доверие к твоему беспристрастию, гражданин представитель, мы заклинаем тебя со слезами на глазах во имя религии: будь к нам милостив, мы просим только справедливости; мы не требуем публичных богослужебных проявлений, как, например, крестных ходов, ибо мы никогда не были фанатиками, а мирными гражданами; но если благодаря тебе мы сможем сохранить публичное богослужение внутри наших церквей и наш колокол для сбора на молитву, мы благословим тебя во веки веков. Твое благодеяние будет запечатлено в наших сердцах, и ты заслужишь вечную благодарность от нас».

ГЛАВА XVII. Убиение Гебера, Дантона и Шометта

Не без основания набожные души обращались с такими словами к Робеспьеру. Он был действительно, насколько это было в то время возможно, покровителем и защитником католиков. Неудовлетворенный борьбой с дехристианизацией, раздраженный глухой и вызывающей оппозицией, поднявшейся против него, он повел наступление против самих дехристианизаторов.

1 фримера по настоянию Робеспьера, как помнит читатель, якобинцы приняли постановление о чистке своего состава. Эта чистка началась 9 фримера (29 ноября 1793 г.). Очередь Гебера пришла 21-го. Бентаболь упрекал его в том, что он стал сторонником атеизма, между тем как он, Бентаболь, будет всегда верить в Верховное Существо». Гебер отвечал: «...Меня обвиняют в атеизме, я решительно отвергаю это обвинение... Что касается тех религиозных взглядов, которые я развивал в своем журнале, я решительно отвергаю взводимые на меня обвинения и заявляю, что я советовал жителям деревень читать евангелие. Эту книгу морали я признаю превосходной, и чтобы стать настоящим якобинцем, должно руководствоваться всеми ее правилами. Христос для меня - истинный основатель народных клубов».

22 фримера на вопрос о национальности Анахарсис Клоотс отвечал. «Я родом из Пруссии, будущего департамента французской республики». Его спрашивают, не имел он сношений с голландскими банкирами Вандениверами, проживавшими в Париже и представленными в качестве сообщников Дюбарри. Он вынужден признать, что они были его банкирами.

Тогда Робеспьер раздражается громовым обвинением против Клоотса: Клоотс - немецкий барон, пользующийся доходом в сто тысяч ливров, иностранный агент, изменник, проповедник универсальной республики. Презирая звание французского гражданина, он хотел быть гражданином только вселенной. Ах, если бы Клоотс был добрым французом, разве стал бы он понуждать нас к завоеванию всего мира?.. Разве захотел бы он тогда, чтобы мы сделали французский департамент из Мономотапы?» Но главный грех бедного Анахарсиса - в области религии. «Третьим кризисом мог бы похвастать господин Клоотс, но только перед безумцами и обманщиками... Я говорю о движении против культа, движении, которое, созрев во времени и в сознании, могло бы дать превосходные результаты; но насилия, совершенные им, навлекли бы на нас большие несчастья, и мы должны признать его замыслом аристократии». Затем Робеспьер упрекает Клоотса в том, что он заставил Гобеля сложить свой епископский сан, и напоминает, что он уже раз предостерег его в Комитете Общественного Спасения. Клоотс был председателем в клубе якобинцев; за границей могут подумать, что его партия господствует здесь. Отсюда вывод: Париж кишит, как муравейник, интриганам, англичанами, австрийцами. Они сидят здесь среди нас, рядом с агентами Фридриха... Клоотс пруссак... Я изложил вам его политическую жизнь... Теперь слово за вами».

Несчастный Клоотс был ошеломлен и не смог ответить ни слова. Клуб якобинцев постановил исключить всех дворян, священников, банкиров и иностранцев и, в частности, Клоотса.

Таким образом Робеспьер добился устранения искреннего врага христианства, единственного человека, имевшего мужество не отказаться от своих убеждений. Гебер вынужден был отречься от своих взглядов и признать Верховное Существо, и с этого момента он стал ничтожным, слабым, созревшим для гильотины. С другой стороны, власть Комитета Общественного Спасения, т.е. власть того же Робеспьера, укрепилась благодаря декрету 14 фримера, который превратил революционное правительство в диктатуру. В то же время Комитет старался обеспечить за собой общественное мнение, применяя испытанное средство старого режима, восстанавливая окольными путями цензуру газет (14 фримера) и втайне оказывая денежную поддержку клубу якобинцев (24 фримера). Вскоре победы революционных армий, в особенности захват Вейссенбурга и снятие блокады Ландау, до такой степени подняли авторитет правительства, что Робеспьер решил отделаться от своих возможных обязательств перед Дантоном, который тщетно требовал прекращения Террора, и при содействии своего же великодушного соперника сразить партию гебертистов не за их безверие, а за совершенные ими насилия. А затем Робеспьер обратился против Дантона и погубил его.

Здесь не приходится рассказывать эти трагические события. Достаточно установить, что эти междуусобные схватки облекались в форму чисто политической борьбы: Робеспьер, сражаясь с Дантоном и Гебером, казалось, забывал о религиозных вопросах. В действительности, Робеспьер выжидал только время, чтобы вернуться к своему плану личного понтификата, для чего ему было необходимо разделаться с своими противниками и справа, и слева как с умеренными, так и с бешеными. Он знал, что Дантон только на словах присоединился к культу Верховного Существа, что его ближайшие друзья, Фабр д'Эглантин, Эро де-Сешелль, питали к христианству такое же отвращение, как Гебер, Клоутс и Коммуна. Чтобы убить свободную мысль, этот человек старого режима не нашел лучшего средства, как убить свободных мыслителей, но он благоразумно представил их общественному мнению как роялистских заговорщиков, которые играли на руку иностранцам: одни тем, что ограничивали размах революции, другие тем, что доводили ее до крайностей.

Едва скатилась голова Дантона, как Робеспьер вернулся к своей излюбленной идее; получив возможность свободно осуществить свою мечту, он через несколько часов после казни своего соперника устами Кутона объявляет о предстоящем провозглашении культа Верховного Существа.

И тотчас же революционный трибунал, словно в театральном превращении, становится трибуналом духовной инквизиции.

Было устроено так, что по видимости Гебер был осужден за политическое прегрешение. Но с Шометтом Робеспьер, доставивший себе наслаждение лично подписать приказ об его аресте, поступил иначе. Несомненно, процесс Шометта представлял чудовищную амальгаму: чтобы погубить обвиняемых в общественном мнении, их присоединили к политическим преступникам, к генералу Диллону, изобличенному в измене; Диллон был допрошен первым и должен был выступить как главарь заговора. Но по существу Шометт и Гобель с соучастниками обвинялись в религиозном преступлении. Обвинительный акт ставил им в вину, что они объединились «в целях искоренения самой идеи божества и в целях основания французского правительства на принципе атеизма». Председатель трибунала инквизиторски допрашивал Гобеля, являясь послушным орудием робеспьеристской реакции; в незабываемых выражениях он вскрыл сущность этой реакции, заявив бывшему епископу, что в области религии ни один человек не в праве вводить новшества, прежде чем не выскажется по этому поводу власть. Что касается Шометта, то его обвиняли устами свидетеля Луи Ру в том, что он в декабре 1792 г. запретил отслужить всенощную! Таким образом за то, что эти несчастные не так мыслили о боге, как Робеспьер, их повлекли на эшафот.

Это убийство положило начало страшной и насильнической реакции, которая последовала за падением Дантона. Начиналась война Робеспьера и его сторонников с свободной мыслью. Совесть будет скована догмой. Процесс Шометта есть прелюдия к культу Верховного Существа.

ГЛАВА XVIII. Предвестники культа Верховного Существа

Мы изложили, как Робеспьер, борясь с культом Разума, клеймил его именем атеизма и отправлял на эшафот не только дехристианизаторов, подобных Геберу, но даже и таких людей, как Дантон, которых он мог упрекнуть только в том, что они только на словах присоединялись к религии Савойского Викария.

Дантон был гильотинирован 16 жерминаля II года. 17 жерминаля Кутон от имени Комитета Общественного Спасения объявляет в Конвенте, что в ближайшие дни предполагается внесение важных докладов и законопроектов и, между прочим, Проект еженедельного (точнее - ежедекадного) праздника в честь предвечного, утешительную веру в которого гебертисты не смогли искоренить в на роде». Конвент рукоплещет этому заявлению.

25 жерминаля в Конвенте появляется депутация с Терезой Левассер во главе. Петиционеры требуют осуществления декрета Законодательного Собрания от 27 август 1791, которым Жан-Жак Руссо удостоен почестей, надлежащих великим людям и Конвент постановляет, чтобы прах автора «Эмиля» был перенесен в Пантеон.

С некоторого времени хвалы христианству стали раздаваться даже в храмах Разума. Так, 20 нивоа II г. при освящении жителями Вожирара храма Разума выступивший на торжестве оратор Мишо Ланнуа, провозглашает себя христианином, требовал религии для народа, в особенности на время национальной защиты отечества: ибо, по его мнению, религия есть средство, дисциплинирующее армии. Он выступил против обвинения французских республиканцев в желании ввести новшества в области религиозных верований.

«Правда, - сказал он, - новшества в деле религии опасны; обновителям трудно бывает доказать и своим поведением и поведением своих учеников, что нравственность и добродетель крепнут по мере того, как падает старая религия. Но в данном случае, граждане, разве вы отказались от старой веры, и ваши священники не покинули ли ее много веков тому назад? Разве вы оставили христианскую веру, повелевающую вам любить бога превыше всего и нашего ближнего, как самого себя? Разве вы оставили христианскую веру, поставившую нам законом не делать другим того, чего мы не хотим, чтобы другие делали нам самим? Нет, граждане, не вы покинули эту веру: от нее отступились ваши священники-идолопоклонники много веков тому назад. Храните, оберегайте вашу религию. Вот что она советует вам. Она говорит: бегите с ужасом в сердце от внешней обрядности, которая заняла место нравственности, бегите от бесстыдных служителей церкви, которые проповедуют и поддерживают измену, предательство и т.п.»

И республиканский оратор заканчивает свою речь христианским обращением: Граждане, восклицает он, все принципы религии, природы и разума и даже Христа начертаны на наших дверях и в нашем сердце: Единство и неделимость французской Республики, свобода, равенство, братство или смерть. Вот наше политическое и нравственное евангелие: и в этих немногих словах - все наши права и обязанности подобно тому, как в нашей доблести, в наших руках и в нашей

оружии - наше спасение и наши победы».

На следующий день после смерти Гебера в храме Разума парижской секции Bonne Nouvelle музыкант Гуи удостоился рукоплесканий за грубую песенку, издевавшуюся над отцом Дюшеном:

Небо! Он был таким патриотом,

Он был так красноречив!

Почему же теперь попался

Этот пресловутый поставщик гильотины?

И некий Тибон импровизировал тут же еще три куплета, таких же плоских и оскорбительных, как те восемь, что распевал Гуи. И таким образом злополучный Гебер позорно высмеивался в одном из его же храмов Разума! Не только трусливо отрелились от его идеи, но издевались над его личностью.

С другой стороны, Коммуна, наполненная сторонниками Робеспьера, с каждым днем все больше и больше чуждалась противохристианского движения. 30 жерминаля национальный уполномоченный Пэйан, заместитель Шометта, провозглашает официально, что культом Разума должен быть культ Верховного Существа: «Воздвигнем всюду, - говорит он, - храмы Разуму. Но разве нашему слабому и шаткому разуму, который верит, как мы верим, который только опытом поучается, который клонится к упадку в дни нашей старости, - разве ему воздвигли мы храмы? Разве можно исповедывать в этот век просвещения такие безумные и нелепые идеи? Нет, народ не хотел воздвигать храмов своему разуму. Он хотел, конечно, воздвигнуть храм тому вечному разуму, что управляет всем миром и является не чем иным, как Верховным Существом: только ему должны мы поклоняться».

1 флореаля в Конvente появляется депутация с жалобами на то, что декрет о свободе вероисповедания беспрестанно нарушается. Если народ «позволил растоптать ногами свою религию», то только чтобы избежать гражданской войны. Просители страстно молят установить почитание Верховного Существа, они требуют «республиканской религии и гимнов, посвященных предвечному». Председатель Конвента Амар отвечает холодно; громя атеизм, восхваляя идею «благодетельного провидения», он зато косвенно нападает на провозглашенный Кутонем общественный культ, введения которого требовала депутация. «Удалим от себя, - сказал он, - фанатизм и ложь жрецов Вааловых. Культ Верховного Существа не заключается в презренных суевериях: чистое сердце, безупречная совесть - вот храм, вот алтарь, достойный его; песнопения в честь добродетели - вот трогательные и возвышенные гимны, которые достигнут престола его славы». Но эти протесты против религии, которую силился основать Робеспьер, отличались робостью, нерешительностью и неопределенностью. Народ не обращал на них внимания или не понимал их. Напротив, сторонники культа Верховного Существа выражали свои желания ясно, они чувствовали за собою поддержку католических масс народа. И когда Робеспьер предложил, наконец, Конвенту знаменитый декрет 18 флореаля, казалось, что он только подчинился общественному мнению.

ГЛАВА XIX. Робеспьер и Жан-Жак Руссо

Пора уяснить образ мыслей Робеспьера в тот момент, когда он учреждал культ Верховного Существа. Мы видели, что в вопросах религии он был учеником Жан-Жака Руссо. Но идея Савойского Викария, несомненно, - идея христианская. Энциклопедии Руссо противопоставляет евангелие таким, каким ему толкует новый завет его кальвинистская совесть; науке он противопоставляет традицию и авторитет; его первобытный и идеальный человек не только рожден от природы добродетельным, но рожден и христианином, цивилизация же сделала его не только порочным, но и философом. Возвратить ему его сущность, вернуть его к природе - значит вернуть его в лоно христианства, чистого и первоначального.

И вот как Савойский Викарий совершает свой обратный путь природе, т.е. обращение к религии евангелия, Прежде всего предполагается, что он - *tabula rasa*, не *tabula rasa* еще в меньшей степени, чем у Декарта. В сущности, Руссо лишает ум человека только тех мнений и предрассудков, которые мешают его собственной теории. Сейчас же на этой *tabula rasa* Руссо обнаруживает три догмата; 1) я верю, что некая воля движет вселенной и одушевляет природу; 2) если движущаяся материя обнаруживает волю, то материя, движущаяся по определенным законам, обнаруживает разум, который и есть бог; 3) человек свободен в своих действиях и как таковой одушевлен нематериальной субстанцией.

На этих началах Руссо строит свою теодицею и мораль. Он наделяет бога искони присвоенными ему атрибутами, употребляя все усилия к устранению всякой метафизики, и применяет даже формулы отцов церкви. Существует провидение (Робеспьер напомнит о нем впоследствии Гюаде); но так как человек свободен, то вина за содеянное им свободно не должна быть приписана провидению. Он сам виноват, если зол или несчастен. Что же касается несправедливостей нашей жизни, то бог ждет завершения наших дел, чтобы покарать или вознаградить нас. Наша нематериальная душа переживает тело, чтобы обеспечить возмездие, и, быть может, будет жить вечно. В грядущей жизни совесть будет самой действительной санкцией. «Тогда-то чистое наслаждение, порожаемое довольством самим собой, и горькое сожаление о порочной жизни, эти неизбывные чувства, определяют судьбу, уготовленную себе каждым». В этом именно месте Руссо дает прекрасную апологию совести: «Совесть, совесть! Божественный инстинкт!» и т.д.

Вот то новое и антихристианское, что содержит религия Руссо. Еще один шаг, и он скажет: бог - это нравственный закон, бог - в совести, и этим возвышенным принципом разобьет застывшие формы старой религии, но внезапно он, как говорит Кине, делает скачок в мрак средневековья. Наследственная традиция и воспитание берут верх над его туманным отрицанием положительных религий и лишают Руссо его мимолетной отваги, и, как правоверный христианин, он восклицает: «Если Сократ жил и умер, как мудрец, то Иисус Христос жил и умер, как бог». Надо ли отречься от христианства? Нет: «надо молча чтить то, чего нельзя ни опровергнуть, ни понять, и покорно склониться перед великим существом, которое одно только знает истину» Я родился кальвинистом; должен ли я остаться кальвинистом? - спрашивает молодой человек Викария. «Вернитесь к религии ваших отцов; исповедуйте ее с чистым сердцем и не отступайте от нее». А если я был католиком? - Ну, тогда оставайтесь католиком. Я, говорящий с вами, чувствую себя лучшим католическим священником с тех пор, как стал деистом: я продолжаю служить обедни, и служу их даже с большим удовольствием и усердием». Последнее слово деизма Руссо тождественно с последним словом атеизма Монтэня. Автор «Эмиля», как и автор «Апологии Реймонда Себонда», признает свободу мысли только в теории и проповедует интеллектуальное рабство на практике, и общий вывод, к которому они оба приходят: надо жить и умереть в религии отцов своих.

Но у Руссо есть еще кое-что помимо его спекулятивного богословия. У него можно найти проект национального культа, который расходится с советом каждому оставаться в лоне своей религии. Уже в вероучении Савойского Викария Руссо, объявив облачение священника делом второстепенным, признает, что обрядовая сторона культа должна быть единообразной в интересах доброго порядка и что она должна находиться в ведении полиции. В «Общественном договоре», заявив совершенно определенно, что не может быть «привилегированной национальной религии», он требует «гражданского» символа веры, который по существу является той же государственной религией.

«Есть символ веры, статьи которого, - говорит он, - устанавливаются государем не в качестве определенных религиозных догматов, а в качестве правил общежития, без соблюдения которых нельзя быть ни добрым гражданином, ни верным подданным.

Таковыми необходимыми догматами, по Руссо, являются: существование всемогущего божества, разумного, благодетельного, предвидящего и заботливого; грядущая жизнь, блаженство праведных, возмездие нечестивым, святость общественного договора и законов. Вы свободны не верить в них; но если вы не верите, вы будете подвергнуты изгнанию не как нечестивец, а как существо не общежительное».

Впрочем, терпимость он признает, - терпимость есть один из наших отрицательных догматов.

Такова гражданская религия Руссо.

Среди такого обилия противоречивых идей большинство деятелей Революции избирало для руководства в своей жизни те, которые возможно меньше отклонялись от современной им философии. Жирондисты принимали его расплывчатый деизм, но с улыбкой отгоняли от себя идею постоянного вмешательства провидения в людские дела. Все или почти все черпали свое радостное отношение к жизни, свою силу из морали, построенной только на совести, морали, с таким вдохновением возрожденной Жан-Жаком.

Мне кажется, что добровольцы II года республики, герои 10 августа и даже многие эмигранты, в ту пору, когда эмиграция не ударила еще в ханжество, умирали, только повинувшись своей совести, не надеясь на награду свыше и не боясь небесных кар, и что влияние Руссо не было чуждо этому бескорыстному героизму. Больше того: наиболее благородное в жизни Робеспьера пробуждалось его совестью, встревоженной чтением «Эмиля», точно также, как все лучшее в его красноречии брало свое начало из того же чистого нравственного чувства, столь человеческого, столь независимого от метафизики; оно-то и внушило ему идею культа Верховного Существа. Он красноречив, он превосходит самого себя, когда вспоминает, что не выдержал бы презрения к себе в Учредительном Собрании, если бы его не поддержала совесть, или когда в трагический час своей жизни он благородно восклицает: «Возьмите у меня совесть, и я буду несчастнейшим из всех людей!»

Именно за то, что Руссо провозгласил культ совести, он стал кумиром революции, а не за свои противоречивые попытки установить античные формы христианства и создать гражданскую религию. Робеспьер оторвался от своих современников и увлек за собой только небольшую группу искренних людей вроде Кутона в тот день, когда захотел последовать за своим учителем во всех его противоречиях, когда захотел осуществить идею Верховного Существа и в то же время сохранить добрые отношения с различными направлениями христианства. Легко понять, что Руссо должен был впасть в целый ряд ошибок из-за своей слишком слепой последовательности, неизбежной, впрочем, при его воспитании и темпераменте.

Родившись католиком, Робеспьер оставался им в такой же степени, как Жан-Жак кальвинистом. Послушайте, что он говорит: «Со школьной скамьи я был довольно плохим католиком». Так сказал он 1 февраля в клубе якобинцев в своей речи против гебертистов. Он поостерегся сказать: Я - не католик! Но не надо представлять себе при этом, что он был набожен, как Вуллан, который, по словам Фиевэ, тайком ходил к обедне все время террора. Истина заключается в том, что еще в юности его коснулся дух века, и он с философской серьезностью ушел от католического учения. Аббат Пруаяр, помощник директора лицея Людовика Великого, рассказал, как Робеспьер, юношей 15-16 лет, относился к религиозным вопросам: это мало известная еще страничка из его жизни, и поэтому мы ее приведем здесь.

Дав беглую характеристику этого мрачного и необщительного человека, «неизменного обожателя своих собственных мыслей», и сообщив, что «его богом была наука», аббат пишет в 1795 г. следующее:

«Из всех предметов, что обыкновенно преподаются в воспитательных заведениях, не было ничего, что давалось бы Робеспьеру труднее и раздражало бы его больше, чем все, относящееся непосредственно к религии. Тетки Робеспьера, женщины очень набожные, не сумели внушить ему в детстве любовь к религии; он не приобрел ее и в более зрелом возрасте. Напротив, молитва, религиозные обряды, богослужения, исповедь-все это было ему ненавистно; манера, с которой он отделялся от своих обязанностей слишком явно выдавала его отвращение. Обязанный принимать участие во всех подобных упражнениях, он относился к ним пассивно, как автомат. Когда ему приходилось следить по молитвеннику, он держал его перед собой, не перевертывая страниц. Его товарищи молились, он не шевелил губами; его товарищи пели, он оставался нем; и даже, когда совершались святые таинства у подножия алтаря, где покоилась святая жертва, несмотря на то, что надзор наставников сдерживал его поведение, было легко заметить, как далеки его мысли и чувства от бога, которому он должен был поклоняться».

Пруаяр говорит также, что Робеспьер причащался часто, но из лицемерия; однако, тут же он прибавляет, что все воспитанники лицея Людовика Великого должны были причащаться. Он рассказывает также, что в последние годы своего учения молодой человек эмансипировался и к причастию больше не ходил. Выйдя из лицея в 1778 году, он встретился с автором «Эмиля», и эта встреча оставила неизгладимый след в его душе. Одновременно с этим он поддерживал самые искренние отношения со своим бывшим учителем аббатом Одрэном, которому суждено было стать его товарищем по Конвенту, с аббатом Пруаяром, в то время удалившимся в монастырь С-т Дени. Итак, если в юности он не был набожен, тем не менее к католицизму его привязывали друзья, и в то же время он увлекался Руссо так пылко, что после свидания с этим великим человеком его увлечение перешло в чувство религиозного преклонения перед ним.

Но я не могу сказать, чтобы до 1792 г. его религиозные взгляды отличались чем-нибудь от взглядов большинства членов Учредительного Собрания и чтобы он старался вложить определенное содержание в теологию Савойского Викария. Во всяком случае, можно допустить, что под влиянием тех горьких обид и моральных страданий, которые должны были омрачить его мистическую по существу душу в 1789 и 1790 г.г., Робеспьер стал искать религиозного утешения в набожном изучении текстов Руссо. Возможно, что в то время туманный деизм и идея совести не удовлетворили его опечаленного сердца, и что, размышляя над «Эмилем» Руссо, он под влиянием раннего детства почувствовал себя христианином. Результаты этих упорных упражнений сказались в полной силе 26 марта 1792 г., когда в клубе якобинцев он выступил с ответом Гюаде, выведенному из терпения благочестивыми утверждениями Робеспьера о существовании провидения. Но изумление современников показало, насколько религиозность Робеспьера не соответствовала обычным взглядам якобинцев и революционеров. Его выступление было встречено улыбкой усмешкой, и эта усмешка была заглушена страшной серьезностью оратора-мистика.

Скоро почувствовали, что всей философии энциклопедистов, всему светскому и вольному духу революции грозит его мрачная доктрина. В сентябре 1792 г. пришлось вести целую кампанию, чтобы заставить Коммуну переименовать улицу Святой Анны в улицу Гельвеция. Общественное мнение, открыто иронизируя над Робеспьером, высказалось против него, и само правительство стало на сторону энциклопедистов. Официальный орган правительства «Moniteur» напечатал 8 октября письмо Грувеля к Мануэлю, которое заключало в себе апологию Гельвеция, а Грувель был секретарем Временного Исполнительного Совета. И вдруг с удивлением увидели, что Робеспьеру удалось склонить на сторону своих антифилософских идей большинство якобинцев, и 5 декабря статуя Гельвеция, украшавшая Клуб, была разбита и растоптана ногами вместе со статуей Мирабо. «Гельвеций, - восклицал Робеспьер, - был интриганом, жалким остроумцем, существом безнравственным, одним из жестоких гонителей этого прекрасного Жан-Жака, достойного с нашей стороны наибольших почестей. Если бы Гельвеций жил в наши дни, поверьте, он не отдался бы делу свободы: он увеличил бы число интригующих остроумцев, которые приводят сейчас нашу родину в отчаяние». На следующий день, сообщает орган клуба, один из его членов, «огорченный тем, что клуб разбил бюст Гельвеция, не выслушав защиты из уст его друзей, потребовал, чтобы новая статуя была посвящена памяти автора книги о «Разуме». Ропот прервал услужливого защитника Гельвеция, и клуб перешел к очередным делам...»

Вот до какого состояния Робеспьер довел своих верных слушателей, причем не пощадил для этого даже мыслей своего учителя: ибо Руссо писал в 1758 г. Делейру, что если книга Гельвеция и опасна, то все же автор ее честный человек и что дела его важнее его писаний. Но не надо думать, что и общественное мнение настроилось так же враждебно против философов, как якобинцы. Прежде всего протестовали жирондисты; в журнале Прюдома появилась резкая критика, направленная против нашего иконоборца, под заглавием: «Тень Гельвеция у якобинцев». Уже месяц спустя «Парижская Хроника» поместила сатирический портрет Робеспьера, на котором враг «философизма» был изображен жрецом среди верующих - это была злая и едкая карикатура, автором которой, по словам Вилата, являлся протестантский пастор Рабо Сант-Этьен. Можно сказать, что вначале этот религиозный замысел Робеспьера вызвал взрыв со стороны самых ярких деятелей и самых просвещенных представителей общественного мнения, особенно в Париже.

Скажем, кстати, что предположение, будто-бы этот государственный человек был исключительно поглощен тем, что старался разгадать общественное мнение, чтобы плыть по его течению или льстить ему, совершенно неверно. По крайней мере, в вопросах религиозных он с 1792 г. принял определенное решение, противопоставил свою сильную волю народному увлечению и с замечательной твердостью выдерживал натиск почти всего Парижа, который в своем философическом неверии упивался озорством Гебера.

В этой борьбе наиболее стойкой опорой послужили ему прежде всего женщины, а затем, как показывают нам документы, несколько либеральных буржуа из провинции, главным образом из маленьких городков, которые оказались морально подготовленными для религии Руссо. Но для Робеспьера все это были сторонники единичные или компрометирующие его. Когда оглядываешь враждебную или индифферентную к его учению массу парижских революционеров - жирондистов, гебертистов или дантонистов, кажется, что он - один против всех; но силой своего красноречия он если и не обращает в свою веру души, то меняет отношение к своей религии и создает вокруг себя нечто вроде церкви.

Мы видим, что Робеспьер был далек от мысли сразу же, в самом начале своей религиозной проповеди раскрыть весь свой план: он искусно и медленно подготовлял умы; прежде всего он старался уронить в глазах якобинцев своих противников как людей, неспособных понять серьезную сторону жизни. С неподражаемым искусством он сумел внушить народным массам подозрение даже насчет веселости Жиронды и дантонистов. Его речи весьма часто - перепев слов Жан-Жака Руссо: Злой боится и бежит; охваченный отчаянием, он хочет веселиться; он бросает вокруг себя тревожные взгляды и ищет предмета для забавы; без горькой сатиры, без оскорбительных издевательств он был бы всегда печален; пренебрежительная насмешка - его единственная радость».

Злыми в глазах Руссо были Вольтер и Дидро с их языческой радостью; в глазах Робеспьера злым был Луве с его светской усмешкой, Фабр д'Эглантин с театральным лорнетом, иронически наведенным на будущего Верховного Жреца. Он знает своих врагов, врагов религии, он видит их даже сквозь учение Савойского Викария. Чем ближе он к осуществлению своих тайных замыслов, тем ближе он к букве учения Руссо, тем чаще заимствует он у него темы для своих проповедей. Сколько раз он парафразировал с трибуны действительно прекрасную тираду «Эмиля» о глухоте материалистов! Сколько раз он повторял обращения Руссо к Катону, Бруту и Иисусу Христу, приспособляя их к своей аудитории! Руссо сказал в одном из своих примечаний к «Эмилю», что фанатизм менее страшен государству, чем атеизм, и что нет худшего греха, чем безверие. Робеспьер использовал именно эти идеи и положения Руссо, когда выступал против гебертистов, заявив в клубе якобинцев, что следует меньше опасаться фанатизма, чем философизма, и вот откуда его знаменитые слова: «Атеизм - аристократичен!»

Он верен своему учителю и в его противоречиях; упорно стремясь к созданию нового культа, он принимает под свое покровительство католицизм и не может вынести вида еретика. С гневом и какой-то брезгливостью он называет Рабо: «этот протестантский священник... это чудовище...», и в тот же день Рабо восходит на эшафот;

Робеспьер объявляет подкупленными эмиграцией всех врагов католичества. 22 февраля в страшной речи против Клоутса в Якобинском клубе главное обвинение, как мы видели, заключалось в том, что «оратор рода человеческого» убедил епископа Гобеля сложить свой сан. Он покровительствует и духовенству: гневно возражает он против всякой попытки лишить духовенство вознаграждения и отделить церковь от государства. 26 февраля он заставляет отвергнуть предложение об исключении из клуба якобинцев всех священников, равно как всех дворян. В самом деле, спросим еще раз, мог ли политический деятель оказать большие услуги интересам религии в разгаре Террора?

Что же касается гражданской религии, то предложение признать законом ее основной догмат - существование бога - было сделано в Конвенте еще 17 апреля 1793 г., в разгар борьбы Жиронды с Горой. Но Робеспьер не осмеливался еще выступить, и какой-то безвестный депутат Кайенны Андрэ Помм позондировал почву. Его поражение заставило «Неподкупного» отложить свой план до того времени, когда противники его будут устранены или подавлены.

После того, как жирондисты совместно с нечестивым Кондорсе были устроены с политической сцены, Робеспьер и его сторонники смогли свободно начертать имя Верховного Существа в вступлении к конституции 24 июня 1793 г.

Но Робеспьеру было мало этого возврата к старой формуле Учредительного Собрания. Для установления новой религии ему был необходим мистический декрет, провозглашающий бытие Верховного Существа, и такого декрета он добился посредством своего обширного доклада, 18 флореаля II года республики.

ГЛАВА XX. Доклад Робеспьера и декрет 18 флореаля II г. о Верховном Существо

Знаменитый доклад Робеспьера был озаглавлен так:

**Доклад, сделанный от имен и Комитета Общественного Спасения Робеспьером,
о связи религиозных и нравственных идей
с республиканскими принципами и о национальных празднествах.**

Можно, пожалуй, утверждать, что вся жизнь Робеспьера прошла в подготовке этого произведения, которое подвело итог всей его политике, явилось торжеством его дарования и высшим выражением его духа.

Уже год тому назад, со времен выступления Андрэ Помма, было, вероятно, готово в своих главнейших частях и в наиболее блестящих тирадах это обширное создание ораторского искусства. Изменялся только план в зависимости от того, усиливались или исчезали противники государственного деизма. В емкие и податливые рамки своего труда Робеспьер не переставал вливать новые доводы, которые внушали ему перипетии его глухой борьбы с иррелигиозностью. Ею речь все росла и росла: она стала громадной, когда наступил день, и он смог, наконец, произнести ее с трибуны. И чтение ее было бесконечно; но внимание аудитории поддерживали и личность оратора, которого эшафот сделал всемогущим, и любопытство узнать, какой, наконец, религией завершится век Вольтера, и, надо признать это, действительная красота некоторых оборотов, в которых моралист вложил всю душу.

Оратор начинает с заявления, что победы, одержанные республикой, дают возможность осчастливить Францию провозглашением некоторых глубоких истин, которые выведут людей из состояния гнета и несправедливости. Эти истины заключаются в том, что «до сих пор искусство управлять было искусством обманывать и развращать людей; сейчас оно должно просвещать людей, делать их лучше». И, установив эту банальную и безобидную истину, Робеспьер извилистым путем приближается к своей истинной цели. Прежде всего, он предаёт анафеме монархию, эту школу порока. Потом бросает замечание, что все только что побежденные заговорщики были также порочны. Так, Лафайет, Бриссо, Дантон («опаснейший из врагов отечества, если бы он не был также трусливейшим») развращали народ из личных интересов и насаждали благочестие, способное погубить души. «Они присвоили себе нечто вроде политического жречества!» - восклицает оратор, приписывая другим свои собственные затаенные помыслы. «Они возвели безнравственность не только в систему, но и в религию. Чего хотели они, когда среди заговоров, нас окружавших, когда в хаосе ужасной войны, среди еще дымящихся факелов гражданской распри вдруг насильнически напали на алтари и возвели себя в сан неистовых апостолов не сущего и фанатических проповедников атеизма?»

Атеизм! При этом слове, которым Робеспьер, обозначает существо всей философии энциклопедистов, его воображение вспыхивает возмущением, и он раздражается перед слушателями одной из своих, достойных Жан-Жак Руссо, тирад, красноречие которой может поспорить с церковной проповедью:

«Вы, сокрушающиеся о гибели добродетельного друга, вам радостно думать, что лучшая часть его избежала тлена! Вы, проливающие слезы над гробом сына или супруги, утешит ли вас тот, кто скажет, что ничего не останется от них, кроме жалкого праха? Несчастные, умирающие от руки убийцы, ваш последний вздох - мольба о небесном возмездии! Невинность на эшафоте Заставляет дрожать тирана на его победной колеснице. Имена ли бы она это обаяние, если бы могила равняла угнетателя с угнетенным? Жалкий софист! Кто дал тебе право вырывать из рук невинности скипетр истины и вверять его преступлению, кто дал тебе право опечалить добродетель, унижать человечество?»

Не как философ, - говорит Робеспьер, - нападает он на атеизм, а как политический деятель. «В грозах политики все, что полезно и хорошо на деле - есть истина. Идея Верховного Существа и бессмертия души есть неусыпный призыв к справедливости: следовательно, эта идея социальная и республиканская». Деизм был религией Сократа и Леонида, «и далеко до Сократа Шометту и далеко до Леонида отцу Дюшену». После этого Робеспьер раздражается похвальным и пышным словом по адресу Катона и Брута, героизм которых питался, говорит он, учением Зенона, а не материализмом Эпикура. Никто не решился прервать оратора и заметить ему, что ивсм!о счоки не верили ни в личного бога, ни в бессмертие души, и что Марк Аврелий не стал бы приносить жертв Верховному Существому Руссо. Но Робеспьеру давно уже не возражали: его слушали в молчании, с любопытством, с изумлением или же с лицемерным вниманием.

Хотя аргументы, которые можно было бы назвать дипломатическими, не занимают уже первого места в диалектике ораторского искусства Робеспьера, так как нет надобности побеждать или приводить к молчанию Дантона, тем не менее оратор не забывает мимоходом представить последние попытки дехристианизации делом эмигрантов Питта.

Он продолжает свою проповедь указанием на то, что все заговорщики были атеистами. «Мы сами слышали - кто поверит такому бесстыдству, - мы слышали в одном из народных клубов, как предатель Гюаде поносил гражданина за то, что он произнес имя провидения! Несколько времени спустя мы слышали, как Гебер осуждал другого за то, что тот писал против атеизма. Разве не в вашем присутствии, вот с этой самой трибуны Верньо и Жансонне пламенно заклинали вас исключить из заголовка Конституции имя Верховного Существа, вами там начертанное!

А Дантон, который с каким-то состраданием улыбался при словах: добродетель, слава, грядущее. Дантон, который ставил себе задачей унизить то, что может возвысить душу; Дантон, который оставался холоден и нем, когда величайшие опасности грозили свободе, - не говорил ли он с большим жаром в защиту этих взглядов! Откуда же такое странное единомыслие между ними?.. Они знали, что уничтожить свободу можно, покровительствуя всему, что оправдывает эгоизм, делает черствым сердце»...

И, наконец, возглашается анафема «секте» энциклопедистов: «Она состояла из нескольких достойных уважения людей и множества тщеславных шарлатанов. Многие из ее главарей стали значительными лицами в государстве. Если бы кто-нибудь пренебрег их влиянием в политике, то не получил бы полного представления о преддверии нашей Революции. Эта секта в области политической всегда старалась ограничить права народа; а в области морали она зашла значительно дальше уничтожения религиозных предрассудков. Их корифеи раздражались иногда декламациями против деспотизма, но они получали субсидии от деспотов: они-то сочиняли книги против королевского двора, то посвящения монархам, то речи в честь фаворитов, то мадригалы в честь куртизанок; они были надменны в своих писаниях и пресмыкались в прихожих. Эта секта с большим рвением проповедывала материализм, который стал господствовать в народе и среди вольнодумцев: ей, главным образом, мы обязаны тем видом практической философии, которая, возведя эгоизм в систему, рассматривает общество как добычу хитрецов, успех как мерило правого и неправого, честность как дело вкуса и личного удовлетворения, а весь мир как родовую собственность ловких мошенников».

Восхвалив Руссо стилем, каким Лукреций славословил Эпикура, Робеспьер обратился к священникам, и тоном то гневным, то успокоительным стал противопоставлять их развратному культу чистый культ истинных деистов, которым он с большим подъемом и красноречием отдал дань уважения. Этот культ должен быть национальным и будет таким, если все воспитание будет проникнуто общей религиозной идеей и, в особенности, если народными и официальными празднествами будут прославлять божество. Затем следует похвальное слово в честь Бара и Виала, чествование которых уже в порядке дня. Оратор рассчитывает, что женщины встанут на защиту его дела и поддержат его: «О, женщины Франции, любите нежно свободу; пользуйтесь вашей властью и расширяйте владения республиканской добродетели! О, женщины Франции, вы достойны любви и почета вселенной!»

Но сможет ли философ сохранить свою свободу, как Дидро? Ответ слышится туманный и страшный: горе тому, кто силится задушить пламя высших восторгов!... Новая национальная религия предоставит людям только свободу творить добро. И Робеспьер заканчивает свою речь словами, которые ярко характеризуют все его религиозные и моральные взгляды: «Распоряжайтесь победой, но погружайте порок в небытие. Враги Республики-люди развратные».

Вот текст проекта декрета, который Робеспьер представил Конвенту после своего доклада:

I. Французский народ признает бытие Верховного Существа и бессмертие души.

II. Он признает, что культом, достойным Верховного Существа, является исполнение людьми их обязанностей.

III. На первое место среди них он ставит долг ненавидеть вероломство и тиранию, карать тиранов и изменников, помогать несчастным, щадить слабых, защищать угнетенных, делать ближним добро, какое можешь, и не быть несправедливым к кому бы то ни было.

IV. Будут устроены празднества, чтобы напоминать человеку о божестве и о собственном его достоинстве.

V. Эти празднества будут устроены в честь славных событий нашей Революции, и им будут присвоены имена добродетелей, наиболее дорогих и полезных человеку, и величайших благодеяний природы.

VI. Французская Республика будет праздновать ежегодно 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 г., 21 января 1793 г., 31 мая 1793 г.

VII. В последние дни декад она будет устраивать праздники в честь: Верховного Существа и природы. Человеческого рода. Французского народа. Добродетелей человечества. Мучеников Свободы и Равенства. Республики. Всемирной Свободы. Любви к Отечеству. Ненависти к тиранам и изменникам. Истины. Справедливости. Целомудрия. Славы и бессмертия. Дружбы. Плодородия. Отваги. Верности. Героизма. Бескорыстия. Стоицизма. Любви. Супружеской Любви.

Отцовской Любви. Материнской Ласки. Сыновней почительности. Детства. Юности. Возмужалости. Старости. Страдания. Земледелия. Промышленности. Предков. Грядущих поколений. Счастья.

VIII. Комитетам Общественного Спасения и Народного Просвещения поручается представить план организации этих праздников,

IX. Национальный Конвент призывает всех талантливых граждан, достойных послужить делу человечества, принять почетное участие в конкурсе по устройству их, содействуя своими гимнами, гражданскими песнями и иными способами их украшению и поучительности.

X. Комитет Общественного Спасения выберет труды, наиболее соответствующие указанным целям, и вознаградит их авторов,

XI. Свобода культов будет соблюдаться согласно декрету от 18 фримера.

XII. Всякие аристократические собрания, противные общественному порядку, воспрещаются.

XIII. В случае беспорядков, причиной или поводом коих будет какой-либо культ, лица, которые вызовут их фанатическими проповедями или контр-революционными внушениями, равно как и те лица, которые вызовут их несправедливыми и неосновательными насилиями, будут одинаково наказаны по всей строгости законов.

XIV. Будет представлен особый доклад о частностях в исполнении настоящего декрета.

XV. 20 прериала будет устроен праздник в честь Верховного Существа.

Давиду поручено представить соответствующий план Национальному Конвенту».

Таким образом, этот декрет провозглашает в точности то небольшое число догматов, на основе которых Жан-Жак Руссо построил свое очищенное христианство, свое гражданское вероучение. Мы видели, что к празднику Верховного Существа Робеспьер присоединил в беглом и случайном перечислении еще 35 других. Но в действительности из всех праздников был организован только праздник Верховного Существа: остальные остались в проекте.

Если верить Moniteur'у, речь Робеспьера часто прерывалась рукоплесканиями, которые надо отнести, несомненно, за счет талантов и всемогущества диктатора, но отнюдь не его новой религии. Считалось в порядке вещей лстить платоническими, как можно было думать, манифестациями мистическим склонностям человека, который пугал своими недавними кровавыми победами над политическими врагами. Члены Конвента могли считать, как скажет впоследствии Камбон, что декрет, которого от них требовали, был «бесцелен и беспредметен». Прений он, в сущности, не вызвал. Когда Робеспьер спустился с трибуны и Давид огласил составленный им план церемониала, раздались голоса, требовавшие напечатания доклада. Но подобная честь была слишком ничтожна для нового первосвященника и новой религии. Кутон тоном жреца объявил, что «провидение было оскорблено» и что напечатание доклада недостаточное за это возмездие:

«Надо, - сказал он, - не только отпечатать доклад в обычном формате и разослать в армии, всем конституционным установлениям, всем народным клубам, но его надо отпечатать в виде плакатов и расклеить на улицах. Надо, чтобы читали его на стенах и на караульных будках; пусть все знают истинную религию французского народа! (Рукоплескания). Так как нравственность народного представительства была оклеветана в глазах чужеземных народов, я требую, чтобы доклад Робеспьера и проект декрета, представленного вам, был переведен на все языки и распространен по всей вселенной». (Рукоплескания)

Барер, точно желая отклонить внимание от Верховного Существа и охладить восторги, потребовал, чтобы праздник в честь Бара и Виала состоялся 30 прериала.

Это предложение было принято, но в то же время было принято и то, чего требовал Кутон: Конвент без всяких прений одобрил весь декрет о Верховном Существом в целом.

ГЛАВА XXI. Коммуна. Якобинцы и декрет 18 флореаля. Поведение Карно

В тот же вечер в Якобинском клубе Робеспьер вторично пережил свое торжество, и для вящей его славы гебертист протянул ему пальмовую ветвь.

Читатель помнит, в каких материалистических выражениях Лекинио говорил 20 брюмера II г. о счастье граждан Рошфора: «Нет, граждане, нет грядущей жизни... От нас останутся только рассеянные молекулы некогда нас составлявшие, да память о нашей прошлой жизни»... И вот, этот самый Лекинио разразился в якобинском клубе дифирамбом в честь Робеспьера и Верховного Существа. «Республика, - сказал он, - имела дни блестящих побед, но этот день - самый прекрасный я возвышенный. Сегодня навсегда рассеялась клевета, направленная против народных представителей; сегодня сокрушено всякое вероломство. Один из прекраснейших докладов, когда-либо читанных с трибуны Конвента, был представлен в сегодняшнем заседании Робеспьером. Каждая фраза его встречалась рукоплесканиями. Нам хотелось рукоплескать ему всякий раз, когда он запечатлевал в наших душах чувства возвышенные и достойные свободы. Он велик и своими политическими и своими моральными идеями, он велик во всем - в большом и малом» Лекинио потребовал, чтобы клуб выслушал и доклад и декрет, что и было тотчас же сделано. Выступление Робеспьера вызвало общий восторг.

Этот двойной успех Робеспьера, и в Конвенте и в Якобинском клубе, увлек слишком далеко его товарищей по Комитету Общественного Спасения. 23 флореаля он принял следующее невероятное постановление, в котором доклад Робеспьера представлялся как бы текстом священного писания.

«Комитет Общественного Спасения постановляет, чтобы на фронтонах зданий, ранее посвященных культу, надпись Храм Разума была заменена следующими словами статьи первой декрета Национального Конвента от 18 флореаля: Французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души.

Комитет постановляет также, чтобы доклад и декрет 18 флореаля прочитывались публично в тех же зданиях в десятые дни декад (трижды) в течение месяца.

На национальных уполномоченных при Коммунах Республики возлагается выполнение настоящего постановления, которое будет немедленно препровождено им национальными уполномоченными дистриктов. Последние обязаны безотлагательно представить об этом отчет Комитету».

Немедленно же агенты нового культа завладели церквями, на дверях которых они начертали золотыми буквами слова своего учителя. Они организовали даже депутации, которые возбудили ходатайство об оплате этого культа государством.

24 флореаля, по предложению сторонника Робеспьера Жоля (Jault), Парижская Коммуна одобрила декрет. Она уполномочила Жоля и Пэйана заготовить поздравительный адрес Конвенту и испросить разрешение на замену наименований Храмов Разума (постановление Комитета Общественного Спасения не было еще известно Коммуне).

Этот адрес был прочитан Пэйаном в Конвенте 25 флореаля. Его надо привести целиком: он мало известен, между тем в нем очень тонко и с большим тактом охарактеризована религиозная политика Робеспьера, вследствие чего этот адрес представляет самый поучительный комментарий к декрету 18 флореаля.

«Законодатели! - сказал Пэйан, - все законы, которые вы даете французскому народу, чтобы возродить гражданский дух и укрепить свободу, продиктованы вам политической мудростью. Добродетель, нравы, благочестие служат основой ваших глубоких рассуждений о благе отечества. Вы, люди гения, представляя героический народ Франции, отражаете посягательства изумленной Европы. В своих возвышенных размышлениях о благе народа вы решили, что ему служат в одинаковой степени и благодетельный законы и общественная мораль, и что наступило, наконец, время провозгласить вновь спасительные идеи, извращенные фанатизмом: естественную идею Верховного Существа и утешительную идею бессмертия души. Усилия врагов Революции обращаются постоянно на пользу самой Революции. Ее первые враги пытались уничтожить свободу посредством анархии; из их чрезмерностей родилась Республика. Последние заговорщики употребляли все средства, чтобы искоренить свободу посредством атеизма. И что же? - простые принципы, которые от природы составляют потребность всякого сердца, возродились на развалинах, которыми они нас окружили. Они хотели разрушить мораль, чтобы свергнуть Республику, покоящуюся на этой вековечной основе. Они хотели довести до крайности все наши добродетели, чтобы сделать нас смешными.

Патриотизм, это чувство чистое и бескорыстное, они постарались облечь в шутовской наряд. Таким же способом жрецы извратили религию причудливыми церемониями и суеверными обрядами. Они же заменили республиканскую гордость наглостью, строгость - несправедливостью, философию - нетерпимостью.

Комедии, которые разыгрывали лицемерные жрецы, сходили со сцены за отсутствием глупцов, склонных их оплачивать, и зрителей, готовых их посещать.

Они хотели вновь пробудить фанатизм с вероломным замыслом; они вызвали насильническое движение против культов; но они ошиблись в своих надеждах: искры фанатизма были потушены здравым смыслом народа, вашей мудростью и их безумием.

Идея добродетелей стесняла их, и они решили создать республику без добродетелей. Идея бога была страшным для них укором, и они приступили к созданию религии без бога. Они обеспечили за собой право священников. Они воздвигли храмы Разуму. Им хотелось сделать его соучастником своих неистовств и посягательств на божество. Но какому разуму воздвигали они эти храмы? Был ли это тот разум, что управляет миром и освящает все ваши труды? Нет, конечно, ибо божеством их было безбожие. Может быть, человеческому разуму, который верует вместе с нами, который поучается только длительным опытом? Нет, они не могли исповедывать такую безумную идею, и народ не потерпел бы, чтобы издевались над его разумом, сооружая в честь его алтари. Так значит своему собственному разуму? Но разве французы согласились бы обоготворить разум Гебера или Шометта?

И таким образом слово разум в их устах приобретало то значение, какое было выгодно их интересам. Разумом они называли то восстание против свободы, то жену заговорщика, несомую с триумфом среди народных толп. Однажды это была актриса, которая только что играла роль Венеры или Юноны; в другой раз разум представлял шестидесятилетний священник, фанатик, состарившийся под сенью алтарей суеверия, пожираемый жаждой золота и власти, ставивший себе в заслугу, что двадцать лет подряд он учил заблуждениям и нелепостям, никогда не придавая им веры. Какое признание! Какая честность! Какая чуткость!

Наконец, над Францией должна была воцариться мифология, более нелепая, чем античная, жрецы более развратные, чем только что свергнутые нами, богини более низкие, чем описанные в древних сказаниях. Конвент настиг этих заговорщиков... Их больше нет.

И тем не менее, было необходимо уничтожить безвозвратно их безумное учение; было необходимо заменить все их суеверие идеями, достойными приверженцев свободы. И требованием вашим стали мораль и справедливость. Было необходимо поддержать мораль, которую пытаются извратить.

Одновременно граждане и законодатели, вы обсудили эти вопросы с обеих точек зрения. Как граждане, вы были проникнуты идеей бытия бога, ибо совесть ваша, чистая и справедливая, не позволяет вам сомневаться в благодетельности божества. Вы проникнуты убеждением, что душа бессмертна, ибо идея небытия мучительна для добродетельных сердец, ибо гражданам отрадно думать, что, даже перестав жить, они смогут заботиться о своем отечестве.

Как законодатели, вы сознали свой долг покровительствовать всем идеям, что возвышают души, что делаю! человека добрым в счастии и великим в несчастье. Вы почувствовали, что утешительная идея существования бога и бессмертия души послужит поощрением добродетели, преградой - преступлению, что мудрым и честным будет поведение человека, убежденного в неустанных благодеяниях бога, который читает в сердцах, видит вес деяния и который мудростью своей распознает порочного человека.

Да, Верховное Существо, которое приводит в движение всю природу, взирает с благоволением на человека, совершающего добро. Эта мысль увлекает, конечно, гражданина на путь добродетели; она вознаграждает его за добро и заставляет любить его; она делает его чутким и услужливым к несчастным; она смягчает переход его к могиле и даже из недр ее воскрешает в нем упоительную надежду.

Если идея существования бога драгоценна для человека добродетельного, то она становится роковой для человека порочного, и потому она полезна для общества. Человек испорченный, утраченный этим учением, полагает, что за ним постоянно следит свидетель могучий и неумолимый, от которого нельзя уйти, который видит его, сторожит его, когда люди предаются сну, и которого он слышит в каждом шорохе, достигающем его слуха.

И если этот образ заставил злого хоть раз представить себе потрясающую картину тех преступлений, которыми он замыслил осквернить себя, если этот образ хоть раз удержал его руку, готовую свершить злодеяние, как преступны были бы те правители, которые дерзнули бы освободить человека от этой узды, наложенной природою на порочность.

По неизменным велениям божества, судьба человека доброго и злого, конечно, не одинакова за гробом; благодаря вашим законам, мудрым и справедливым, не одинака. Такова будет их участь и здесь, на земле.

Вы создали не религию; вы напомнили людям простые и вечные заповеди, преданные забвению суевием атеизма, точно также как, заложив основы равенства, вы провозгласили незабвенные права человека, напомнив тем о недавнем гнете тирании. Напрасно зложелательство силится убедить нас, что ваш бессмертный декрет вызовет из окровавленных могил отвратительное чудовище фанатизма. Законодатель, предложивший этот закон, отождествил в своем докладе священников с королями... Эта справедливая идея отобьет у многих граждан охоту стать священнослужителями. Кто не предпочитает принципов простых, вечных, как природа, мистическому, необъяснимому культу? Бога справедливого и благодетельного - бог жрецов? Какая надобность нам в священниках? В праве ли мы лишить своих ближних счастья служить отечеству, обожать родителей? Надо ли избирать вместо себя особых людей для оказания почестей Верховному Существо, которые нам самим приятно воздавать ему? Нет, сами мы будем чтить его своими добродетелями. Мы не будем пытаться определить его сущность, ибо мы наделим его только нашими грехами и слабостями. Мы составим себе о нем понятие столь возвышенное, что не осмелимся унижить его, создавая по образу и подобию нашему. И разве надо видеть его глазами? Разве все деяния, от него исходящие, все дары, им расточаемые, не заставят сердце наше познать его и глаза узреть?

Генеральный Совет Парижской Коммуны, проникнутый чувством уважения и благодарности к законодателям, провозгласившим вечные принципы, стремясь уничтожить все символы суевия и распространить религиозные идеи, являющиеся основой общественной морали, постановил, чтобы со всех храмов, предназначенных для гражданских праздников, были удалены слова: «Храм, посвященный Разуму», и заменены надписью: «Верховному Существо», и чтобы настоящее постановление было представлено Национальному Конвенту депутацией в составе всех ее членов».

Конвент не выказал особых восторгов по поводу похвального слова Пэйана его мистическому декрету, хотя он был составлен искусно и тактично. Карно, который в тот день председательствовал в Конвенте, очень холодно приветствовал оратора, и опубликование адреса было декретировано без особого энтузиазма.

Пэйан мог сколько угодно заверять, что дело шло не о создании новой религии, но четыре дня спустя новая религия была признана устами самого мэра Парижа, который в прокламации, обращенной к жителям по поводу продовольствия, говорил им, что бог вознаградит Францию за декрет 18 флореаля добрым урожаем. «Обильный урожай уже ждет вас, говорил Леско-Флерио. Верховное Существо, покровитель свободы народов, повелело природе приготовить для вас обильные жатвы. Оно наблюдает за вами, будьте достойны его благодеяний».

Было необходимо вовлечь в это движение якобинцев и добиться от них не только чисто формального одобрения культа. Член правительства юный Жюльен - один из двух комиссаров Исполнительной Комиссии по народному образованию, явился в клуб и утверждал здесь, что религиозное чувство составляет душу патриотизма, и что солдаты, посланные против Вандейцев, идут на смерть, чтобы «броситься в объятия божества». Затем он предложил приветствовать Конвент особым адресом.

Якобинцы по существу были робеспьеристами, но не мистиками; они были в нерешительности, им не хотелось превратиться в религиозную секту, и поэтому в клубе возникли горячие прения. Робеспьер и Кутон должны были вмешаться сами и вызвать призрак «чужеземного заговора». Робеспьеру пришлось даже отказаться от того места в адресе, где Жюльен требовал, в согласии с Руссо, изгнания из Республики всех неверующих в божество. «Этот принцип, - сказал Робеспьер, - не может быть принят. Это значило бы запугать толпу глупых или порочных людей. Я не считаю, что их надо преследовать всех, надо преследовать лишь тех, кто злоумышляет против свободы. Я думаю, что эту истину надо оставить в писаниях Руссо и на практике ее не применять».

В конце концов адрес был принят и оглашен в Конвенте 27 флореаля.

Вот полный текст этого адреса, который мы приводим нарочно, чтобы показать, до какой изуверской нетерпимости, поистине якобинской в дурном и легендарном смысле этого слова, удалось довести Общество друзей свободы и равенства.

«Граждане представители, глубокая безнравственность множества людей, выступавших на политической арене, привлекла к себе ваши взоры, и вы отомстили за общественную мораль. Честолюбцы, интриганы, грязные существа, вскормленные преступлением, исчезли; честность, справедливость и все добродетели стали насущным требованием.

Но вам оставалось показать еще величавый пример, вам было мало уничтожить несколько заговорщиков, вы хотели уничтожить плодоносные семена всяких заговоров, какие существовали или могли существовать: и вы это сделали. Мрачные глашатаи атеизма тайне продолжали свое дело, тревога закрадывалась в души, и нечистые уста твердили кощунство Брута. Им хотелось уничтожить добродетель. Для них добродетель была призраком, Высшее существо - напрасной и лживой мечтой, грядущая жизнь - обманчивой химерой, смерть - пропастью бездонной. Они стремились омрачить первичные понятия, которые природа вложила в сердце человека, старались заглушить все добрые и благородные порывы; свободу и отечество они превратили в туманный призрак, оптический обман. Но Конвент торжественно провозгласил, что народ французский признает бытие Верховного Существа и бессмертие души.

Да, весь французский народ, как один человек, поднялся, чтобы дать свою санкцию вашему декрету; солнце освещает этот единоклассный подъем всего народа, воздающего почести богу. Пусть рабские народы остаются добычей деспотизма и заблуждений! Французский народ вырвался из оков фанатизма и неволи, он верным ходом прошел чрез все подводные рифы; он освободится и от лживого суеверия, и от софистических заблуждений атеизма: он восстановил божество, истину, добродетель.

Граждане представители, оставайтесь всегда такими, какими вы обнаружили себя перед всей вселенной: представителями великой и великодушной нации, представителями народа, который желал, чтобы нравственность была сущностью патриотизма, который провозгласил, что всякая порочность есть контр-революция.

Подголоски аристократии осмеливались распространять в департаментах слух, что якобинцы погибли, потому что некоторые лица, слишком долго осквернявшие нашу среду, сложили голову на эшафоте; но они не были добродетельны и, следовательно, никогда не были якобинцами.

Истинные якобинцы это те, чьи личные добродетели являются верной гарантией гражданских доблестей. Истинные якобинцы это те, кто открыто исповедует заповеди не как религиозный догмат, а как закон общительности, без которого, как говорит Жан-Жак, нельзя быть добрым гражданином.

Существование божества, грядущая жизнь, святость общественного договора и законов», - вот те неизменные основы общественной морали, на которых должна покоиться наша республика единая, неделимая и несокрушимая. Объединяйтесь же все вокруг этих священных начал. Никогда нельзя принудить к вере в них; но тот, кто осмелится сказать, что он не верит, тот посягает на французский народ, на человеческий род и на природу.

Пусть заговорщики ищут утешения в полной бренности своего существа. Добродетель нуждается в бессмертии и верит в него. Вы, славные мученики за дело народа, вы никогда не умрете; бессмертие вас снова призовет. И вы, тираны, не надейтесь на полное исчезновение: бессмертие вас потребует, чтобы покарать за долгие годы преступлений.

Вот, граждане представители, вероучение якобинцев Парижа и, позволим себе сказать, всех якобинцев Франции.

И они явились сюда, как являлись всегда в дни важных событий, чтобы возблагодарить вас за благородный декрет, который вы издали; они присоединятся к вам в великий торжественный день, когда праздник в честь Верховного Существа объединит добродетельных граждан со всех концов Франции и они дружным хором воспоют хвалу божеству и добродетели, и этот голос послужит сигналом гибели всех пороков и тираний». (Возобновляющиеся взрывы рукоплесканий)

На это председатель Карно ответил:

«Достоинство общества, наполнившего своей славой мир, пользующегося большим влиянием на общественное мнение, во все времена бывшего на стороне отважных защитников прав человека, - достоинство его посетить храм законов, чтобы оказать почести Верховному Существому.

Немного философии, сказал один знаменитый человек, ведет к атеизму; много философии приводит к признанию божества; ибо малое знакомство с философией порождает в человеке гордыню, не признающую ничего над собой, а глубокое знание философии раскрывает перед человеком его слабости, а вне его - чудеса, которым он не может не изумляться.

Отрицать Верховное Существо значит отрицать природу; ибо что такое законы природы без высшей мудрости? Разве она не высшая истина, которая вмещает все истины; не вечный порядок мироздания, не вечная справедливость, не верховная добродетель, которая включает в себе все добродетели, не великое чувство, которое содержит в себе все чистые чувства?

Как! Неужели не существует дружбы? Как! Неужели химера - душевный покой, отрадное равенство, материнская нежность, сыновья почтительность? Тогда не было бы на земле ни справедливости, ни человечности, ни любви к отечеству, ни утешения для страждущего, ни надежды на лучшее будущее! Ведь все это и есть Верховное Существо: оно-кладезь всех идей, что составляют счастье человека, всех чувств, чувств, что покрывают цветами пути жизни. Обращаться с призывом к Верховному Существому значит призывать на помощь силы природы, вызывать перед собой образы, смягчающие боль, надежды, утешающие страждущее человечество.

Граждане, разделяя эти принципы вместе с национальным Конвентом, вы отразите всякую клевету, которую изливают на нас злоба аристократов с первого дня революции». (Снова раздаются рукоплескания).

Как видит читатель, Карно восхвалял декрет как ответ на «клевету аристократов», как средство национальной обороны. Он говорил скорее, как ученик Дидро и, повидимому, отождествлял бога с природой. Он был слишком философ и слишком политик, чтобы стать сторонником государственной религии и жречества Робеспьера.

Католики вскоре поняли, что философские речи Карно были по существу менее благоприятны им, чем мистический адрес якобинцев.

Если католики не ошибались на счет истинного смысла речей Карно, то сторонники Робеспьера не заблуждались в этом отношении, Кутон немедленно же поднялся на трибуну, чтобы сгладить впечатление, которое произвел холодный ответ Карно, и произнес целую проповедь против философов.

«Где они, - восклицал клевет Робеспьера, - эти так называемые философы, которые так бесстыдно лгали самим себе, отрицая существование божества? Пусть придут сюда и дадут ответ, они ли и им подобные создали все чудеса, которым мы дивимся, не будучи в силах понять их, они ли установили бег времен и небесных светил, они ли сотворили чудо рождения и смены поколений, они ли одухотворили мир, покрыли величественным сводом вселенную, создали благодетельное солнце, ежедневно восходящее, чтобы осветить и оживить все сущее на земле? (Взрыв рукоплесканий). Нет, они не явятся сюда, их не надо убеждать. Они, как и мы, читали в великой книге природы и невольно пали ниц перед высшим разумом, величественный образ которого запечатлен всюду». (Рукоплескания)

И по предложению Кутона Конвент декретировал, что якобинцы и граждане, пребывавшие на их трибунах, всегда заслуживали признательности отечества.

ГЛАВА XXII. Приготовление к празднику Верховного Существа и настроение общества

Читатель помнит, что основатели культа Разума в три дня захотели организовать праздник в честь своей религии и что эта спешная импровизация не произвела никакого впечатления на народ.

Робеспьер был осторожнее. Он определил между декретом, устанавливающим бытие Верховного Существа, и церемонией его провозглашения тридцати-двух-дневный срок. Та медленность, с которой Робеспьер проводил в Жизнь свою идею, хотя и провозглашенную им заранее желанной и исповедуемой всеми, не только придавала его начинанию вид приличествующей ему религиозной важности; она должна была казаться актом уважения к общественному мнению, почтение к которому было позой Робеспьера. Но в действительности основатель новой национальной религии установил слишком ничтожный срок, чтобы еще до освещения новою культа к нему подготовить умы и получить на него согласие всей Франции.

Но подготовку общественного мнения совершенно неожиданно облегчили два события, которые сыграли как бы роль чуда, освящающего зарождающуюся религию: казалось, что Верховное Существо вознаграждало двух членов Комитета Общественного Спасения, направив против них убийц и отвратив их удары.

В ночь с 3 на 4 прериаля некто Адмираль выстрелил из пистолета в Колло д'Эрбуа, который спасся от неизбежной смерти только потому, что во-время наклонился. Было чрезвычайно досадно, что такой почести удостоился наименее благочестивый член правительства, равнодушный, скептически настроенный комедиант. Но к счастью нашего первосвященника, несколькими часами позже, 4 прериаля вечером, в дом Дюплэ явилась молодая девушка по имени Сесиль Рено и пожелала видеть Робеспьера; она так сильно жалела, что не смогла его застать, что это показалось подозрительным. Ее арестовали, обыскали и нашли у нее в кармане два маленьких ножичка, какими обыкновенно играют дети. Она признала себя роялисткой, говорила о Робеспьере, как о тиране, но отрицала, что хотела убить его.

Но что значили эти два маленьких игрушечных ножичка в сравнении с пистолетом Адмирала? Что значила весьма сомнительная опасность, которой подвергался Робеспьер в сравнении с действительным покушением на убийство Колло д'Эрбуа, жертвой которого он только случайно не стал? Но здесь не место рассказывать ни о личных огорчениях ревнивого жреца, завидующего комедианту, ни о том жутком процессе, известном под именем дела «Красных Рубах», который последовал за этими событиями. Достаточно напомнить, что дело Сесили Рено и Адмирала не мало содействовало успеху культа Верховного Существа.

Робеспьер, действительно, стал получать со всех сторон поздравительные письма по поводу избавления от опасности, которую бог отвратил от него, и в этих письмах он с радостью находил не только дань уважения республиканцев по адресу такого же республиканца. Он чувствовал опору для своей первосвященнической роли в письмах, подобных, напр., полученному им 11 прериаля из Везуля, где выражалась благодарность Верховному Существому за то, что оно продлило дни того, «чьи замыслы начертаны в книгах судебных» и в адресах Народных Клубов, подобных преподнесенному ему восторженным якобинцем из Маноска; там к нему обращались, как к богу: «Творец, оплодотворяющий мир, ты возрождаешь род человеческий!»

Среди получаемой им корреспонденции находились и анонимные письма, угрожавшие ему смертью. Его гордость не знала теперь границ и доходила до настоящего безумия.

В заседании Конвента 7 прериаля, приняв вид мученика, он возблагодарил с трибуны «вечного Творца всего сущего» и не упустил случая облечь свою радость в форму благочестивую: «Возрадуемся, - сказал он, - и возблагодарим небо - мы хорошо послужили нашему отечеству, если оказались достойными кинжалов тирании».

Сам он не решился высказать вслух те чувства, которые переполняли его сердце, он не осмелился сказать, что эти кинжалы знаменовали чудо в воздаяние за декрет 18 флореаля. Тем не менее, мысль эта была все-таки выражена и выражена ясно и определенно накануне, 5 прериаля, на заседании Конвента докладчиком Комиссии депеш Атанасом Во, который не убоился сказать с трибуны следующее:

«Существо, которое внушило человеку сознание права на свободу, чувство свободы и уверенность в ее достижении, если и допустило гибель первых мучеников за дело Республики, то лишь для того, чтобы предать вечному позору наших врагов, но оно зорко бдит за благом народа и за жизнью его представителей. «В согласии с неизменным порядком мироздания и в созвучии с общим хором, из века в век славящим божество, избавление от смерти, благодаря счастливой, почти невероятной случайности, двух представителей народа не есть ли важное знамение благоволения и справедливости предвечной мудрости, идею которой они только что возродили?..»

Атанас Во указал путь, и все депутации, с тех пор появлявшиеся в Конvente для принесения публичных поздравлений Робеспьеру и Колло по поводу избавления от опасности, выражались в том же религиозном стиле. 6 прериаля Трибунал 1-го округа г.Парижа выразился следующим образом: «Мы благодарим Верховное Существо за то, что оно сохранило вам жизнь; мы молим его оберегать вас и радуемся, что душа наша бессмертна, ибо тогда она будет вечно помнить о добре, которое вы совершили и совершаете ежечасно, и сумеет хранить вечную благодарность к наиболее стойким защитникам свободы и равенства». 7 прериаля секция Французской Гвардии призывала на голову Робеспьера и Колло д'Эрбуа благословение бога. «Да хранит, - говорила она,- Верховное Существо, торжественно признанное французским народом, вашу жизнь, как неизменно хранило оно нашу святую Революцию на благо французской республики и человечества». Общество друзей Свободы и Равенства обвиняло атеизм в том, что «он навлек призрак смерти на представителей народа, верных своим принципам», и заканчивало свою приветственную речь таким благочестивым размышлением: «Они живы и если, несмотря на столь грозные и жуткие опасности, добродетельный гражданин все-таки видит своих усердных защитников спасенными, он не может примириться с господством в мире слепого случая: чувство благодарности возвышает его душу, оно растет и указывает ему на провидение; и тогда он становится спокоен за будущее».

Наконец, секция Музея секция Революции выражали те же мысли и усердно благодарили бога.

Эти поздравления смешивались с заявлениями о присоединении к культу. Еще вчера неведомая, где-то таившаяся Комиссия депеш получает теперь поручение провозглашать устами Данжу и Во с трибуны Конвента результаты этого своеобразного и внезапного плебисцита относительно культа Верховного Существа. 7 прериаля Данжу объявляет, что ежедневно поступают «восторженные заявления о присоединении к декрету 18 флореаля, который именем французского народа признает Верховное Существо и бессмертие души. Декларация Конвента рассматривается как залог дружбы, как гарантия искренности, предлагаемой всем свободным народам». Это значило, что декрет 18 флореаля, как мы уже говорили, рассматривался большинством как средство национальной обороны, и что его признавали только как таковое. Но, как бы там ни было, его признавали. 14 прериаля Данжу говорит: «Ваш декрет вызывает всеобщий восторг народа. Он забрасывает вас проявлениями своей благодарности за то, что вы отомстили его врагам, невежественным партизанам атеизма, за те обвинения, которые они на него навлекали».

Многие присоединялись к культу искренно, в особенности католическая масса. «Праздник в честь Верховного Существа, говорит аббат Грегуар, наполнил сердца каким-то утешением; улыбалась надежда на близкое восстановление религии. Сторонники гебертистского движения молчали, если не присоединялись публично к культу; мы видели уже, что атеист Сильвэн Марешаль признал Верховное Существо.

Повидимому, среди заявлений, поступавших из провинции, было мало несогласных с культом Верховного Существа. Правда, распространился слух, что в Невере, городе, откуда впервые пошло движение в пользу Культа Разума, декрет 18 флореаля был растоптан ногами, и по этому поводу Робеспьер жаловался в Якобинском Клубе, 23 прериаля.

Но 14 прериала Данжу уже докладывал, «что власти Невера присоединились к культуре», а на заседании Якобинского Клуба, 23 прериала, сам Фуше, который в качестве убежденного материалиста уничтожал христианство в Ньеврском округе, как-будто отрекся от недавних убеждений.

Во всяком случае, если провинция и присоединилась к новому вероисповеданию, то не всюду в одинаковых формах. В общем, провинция видна в культе Верховного Существа, как мы уже говорили, хорошее средств лишить монархов главного их аргумента против Революции. Но наряду с этим проявлялась тенденция приветствовать проект праздника 20 прериала, как новую религию. Подносились адреса в чисто богословском стиле, которые были, конечно, приятны Робеспьеру. Товарищи его по Комитету в глубине души относились чрезвычайно холодно к его проектам основать настоящую религию, их тревожили многочисленные мистические манифестации, которые могли создать новый понтификат в лице Робеспьера.

Отзвук этих тревог я склонен видеть даже в докладе Атанаса Во от 16 прериала. Выразив порицание некоторым авторам адресов (повидимому, это относилось к гебертистам, из страха присоединившихся к культуре) за их честолюбивые сердца, холодный слог и бездушные, он стал резко осуждать и тот дух нетерпимости, который то тут, то там проявлял атеизм:

«Не для того, - сказал он, - чтобы заменить нетерпимость сект нетерпимостью атеизма, не для того, чтобы дать фанатизму новую пищу, гонителям новый повод для насилий, шарлатанам новый случай для поднятия шума, лицемерам лучшее средство для одушевления народа, вы с таким достоинством говорили о божестве. Вы отказались определить, что есть бог, вы отказались сравнивать, описывать, доказывать его; вы не хотели заключить естественные чувства в тексты глоссаторов и составителей катехизисов, вы не хотели учение, дающее утешение, превратить в инквизиторский закон, сеющий смуту.

Вы установили неизменную, необходимую, вечную основу морали, гражданственности, добродетели и счастья, вы высказали чувства народа великодушного и мудрого, отвага которого растет благодаря идее бессмертного существа, всемогущего и справедливого, ощущающего свое рождение для жизни вечной.

Все, чего не одобряет свет строгого разума, что не соответствует чувствам, внушаемым нам чистой совестью, чуждо божеству и относится к надменному атеизму сект. Все эти секты хотели уничтожить бога естественного и сохранить бога по образу поэтов, живописцев, краснобаев, жрецов или тиранов».

Не знаю, почувствовал ли Робеспьер и этих философических рассуждениях докладчика Комиссии депеш скрытую сатиру на его же собственные мысли и досаду, которую испытывали его сотоварищи, видя, что его проект имеет слишком большой успех. Но он должен был с радостью принять совет того же оратора не высмеивать католичества. «Затушив факел фанатизма, - сказал Атанас Во, - вы не хотели же набросить на ложь и преступления жрецов грязный покров насмешки и тем, быть может, предохранить их от гнева, который они заслужили от всех народов и всех веков.

Низкой насмешкой, плоским издевательством, шутовскими фарсами, недостойными великого народа... агенты Британии разжигали фанатизм Вандеи, делая вид, что они хотели разбить погремушки суеверия».

В конце концов различные манифестации, происходившие между 18 флореалем и 20 прериалем, показали, что общественное мнение одобрило проект празднества и честь Верховного Существа: поэтому приближения этого великого дня Робеспьер ждал с радостью и почти спокойной уверенностью.

ГЛАВА XXIII. Праздник Верховного Существа (20 прериала II года)

Все было готово к празднику Верховного Существа. 16 прериала Конвент избрал Робеспьера своим председателем: это значило заранее предоставить ему первую роль в празднестве. 17-го общего собрания Конвента постановило, что его члены явятся на церемонию с знаками достоинства уполномоченных народа: в трехцветных шарфах и в шляпах, украшенных тремя трехцветными перьями, остальной наряд - по желанию.

Что касается плана Давида, то в нем все проявления восторга были заранее предписаны и предустановлены в мельчайших подробностях и в тщательно разработанной постепенности. Читатель может судить по такой выдержке:

«Едва заря возвестит день, как со всех сторон раздадутся звуки воинственной музыки и прогонят мирный сон сладким пробуждением.

При виде благодетельного светила, которое оживляет и расцвечивает природу, друзья, братья, супруги, дети, старцы и матери бросаются в объятия друг другу и спешат наперерыв украсить и освятить праздник божества.

Сейчас же заколышутся трехцветные ленты с наружной стороны домов; подъезды украсятся зелеными гирляндами; целомудренная супруга вплетет цветы в развевающиеся волосы нежно любимой дочери, а младенцы прильнут к грудям матерей, составляя их лучшее украшение; сын мускулистой рукой возьмется за оружие, ' только из рук отца приняв свой меч; старец, улыбаясь от радости, с глазами влажными от счастья, почувствует, как молодеет его душа, как вселяется вновь отвага, когда протягивает шпагу защитникам свободы.

Между тем раздается грохот орудий: в один миг пустеют дома; они остаются под охраной законов и республиканских добродетелей; народ наполняет улицы и площади города; радость и братство воспаляют его душу. Различные группы, украшенные весенними цветами, представляют живой цветник, ароматы которого наполняют души чувствительностью.

Бьют барабаны: вся картина меняется. Юноши, вооруженные ружьями, спешат построиться вокруг своих знамен. Матери покидают своих сыновей и супругов, в руках у них букеты роз; дочери, которые неразлучны с матерями, пока не примут их объятия супруга, сопровождают их, неся корзины, наполненные цветами. Отцы ведут сыновей, вооруженных шпагами: и те, и другие держат в руках дубовые ветви.

Все готово к шествию: каждый горит желанием отправиться туда, где должна начаться церемония, которая искупит вину новых жрецов порока и тирании».

Но не надо судить о плане Давида по смешной напыщенности его стиля: это был прекрасный план, достойный во всех отношениях как предстоящего торжества, так и артиста, его создавшего. Он был осуществлен от начала до конца.

Праздник 20 прериаля состоялся в солнечный день. Накануне вечером все дома, богатые и бедные, украсились ветвями деревьев, цветами и трехцветными флагами; все дома были украшены совершенно одинаково, и это однообразие декорации впервые проявилось в данном случае. На Марсовом поле, ставшем полем Единения, воздвигли высокую гору со скалами, гротами и терновым кустарником. В саду Тюльери над фонтаном высилась колоссальная статуя Атеизма с надписью: «Единственная надежда иностранцев».

В восемь часов утра, залп орудий, расставленных на Новом Мосту, возвещает начало торжества. Тогда «граждане и гражданки начинают двигаться из своих секций двумя колоннами, справа мужчины и мальчики, слева женщины, девушки и дети. Юноши образуют колонну карре по двенадцать в ряд и занимают центр. У матерей в руках букеты роз, символ изящества, девушки несут корзины цветов, символ юности. Мужички и отроки держат в руках дубовые ветки, символ силы и свободы».

Все секции в сборе. Взоры обращены на Тюльери и на балкон павильона Единства, откуда должен выйти Конвент и занять места на подготовленном для него помосте. [полный текст см. в очерке А.Матвеевой-Леман, ученицы А.Олара: http://vive-liberta.narod.ru/journal/matveeva_supetre.pdf]

Член трибунала Вилат оставил нам интересный рассказ о том, что Робеспьер делал в эти немногие минуты ожидания:

«Все его лицо сияло впервые радостью. Он не завтракал. Охваченный чувствами, которые возбуждал этот величественный день, я предлагаю ему зайти ко мне; он, не колеблясь, соглашается. Он был поражен громадным стечением народа в саду Тюльери: надеждой и весельем сияли лица у всех. Женщины увеличивали красоту зрелища своими элегантными нарядами. Чувствовалось, что все пришли, чтобы справить праздник в честь творца природы. Робеспьер ел мало. Его взоры часто обращались на это прекрасное зрелище. Его пьянил восторг. *Как завидна участь человечества! О природа, твое могущество величественно и отрадно! Поблещут тираны, узнав об этом торжестве!* Вот все, что он сказал».

Между двенадцатью и часом дня Конвент с Робеспьером во главе появился на балконе и на помосте. Робеспьер был в одежде, которая навсегда запечатлелась в памяти народа: в голубом фраке и нанковых панталонах. В руках его, как и у всех его товарищей, был букет из колосьев, цветов и плодов. Он поднялся на трибуну и произнес следующую речь:

«Наступил, наконец, незабвенный день, посвящаемый французским народом Верховному Существо. Никогда еще мир, созданный им, не предъявлял зрелища более достойного его взоров. Оно видело на земле господство тирании, порока и обмана. Сегодня же оно лицезреет, как целый народ, ведущий борьбу со всеми угнетателями человеческого рода, прервал свои героические труды, чтобы обратиться с мыслью и мольбой к великому Существо, которое повелело ему поднять их на свои рамена и даровало силы отдаться им.

Не его ли бессмертная десница, запечатлев в душе человека законы справедливости и равенства, начертала смертный приговор тиранам? Не оно ли с начальных времен провозгласило республику и на все века и всем народам предписало свободу, верность и справедливость?

Оно создало царей не для того, чтобы они погубили род человеческий; оно создало жрецов не для того, чтобы они приковали нас, как бездушный скот, к колеснице монархов; не для того, чтобы явить миру прелесть низости, гордости, вероломства, жадности, разврата и лжи; нет, оно создало вселенную, чтобы явить свое могущество; оно создало людей, чтобы они поддерживали и любили друг друга и стезею добродетели достигли счастья.

Оно вложило в душу торжествующего угнетателя угрызения совести и ужас, а в сердце невинно угнетенного душевный покой и гордость; оно заставило человека праведного ненавидеть порочного и порочного чтить праведного; оно украсило чело красоты стыдливостью, чтобы еще больше возвеличить красоту; оно заставляет трепетать материнское сердце нежной лаской и радостью; оно увлажнило слезами отрады глаза сына, прильнувшего к материнской груди; оно заставляет замолкнуть страсти, самые властные самые нелепые, перед возвышенной любовью к отечеству, оно украсило землю чарами природы, плодородием и величием. Все прекрасное - дело его рук или оно само. Зло - свойство человека извращенного, который либо сам угнетает, либо приказывает угнетать себе подобным.

Творец природы всех смертных связал воедино цепью любви и блаженства. Да погибнут тираны, дерзнувшие разбить эту цепь!

Французы, республиканцы, на вас лежит долг очистить землю, оскверненную ими, восстановить справедливость, ими изгнанную. И свобода и добродетель родились вместе из лона божества; одна без другой они не могут жить среди людей.

Благородный народ, хочешь ты торжествовать над всеми твоими врагами? Тогда упражняйся в справедливости и чти божество единственно достойным его образом. Народ! Предадимся же сегодня, под его покровительством, безмятежным и чистым радостям, а завтра снова на борьбу с пороком и тиранией; мы покажем миру пример республиканских добродетелей, и это будет новым воздаянием Верховному Существо».

КУЛЬТ РАЗУМА и КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА
ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод Е. С. КОЦ и А. Н. КАРАСИКА

Москва: «Сеятель». 1925.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Когда оратор кончил, артисты Оперы исполнили гимн Дезорга «Отец вселенной, высшая мудрость»; музыка принадлежала Госсексу и произвела прекрасное впечатление.

Затем Робеспьер взял факел и поднес его к статуе Атеизма; исчезнув в пламени, она уступила место статуе Мудрости, которая, по словам Moniteur'a, предстала перед народом во всем своем блеске, по словам некоторых очевидцев - слегка закопченной,

После этого Робеспьер снова поднялся на трибуну и произнес вторую речь:

«В ничто превратилось, - сказал он, - это чудовище, которое замыслы царей напустили на нас. Пусть сгинут вместе с ним все преступления и несчастья мира! Вооружаясь попеременно то кинжалами фанатизма, то ядами атеизма, монархи продолжают замышлять гибель человечества. Будучи не в силах осквернить божество суеверием, сделать его союзником своих злодеяний, они селятся изгнать его с лица земли, чтобы нераздельно властвовать над нею силою порока.

Народ, не страшись их святотатственных заговоров! Они уже не в силах оторвать мир от лона его творца.

Несчастные, подымите голову выше: вы можете безнаказанно поднять ваши глаза к небу. Герои отечества, ваша благородная отвага не есть блестящее безумие: если клеветы тиранов могут вас убивать, то не в силах они уничтожить вас совсем. Человек, кто бы ты ни был, ты в праве проникнуться высокой мыслью о себе: ты можешь слить свою преходящую жизнь с божеством и бессмертием. Пусть же природа примет свой прежний блеск и мудрость вернется к своему полновластию. Верховное Существо не упразднено.

Мудрость прежде всего хотели изгнать из пределов Республики наши преступные враги. Ибо только мудрость может укрепить благоденствие государств: только она обеспечит плоды нашего мужества. Пусть же она будет с нами во всех наших предприятиях! Будем вдумчивы и сдержанны во всех наших замыслах, как люди, отстаивающие интересы всего мира; будем пылки и упорны в нашем гневе против злоумышляющих тиранов, невозмутимы в опасности, терпеливы в труде, страшны после неудач, скромны и бдительны после успехов. Будем благородны к добрым, сострадательны к несчастным, справедливы ко всем. Не будем рассчитывать на безмятежное счастье и на легкие победы, не будем рассчитывать на то, что зависит от случая или ошибки другого: будем надеяться только на свою силу и добродетель. Предоставленные самим себе, мы сами являемся бесценным залогом нашей независимости, и мы раздавим нечестивую лигу королей еще скорее величием нашего характера, чем силою нашего оружия.

Французы, вы боретесь с королями: вы достойны славить божество. Сущность сущностей, творец всего сущего, владыка природы, тебя оскверняет своими молитвами одичавший раб, низкий слуга деспотизма, вероломный и жестокий аристократ; но защитники свободы могут доверчиво вручить тебе свою судьбу. Творец всего сущего, мы не обратимся к тебе с несправедливой мольбой. Ты знаешь существа, созданные тобой; их нужды не ускользают от твоих взоров, как и самые затаенные мысли. Ненависть к несчастью и тирании горит в наших сердцах вместе с любовью к справедливости и отечеству; наша кровь проливается за дело человечества: в этом наша молитва, наша жертва, наше воздаяние тебе».

Обе речи Робеспьера вызвали большой восторг. Буасси д'Англа писал несколько недель спустя: «Когда Робеспьер говорил о Верховном Существом народу, наиболее просвещенному в мире, он напомнил мне Орфея, внушавшего людям начала просвещения и нравственности». И даже Лагарп, строгий судья академии, принес в письме поздравление Робеспьеру.

Когда закончилось празднество в Тюльерийском саду, шествие тронулось на Марсово поле. «Национальный Конвент», как сообщает Moniteur, оцепляла трехцветная лента, которую несли: «Детство», украшенное венком фиалок, «Зрелость» с дубовым венком и «Старость» с виноградными лозами и пальмовыми ветвями... В центре народных представителей двигалась колесница античного образца, на которой сверкал трофей в виде орудий искусств и ремесл и произведений французской земли. Среди них виднелся плуг, украшенный колосьями хлеба, типографские инструменты, орудия просвещения.

Их осенял дуб, а рядом с ним возвышалась статуя Свободы; это должно было означать, что искусства процветают только под ее властью. Колесница была задрапирована красной тканью; в нее впряжены восемь волов с позолоченными рогами.

Члены Конвента были в новых одеждах, что придавало зрелищу еще более величественный характер. Кorteж обошел вокруг «Статуи Свободы».

В качестве председателя Конвента Робеспьер шел во главе своих коллег один, на некотором расстоянии от них; может быть по собственному желанию, а может быть, они намеренно сторонились его. Раздавались крики: Да здравствует Робеспьер! Было очевидно, что Робеспьер стал диктатором и верховным жрецом. Кто-то сказал: «Посмотрите на эту шельму: ему мало хозяйничать тут, он хочет быть богом!» Члены Конвента были возмущены. Наиболее смелые обратились к нему с упреками, как только услышали его речи к народу.

Он сам рассказал об этой сцене, не называя, впрочем, никого в речи, произнесенной 8 термидора. Кто поверит, - сказал он, - что среди общего веселия нашлись люди, которые с бешенством встречали трогательные приветствия народа? Кто поверит, что они оскорбляли председателя Национального Конвента, когда он говорил с народом, и что этими людьми были представители народа?» Повидимому, среди поносителей Робеспьера особо выделялись Бурдон, депутат Уазы, и Мерлэн из Тионвилля. Ле-Куэнтр впоследствии утверждал, будто он крикнул Робеспьеру: «Я тебя столь же презираю, сколько ненавижу!» Другие напоминали ему о Капитолии и Тарпейской скале. Разыгрывалась как - будто предварительная репетиция 9 термидора. Но народ ничего не замечал, и если гордость Робеспьера уязвляло это глухое недовольство, торжество его, тем не менее, оставалось блестящим в глазах Франции и Европы.

Что касается второй части церемонии, то приведем здесь отчет, напечатанный в *Moniteur'e*; он был воспроизведен многими газетами и, повидимому, считался правдивым его современниками.

«Когда шествие прибыло на поле Единения, колонна мужчин развернулась с правой стороны горы, а колонна женщин с левой. Батальоны юношей построились вокруг нее. Группа старцев и юношей разместилась на горе справа; группа молодых девушек и матерей семейств там же слева, Конвент занял вершину горы, а музыканты середину. Когда мужчины и женщины построились окончательно, музыканты исполнили гимн в честь Верховного Существа.

После гимна была исполнена большая симфония: старцы и юноши, которые находились на горе, пропели первую строфу на мотив марсельезы; они давали клятву не складывать оружия, пока враги Республики не будут уничтожены. Все мужчины на поле Единения отвечали хором:

Не сложим наших победных мечей
Пока не сгинут зло и злодей!

Группы женщин и молодых девушек вторили им другими строфами, и, наконец, последние слова песни подхватывала вся гора. Одновременно с этим молодые девушки бросали к небу цветы, а юноши обнажали сабли и приносили клятву всегда одерживать победу. Старцы возлагали на них руки и давали им родительское благословение. Наконец, орудийная пальба, как символ национальной мести, огласила воздух, и все граждане и гражданки, давая выход своим чувствам в братских поцелуях, завершили праздник кликами в честь человечества и гражданственности: «Да здравствует Республика!»

ГЛАВА XXIV. Последствия праздника Верховного Существа

Так прошел праздник 20 прериала II года Республики в честь Верховного Существа. Робеспьер искренне верил, что он ввел новую религию, и если новый культ не вызвал особых восторгов в народе, он заинтересовал его чрезвычайно.

На следующий день, 21 прериала, национальный уполномоченный Пэйан произнес в Коммуне речь, прославляя этот день и характеризуя его как день завершения революционного дела.

«Радость, - сказал он, - была всеобщей, восторг овладел всеми, и день этот, память о котором будет вечно жить в чувствительных сердцах республиканцев, есть несомненно самый сладостный плод революции. Она показывает, с какой быстротой развивается дух народа и несется к последним пределам человеческого разума».

Всех граждан удовлетворил простой и естественный культ Верховного Существа, они не пожалели ни о своих священниках, ни о своих прежних суевериях; они дали обет любить страстно добродетель и свободу; они решили исполнить свой долг перед божеством и отечеством. Чувство братства единило все сердца; ни один прискорбный случай не расстроил общей радости. Братская любовь была столь велика, что когда люди, охваченные усталостью, ложились на землю по дороге, ведущей на поле Единения, громадная толпа, направлявшаяся туда, старалась оберечь их сон, и женщины, обходя их, подымали свои юбки, чтобы не разбудить спящих.

В былое время нужна была многочисленная стража, чтобы охранить общественные сады от народа; теперь народ знает, что они принадлежат ему, и бережно относится к ним. Ни одна роза, ни один цветок не были сорваны в Национальном Саду.

Трудно описать, какое удовлетворение господствовало всюду. Общее чувство было слишком нежно, чтобы высказаться в порывах бурной и переходящей радости, но улыбка была у всех на устах; чувство, которое описать тем труднее, чем больше переполнены им сердца, охватило все души; в толпе женщины вели своих двух- или трехлетних малюток; ни одного из них никто не толкнул, не стеснил. Какие благоприятные последствия должен дать этот праздник! Сколько малодушных граждан он скрепит с Революцией, вселив в них утешительную идею Верховного Существа и добродетели.

На прежних празднествах стыд оскорбляли разговоры самые нескромные; вчера всюду господствовала благопристойность, и юные гражданки в кругу своих почтенных родителей казались всем и более интересными и более прекрасными. Весело и прилично проходили танцы.

Порочные люди, вы видите веселье только в разврате; посмотрели бы вы, какая радость играла на всех лицах еще после праздника и на следующий день! Граждане не могли взяться за работу. Не вследствие излишеств вчерашнего кутежа, нет, они были благоразумны; но впечатления, испытанные ими, были столь сладостны, что они все еще отдавались им и наслаждались даже своими воспоминаниями. Будем надеяться, что этот праздник прошел столь же трогательно по всей Республике и увеличил еще больше, если возможно, любовь всех граждан к свободе и ненависть их к тирании!»

Но официальное красноречие Пэйана не смогло превратить в религиозное чувство то чисто эстетическое удовольствие, которое испытали парижане от грандиозного театрального зрелища, приготовленного для них Давидом. Парижские секции отнеслись, повидимому, холодно или враждебно к культу Верховного Существа...

Сторонники Робеспьера хотели прежде всего, чтобы к новой религии отнеслись серьезно, чтобы ее уважали как религию государственную. Несколько писателей возымели мысль инсценировать на театре праздник 20 прериала. Комиссия Народного Просвещения установила по этому поводу следующие руководящие положения относительно того, как надлежит почитать Верховное Существо.

«Какая же театральная сцена с ее картонными утесами и деревьями, с ее тряпичным небом может сравниться с великолепием зрелища 20 прериала или стереть память о нем?

Бой барабанов, звуки музыки, грохот пушек, клики радости, несущиеся к небу, широкие волны народа, спаянного братской любовью, которые то величественно вздымались, то нежно опускались, свидетельствуя сразу и об упоении его благодарным восторгом и о ясном, спокойном сознании общественного долга; влажные туманы и облака, которые зефир, точно играя, ласково колыхал над нашими головами и время от времени приоткрывал для лучей солнца, как-будто призывая его в свидетели прекраснейших моментов торжества, наконец гимн победы, единение народа с его представителями и клятва перед лицом солнца с высоко поднятыми к небу руками: служить добродетели и Республике.

Вот где сказался предвечный, все великолепие природы, все торжество Верховного Существа!

Только этими воспоминаниями можно воскресить глубокие чувства, переполнившие наши сердца: искать их в другом месте - значит ослаблять их; воспроизводить это величественное зрелище на театральной сцене значит устраивать пародию на него.

Таким образом, тот, кто замыслит разыгрывать подобные праздники на сцене, унизит их величие, уничтожит весь эффект и водрузит знамя раскола между религией французского народа и человеческого рода. Ибо если разрешить собирать народ по отдельным залам, подражать народным празднествам на театре, кто не поймет, что подобные маскарады станут по преимуществу праздниками избранного круга, что они будут поощрять склонности некоторых лиц обособляться, уклоняться от национального движения? Праздники народа учат добродетели, они должны быть всеобщими и должны праздноваться только всем народом.

Наконец, разве достойны предвечного эти жалкие представления, эти хриплые песни толпы самозваных певцов, которых никогда не вдохновляла свобода!»

И Комиссия Народного Просвещения добавляет тоном угрозы:

«Писатель, который вместо того, чтобы поучать, только подражает, который вместо того, чтобы возбуждать интерес, только устраивает пантомимы, который вместо картин рисует только карикатуры, - бесполезен для литературы, для нравственности, для государства, и Платон изгнал бы его из республики.

В виду этих соображений Комиссия, приняв во внимание,

что пьесы, посвященные воспроизведению на сцене праздника в честь Верховного Существа, каковы бы ни были таланты их авторов, представляют лишь тесные рамки вместо огромной картины;

что они не соответствуют ни истине, ни природе;

что они имеют тенденцию ослаблять эффект и заглушать интерес к национальным празднествам, нарушая единство празднования;

что они являются подражанием, лишенным художественности, бездушной картиной;

что они небольшими группами заменяют народные массы и таким образом оскорбляют их величие;

что они вредны для прогресса искусства, губят таланты, портят вкус, не поучительны для нации, -

постановляет, что праздник Верховного Существа не может быть представлен ни на одном театре Республики...

Париж. II мессидора, II года Французской Республики, единой и неделимой. Члены Комиссии Народного Просвещения.

Пэйан, комиссар; Фургад, помощник комиссара».

Можно смело сказать, что этим замечательным постановлением культ Верховного Существа был официально признан государственным культом, и ему предоставлены права и привилегии католичества.

ГЛАВА XXV. Попытки ввести единообразие в культ Верховного Существа. Катехизисы и ритуалы

Культ Верховного Существа, хотя и принятый Францией, далеко не всюду соответствовал замыслу его основателя.

Чего хотел Робеспьер?

Он хотел религии, основанной только на двух догматах: на существовании бога и бессмертии души. Но эти два принципа во всем их целомудренном обнажении можно найти только в речах правительственных чиновников, т.е. национальных уполномоченных, которые становятся, таким образом, официальными проповедниками этой новой религии-минимум... В этих казенных речах часто раздаются проклятия по адресу атеизма и материализма, делаются вскользь два-три выпада против «суеверия», но никогда не упоминается о христианстве и никогда не позволяют себе нападать на него. Мэры, президенты департаментов, председатели трибуналов в большинстве случаев держатся точно также нового правоверия.

Что касается обрядов нового культа, который был освящен в один и тот же день во всей Франции, то только в немногих районах Робеспьер мог бы признать их вполне ортодоксальными; эти единичные победы нового правоверия были одержаны, главным образом, на севере и северо-востоке Франции... Так, в Труа посреди пышного кортежа четыре молодых девушки несли алтарь, посвященный Верховному Существо; им предшествовали восемь девиц с сосудами благовоний. Цветы и ветви - единственное украшение этого алтаря, над которым виднеется надпись: «Верховному Существо».

Но и здесь почести оказываются не столько богу «Савойского Викария», сколько богу битв; воспевают не «творца природы», а патриотизм.

Сторонники Робеспьера сделали все усилия, чтобы установить единый культ Верховного Существа для всей Франции. Из правительственных органов особое рвение в пропаганде новой религии проявляла Комиссия Народного Образования. 20 прериаля II года она постановила опубликовать и распространить по всем департаментам, округам, муниципалитетам, революционным комитетам и народным клубам обе речи Робеспьера. Она отпечатаала и распространила также ряд духовных стихотворений, между прочим Оду в честь Верховного Существа, сочиненную гражданином Дантильи.

Появились также катехизисы и требники, исходившие от официальных лиц: так, литератор Лашабоссьер, бывший начальником отделения в министерстве внутренних дел, опубликовал «Катехизис республиканский, философский и моральный», где в стихах давались ответы на такие вопросы: «что такое бог?» «как следует его почитать?» «как слабый может справиться с сильным?» Гражданин Тьебо, начальник канцелярии департамента Мерты, сочинил «Руководство для устройства праздников в честь Верховного Существа в деревнях»; преподаватель Сэранны составил «Катехизис гражданина», который заканчивался следующей молитвой, которую, говорит он, читали по его указанию его воспитанники:

«Верю, что есть существо всемогущее, вечное, бесконечное, совершенное, всезнающее и любящее.

Верю, что небо и звезды, земля и планеты, звери и все животворящие элементы и все сущее - его, благодетеля, творения. Обожаю его и духом и телом, и отдаюсь ему и мыслью, и словом и делами.

Чтобы снискать покровительство Всемогущего..., достойно буду исполнять надлежащие мне обязанности и на благо общества, в котором и ради которого родился, употребляю все мои силы, весь свет моего разума и все добродетели моего сердца...

Хочу жить и умереть добрым республиканцем, убежденный, что Республика - единственное природой освященное правление, ибо только она согласна с правами человека.

Прими, о боже, этот священный обет и дай мне силы его исполнить. Да будет так!»

Наконец, гражданин Гурис издал «Office republicain» («Республиканское богослужение») с утренними и вечерними молитвами и с заповедями отечества.

ГЛАВА XXVI. Культ Верховного Существа в провинции.

Стремление приноровить культ к католическому образцу.

Стремление слить его с культом Разума. Продолжение дехристианизации

Несмотря на все старания, правительство было бессильно внести единство в это религиозное движение, оформить усердие народных клубов, местных комитетов и даже многих провинциальных органов управления.

Комиссары Конвента до известной степени были главными застрельщиками их религиозного рвения, что даже официально признал один из них - Кассаниес.

Отсюда получалось большое разнообразие обрядовых форм культа.

Во многих местностях явно обнаруживается тенденция установить их по образцу прежней религии. Мы уже приводили слова Грегуара, что культ Верховного Существа пробуждал в католиках надежды на восстановление католичества. В благочестивом Лионе праздник 20 прериаля имел громадный успех как некоторое приближение к христианскому культу, как надежда на его возрождение.

Праздник Верховного Существа совпал с днем троицы. Неизвестно, входило ли это совпадение в планы Робеспьера, но, во всяком случае, оно было всеми замечено

Если некоторые католики были опечалены кощунственностью такого празднования, другие усматривали в нем дань уважения старой религии. Повидимому, в некоторых местностях католики явились на этот праздник со своими молитвенниками и четками. Во всяком случае, не мало католических обрядов было внесено в новый культ, например воскурение благовоний, и не мало молитв по своей форме до такой степени напоминали катехизис, что простые души легко могли ошибиться.

Так было в Оксере, где президент департамента Мелэн обращался к богу со следующими словами. «Дыхание твое, о боже, несет на коалицию деспотов знамена Республики»; так было в Версале, где мэ́р сжигал благовония перед алтарем Верховного Существа; так было в Безансоне, где молитва члена Конвента Лежена была предварительно одобрена клубом якобинцев и распространена по всему департаменту. Вот краткая выдержка из этой официально одобренной молитвы:

«...Бог всемилостивый, бог справедливый, высшее и предвечное Существо, верховный вершитель судеб человеческих, творец всех земных благ, ты не отвергнешь молитв этих добродетельных людей, собравшихся в твой храм на молитву: они просят у тебя только правды и справедливости...

Благослови знамена нашего единения, под которыми мы собрались, чтобы завоевать свободу; благослови священные фаланги наших пылких юношей, презирающих смерть, благослови их уничтожить тиранию и восстановить свободу. Благослови, о боже, почтенные семьи и доблестных детей отечества, молящих тебя даровать им победу. Благослови наши полки, просвети разумам твоим наших законодателей и дай силы нашим властям. Разоблачай попрежнему, о боже, заговорщиков и изменников, которые захотят наложить на нас оковы, и да настигнет их десница твоя всемогущая и предаст мечу законного возмездия!..

Раскрой глаза заблудшим братьям нашим: обрати их к разуму и истине; пусть войдут они в твой храм вместе с нами, пусть воздадут тебе почести, пусть наслаждаются драгоценными плодами равенства и воспоют бессмертную хвалу тебе во веки веков. Да будет так!»

Но не следует думать, что если революционеры заимствовали у католической церкви ее литургические формы, они хотели вернуться и к старой религии. Тот же Лежен не поколебался, при случае, вознести культ Верховного Существа и унижить церковь; он открыто заявляет, что в новой религии больше благочестия и больше духовности, чем в старой, и священников обозвал атеистами.

Во всяком случае, надо оговориться, что эти мистические тенденции в культе Верховного Существа составляли все-таки исключение. Почти всюду господствовал дух философии или, вернее, свободомыслия. Франция видела в культе Верховного Существа прежде всего дальнейшее развитие, более усовершенствованную форму культа Разума. Можно смело сказать, что именно в провинции декрет 18 флореаля был принят как естественный плод церемонии 20 брюмера. Так, административные власти Калэ пишут Конвенту: «Вы усовершенствовали познание бога; вы привели его на суд Разума»; в Гавре национальный уполномоченный старается на публичном заседании Генерального Совета установить, «что Разум и Верховное Существо - тождественные принципы; что почитать Разум значит почитать Верховное Существо».

Сторонники Разума, отчасти запуганные, отчасти обманутые, без сопротивления уступили место новому культу.

В сущности, большая часть Франции не осознала религиозной революции, совершенной Робеспьером. Даже в отчетах о парижском праздновании 20 прериала одни по наивности, другие намеренно умудрялись видеть только аналогию с праздником 20 брюмера. В статуе Мудрости, которая появилась в саду Тюльери, видели замечательное сходство со статуей Разума. Несколько сооружений, украшавших новый праздник, казались тождественными с прежними, в особенности символическая гора на Марсовом поле; она напоминала гору в Соборе Парижской Богоматери, на которой восседала артистка парижской Оперы. Было отмечено, что тот же Мари-Жозеф Шенье, который официально славил теперь Верховное Существо, раньше воспевал торжество свободной мысли. И потому провинция часто ограничивалась подновлением старых символов для празднования нового культа. Так, член Комитета Общественного Спасения Приер, командированный в Бретань, считает достаточным для прославления нового культа «освежить и починить» ту самую гору, которая служила для культа Разума и осенить ее знаменем, украшенным словами Расина:

Кто усмиряет ярость волн морских.
Тот без труда смирит и козни злых.

На многих церквах остались прежние надписи: Храм Разума. Но вот факт особенно характерный и, вероятно, не единичный: в Безансоне в день 20 прериала в центре кортежа, позади представителя народа, окруженного конституционными властями, двигалась колесница, влекомая четырьмя быками. На колеснице восседало трое старцев; один держал в руках сноп колосьев, другой виноградные лозы, третий линейку и угломер; над ними в легком одеянии, увенчанная цветами, сидела на троне... кто? - Гражданка Кюссэ, экс-богиня Разума.

Добавим, что почти всюду в провинции корифеи культа Разума играют главную роль и в церемониях культа Верховного Существа.

Что касается духа новых церемоний, то и здесь есть пункт, на котором сходятся оба культа и продолжают друг друга: и в этих празднествах братаются между собою различные религии. Так, в Эльзасе в Неф-Саавердене «граждане пяти религий собрались, чтобы совместно отпраздновать день Верховного Существа, отречься от своих заблуждений, и объединиться в отправлении общего культа, освященного природой»; в Герикуре (Верхней Саоне) одна и та же церковь служила протестантам и католикам; только деревянная перегородка отделяла их друг от друга. Культ Верховного Существа был с радостью встречен местными патриотами, как средство, которое уничтожит всякие преграды между французами: «Пора, заявила Коммуна, уничтожить все, что может напоминать еще о старой религии, и прежде всего ограду, которая отделяет наши кладбища, и перегородку, которая делит наш храм посередине... Пусть в храме останется один только алтарь, а другой отнесите в залу Народного Клуба»...

В некоторых местностях культ Разума, если можно так выразиться, едва деистичен: в речах вы не услышите имени бога; культ Верховного Существа отождествляется с любовью к отечеству и к ближним, а культ Христа высмеивается.

Дело в том, что в провинции культ Верховного Существа есть подчас не что иное, как продолжение борьбы против христианства.

В Безансоне, у подошвы горы, на площади Равенства, возвышалась статуя Атеизма, которую по примеру Робеспьера сжигает член конвента Лежен. Но костер сложен из крестов, святых обою пола, четок, образов, церковных книг, чаш, наконец в этой же куче святая Урсула с одиннадцатью тысячами так называемых девственниц; и пламя костра пожирает на глазах жителей не столько философский атеизм, сколько реальную католическую церковь, а статуя Атеизма воплощает не столько нечестивое свободомыслие, сколько прежнюю религию.

С другой стороны, продолжается с большей энергией и согласием не только законное изъятие церковных ценностей для надобностей национальной обороны, но вне-законное расхищение внешних символов культа в целях оскорбления католичества.

Надо ли напоминать, что эта война, начатая новым культом против старого, противоречила замыслам правительства Робеспьера? Мы знаем, что Конвент декретировал неоднократно свободу религиозных культов. Мы слышали советы Атанаса Во с трибуны Конвента не высмеивать католицизм. Брат Робеспьера, будучи эмиссаром Конвента, спешит освободить всех, кто был задержан за свои убеждения. Но именно потому, что культ Верховного Существа являлся религией и притом государственной религией, он отличался нетерпимостью. В некоторых районах имелись летучие проповедники, как и во время культа Разума: их именовали «проповедниками декад» (*predicateurs de decades*); это настоящие миссионеры, а когда же миссионеры отличались терпимостью?

Уже то, что храмами нового культа являлись католические церкви, вызывало бурные столкновения.

Так, 20 прериала в сельской коммуне Рош-ле-Бопрэ, около Безансона, процессия рабочих местной фабрики часов вошла в церковь. Рабочие несли образа своих святых: Руссо, Ле-Пелетье, Шалье, Марата. Во главе их находился один из сторонников культа Разума, учитель Давид. Он всходит на церковную кафедру и собирается печать свою проповедь, «как вдруг из ризницы выходит кюрэ, бывший монах, в церковном облачении и епитрахили; в гневе он распахивает врата божницы, схватывает распятие и уносит его с собой. Какие-то старухи молят небо, чтобы крыша обрушилась на самозванного проповедника и его слушателей».

В провинции оппозиция духовенства была всего сильнее; из-за этих конфликтов там возникла мысль, что новый культ должен во что бы то ни стало вытеснить прежнюю религию.

Поэтому без ведома правительства или даже вопреки его воле появился целый ряд распоряжений, продиктованных разгоревшимися на местах страстями, угрожавших насилиями, несогласованных между собой, носивших случайный характер в зависимости от ежедневных столкновений в этой войне против церкви.

Все эти меры в защиту культа Верховного Существа, которые должны были насильно придать ему вид и престиж господствующей религии. Здесь были: 1) принудительные меры к признанию культа, либо принудительное участие в торжествах; 2) запрещение работать в десятые дни декад; 3) запрещение рестораторам давать пить или есть во время «поучений». Но прежде всего издавались распоряжения, направленные прямо против католичества.

Конечно, декрет 18 флореаля охранял свободу культов, но он запрещал все аристократические собрания и угрожал наказаниями всем, католикам или философам безразлично, кто вызовет смуту из-за религиозных вопросов.

Эти меры, вполне законные по существу, были приняты, как казалось, исключительно в интересах национальной обороны. В действительности же их применяли в целях разрушения католической церкви и в целях защиты культа Верховного Существа.

Скопление молящихся у церковных служб обыкновенно объявлялось аристократическим собранием. На этом основании местные власти запретили постепенно всюду отправление католического богослужения. Принудительное снятие духовного сана стало теперь явлением более частым, чем во времена Гебера. Священников, которые не отрекались от своей веры, заключали в тюрьмы как аристократов. Член конвента Бори (Воле) издал незаконный приказ, чтобы всякий католический священник или протестантский пастор был удален из своей коммуны на расстояние 20 лье.

Может показаться странным, что сельские коммуны, где христианство нельзя было искоренить, так легко примирялись с удалением своих кюрэ, и что Вандейское восстание не распространилось на всю Францию. Но не надо забывать, что эти кюрэ были конституционными священниками, «принесшими присягу». Чем благочестивее были сельские коммуны, тем скорее примыкали они к культу Разума: им хотелось отделаться от «пришельцев». Стремительное и забавное крушение гражданского положения клира доставляло радость тем, кто, ненавидя Революцию, хотел гражданской войны. А прочие - безразличные или примиренные - молчали.

ГЛАВА XXVII. Патриотизм и культ Верховного Существа

Достойно замечания, что относительно празднеств в честь Верховного Существа мы располагаем значительно меньшими данными, чем относительно культа Разума. Народное одушевление, которое придавало движению гебертистов характер разудалого маскарада, отсутствовало совершенно в церемониях робеспьеровского культа: священнослужителями этого культа были почти повсюду буржуа, ученые, чиновники, административные власти. Современники говорят, что эти праздники были «прекрасны»: эта хвала чаще всего срывается с их уст. Но никто из участников 20 прериала не был тронут душевно торжеством деистической религии; и действительно, в этот день, кажется, во Франции было пролито не слишком много слез умиления или гнева.

Но было все-таки одно искреннее чувство, которое объединяло верующих с безразличными: это чувство патриотизма. Только это чувство оживляло и согревало несколько протокольный холод церемониальных форм нового культа. Прочтите, например, отчет о празднике в честь культа Верховного Существа в Страсбурге: этот праздник превозносит и прославляет идею отечества, он угрожает Австрии. Отметим несколько черт этого грандиозного празднества, которое так скоро сменило собой не менее грандиозное торжество в честь Разума.

«На расстоянии 8 лье с обоих берегов реки, отделяющей французскую землю от страны рабства, можно было заметить фригийский колпак свободы на вершине соборной башни, украшенной трехцветными лентами, которые колыхались в воздушном просторе.

В самом же соборе в это время происходило настоящее торжество деизма.

Внутренность храма, превращенного в амфитеатр, могла вместить громадные массы народа. Посредине возвышалась гора, на вершине ее алтарь античной формы, на котором были представлены в виде барельефов важнейшие моменты нашей Революции. Едва кортеж вступил в эту ограду, как гора покрылась группами юных гражданок, которые возложили на алтарь цветы, колосья и плоды, причем они сами были наиболее прекрасным украшением алтаря.

Освежающие благовония, которые они кидали своими нежными реками в раскаленные кадила, возносили к сводам храма ароматы. Охваченный сладостным трепетом народ благоговейно затих; сердца таяли в чувстве братской любви и благоволения.

Затем раздались звуки музыки, один поэт прочел оду в честь Верховного Существа. Потом знаменитый немецкий композитор Плейель, со времени Революции, пробудившей любовь к полям, ставший земледельцем, сыграл блестящую и величественную пьесу, а многочисленный хор юных гражданок вторил ему песней».

Наконец, член Конвента Лакост напомнил о благодарности божеству, но божеству, которое покровительствовало нашему оружию, и говорил, главным образом, о Республике и о национальной обороне.

Те же чувства мы можем отметить в Ландо, если судить по наивному произведению, носящему такой заголовок: «Декларация, сделанная депутации Коммуны Ландо относительно праздника Верховного Существа, 20 прериала второго года Французской Республики, единой и неделимой»:

«Мы признаем Верховное Существо и бессмертие души.
Верхное Существо есть владыка природы.
Природа питает Республику.
Республика едина и нераздельна.
Единство и неделимость Республики - делают Республику непобедимой.
Непобедимость - сила Республики.
Торжество Республики - колыбель свободы.
Свобода - мать равенства.
Равенство - сестра братства.
Братство - опора Республики.
Опора республики крепнет благодаря разуму и философии.
Разум и философия порождают добродетель.
Добродетель - украшение республиканца.
Республиканец-патриот.
Патриот верит в Верховное Существо и в бессмертие души.
Да здравствует республика! Да здравствуют Монтаньяры! Да здравствуют якобинцы!

Жан Жак Фрид; Жан-Анри Жиллэ».

Таким образом, ясно, что во всех этих религиозных манифестациях честные граждане Страсбурга и Ландо думают только об отечестве.

ГЛАВА XXVIII. Культ Верховного Существа растворяется в патриотизме

Мне кажется, что то же чувство патриотизма охватило в эту эпоху всю Францию и что патриотизмом следует объяснять ее поведение. Всюду день Верховного Существа праздновали с той благопристойностью и важностью, какую предписывало правительство, потому что Робеспьер заверял, что новый культ-средство покорить Европу. Догматы и теодицея «Савойского Викария» сами по себе не трогали сердца тех французов, которые с оружием в руках дрались за Францию и революцию. И ораторы, и слушатели воодушевлялись только при слове отечество, причем чрезвычайно характерно, что оды в честь Верховного Существа распевались, в большинстве случаев, на мотив Марсельезы.

Можно смело сказать, что в течение нескольких недель культ Верховного Существа рассорился в культе отечества. В Мессидоре Атанас Во, Флерио-Леско и даже робеспьерист Пэян говорят о новой религии государства уже только как об одной из форм патриотизма. В особенности теперь, когда австрийцы разбиты, когда победоносная Франция зажила спокойно, когда нет такой необходимости щадить общественное мнение Европы, культ Верховного Существа замирает и выходит из употребления.

В Безансоне правоверным сторонникам робеспьеровской религии приходится очистить обширные церкви и удалиться в тесную часовню местного лица. Робеспьер удивлялся, возмущался, приписывал неудачу своей религии проискам личных врагов. Он потребовал 7 термидора, чтобы клуб якобинцев заклеил позором петицию о предании смерти всякого богохульника, случай ее делом рук последователей Гебера. Он жаловался, что правительство слишком поспешило с уничтожением временных памятников, воздвигнутых в Париже к празднику 20 прериала. Сен-Жюст обвиняя 9 термидора Билльо-Варенна и Колло д'Эрбуа в том, что они будто бы предлагали прекратить всякие разговоры о Верховном Существо и бессмертии души. Подобными жалобами и доносами инициаторы неудачливой религии старались скрыть от себя действительные и неизбежные причины своего поражения: народ принял их религиозную попытку лишь как орудие национальной обороны. Национальная оборона закончилась успешно, орудие стало ненужным. Победа при Флерюсе убила не только первосвященника культа Верховного Существа, но и самый культ.

ГЛАВА XXIX. Революция 9 термидора и культ Верховного Существа

В проекте протокола заседания Конвента от 9 термидора, составленного Шарлем Дювалем, подлежавшего напечатанию, но не утвержденного Конвентом, можно прочесть, что мотивы ареста Робеспьера не были исключительно политического характера и что Конвент хотел покончить также и с его религиозным деспотизмом, с той тиранической государственной религией, первосвященником которой он был.

«Мы видели, - говорил Дюваль, - как он (Робеспьер), потеряв надежду склонить народ па сторону фанатизма и католического жречества, особенно любезного ему, пытался подменить его новым культом и новым жречеством и таким образом принудить великое политическое собрание, свободное и республиканское правительство отклониться от разума и принципов, запрещающих рассудительной власти вмешиваться в область религиозных вопросов, кроме как для того, чтобы подавлять или карать за насилия, беспорядки и преступления, которые они могут повлечь за собой».

Несомненно, что сторонники свободной мысли с радостью встретили падение основателя деистской религии. Но 9 термидора с трибуны Конвента никто не поставил Робеспьеру в вину его религиозных замыслов; не было сделано намеков насчет Верховного Существа; только Вадье высмеивал его задним числом в связи с делом Катерины Тео. Не во имя философии термидорианцы свергли Робеспьера, а потому, что диктатура его внушала им страх. И если общественное мнение поддерживало их, то, повторяю, потому именно, что победы Франции убили систему террора, представителем которого в глазах народа был Робеспьер

Тем не менее, Робеспьера как первосвященника нового культа не пощадил сарказм. Когда в Городской Ратуше в ночь с 9 на 10 термидора Робеспьер, раненый выстрелом из пистолета, упал, обливаясь кровью, «к нему приблизился один санкюлот и, обращаясь к нему, хладнокровно сказал: «Он - Верховное Существо!» Когда хирург обвязал бинтом его голову, раздались крики: «Вот он в повязке, как монахини!» Когда, находясь в Консьержери, он попросил чернила и перо, тюремщик, издеваясь над ним, сказал: «Хочешь писать твоему Верховному Существо?»

На следующий день после смерти Робеспьера уголовный трибунал 5 округа преподнес Конвенту приветственный адрес, который начинался следующей жестокой фразой: «Да, есть Верховное Существо, которое улыбается добродетели и зорко следит за преступлением, которое видит, как нечестивец плетет свои злодеяния в тиши лицемерия и которое карает раньше, чем преступление свершится. Нет больше Катилины!» На том же заседании 11 термидора Эли Леско высмеивал «этого католического короля», «этого маленького человечка, который хотел стать таким великим и который, если бы мог, сместил предвечного и сам сел па его место».

Мы уже знаем, каким издевательствам подвергся после своей смерти Гебер в самих храмах Разума. Та же судьба постигла и Робеспьера. 10 термидора секция Брута «пела гимны в честь Верховного Существа в знак радости, что тирания пала». Граждане Нанси отправились в храм Верховного Существа, чтобы осквернить память побежденного Робеспьера.

Смерть Робеспьера, таким образом, не повлекла за собою закрытия храмов, посвященных религии, которую он хотел создать. Церемонии в этих храмах продолжались попрежнему, а в некоторых из них отправлялось нечто в роде богослужения. Рассказывают, что даже много времени спустя происходили соответственные торжества, напр. в Лилле в пятые дни санкюлотиды II года республики. Лилльский храм представлял сад, Элизиум. «Там были озера, горы, леса, гроты, далекие холмы, пирамиды, гробницы с надписями в честь великих друзей свободы. Посредине возвышалась статуя Свободы». Там была и гробница Руссо, «благоговейно осеняемая тополями и ивами», там высились памятники Ле-Пелетье, Бара и Виала, урна «Друга народа». Мне кажется, что граждане Лилля приступили к устройству этого Элизиума в прериале и что их долгий труд, потребовавший больших средств, был окончен только после 9 термидора; они не хотели, чтобы работа их пропала даром, и потому устроили праздник нового культа после падения Робеспьера. Верховному Существо были оказаны почести, но церемония была краткой и скромной: приветствовали падение Робеспьера и предали проклятию побежденную фракцию. В этом же храме несколько дней спустя член Конвента Берлье сказал приветственную речь по поводу побед Республики и очищения французской территории от врагов. Случалось, что в завоеванных странах французы еще некоторое время посвящали храмы Верховному Существо. Так поступил, напр., член Конвента Протье (Уаза), когда 30 фримера III года республики он в Аахене установил конституционную власть; но речь его по этому поводу была чисто политическая: невидимому, ему хотелось показать покоренному городу, что французы не атеисты.

Конвент не ждет, чтобы падение Робеспьера окрылило новыми надеждами сторонников Гебера и возродило культ Разума. Он не хочет, чтобы, как пишет один из его членов, «справедливая насмешка над замыслами тирана пошатнула идею Верховного Существа и бессмертия души». Сперва замечается робкое желание поддержать культ Верховного Существа, освободив его от налета робеспьеризма. Не только доклады, но и речи, которые произносились в Конвенте в III году по поводу празднования декад, полны ярко выраженных действительных настроений, но многие члены Конвента требуют, чтобы первый праздник был посвящен Верховному Существо. Но никто не решается требовать установления национального, государственного культа, и можно видеть, как постепенно берут верх либеральные идеи, которые вскоре повлекут за собою отделение церкви от государства.

Что касается декрета X флореаля, то Конвент не сохранил его и не отменил. Праздник Верховного Существа не был даже упомянут в знаменитом законе 3 брюмера IV года Республики, который установил семь народных праздников: праздник основания Республики, Юности, Супругов, Благодарности, Земледелия, Свободы и Старцев. Конвент даже не дал себе труда отменить праздник Верховного Существа: он забыл о нем. Великий замысел Робеспьера был уничтожен оскорбительнейшим забвением, а идеи его, облеченные в иные формы; подхватила кучка сторонников теофилантропизма.

1 Aulard. Histoire politique de la Revolution Francaise (p.p.369, 402).

2 Там же (стр.395).

3 Там же (стр.434).

4 Ниевр - название реки в департаменте Невер. - Прим. перев. Ошибка А.Олара. Первенцем четы Фуше была девочка, ее действительно назвали Ниеврой. Она умерла в младенчестве (в июне 1794 г.) – прим. редакторов *Vive Liberta*.

5 Игра слов: *communion* значит «св.причастие» и «община». - Прим. перев.

6 Глава IX составлена из глав IX, X, XI и XII оригинала; сокращены только частности, некоторые приказы; местами содержание дается в изложении. - Прим. перев.

А л ь ф о н с О л а р

КУЛЬТ РАЗУМА и КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА
ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод Е. С. КОЦ и А. Н. КАРАСИКА

Москва: «Сеятель». 1925.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009